

не обнаружилъ, чтобы разжалобить читателей этими слезами. До послѣдней строки онъ остался невозмутимо спокоенъ, сухъ и лакониченъ, будто рассказывалъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, ни мало не трагическихъ.

Рѣшетниковъ написалъ въ продолженіе своей литературной дѣятельности два толстые тома, содержащіе 124 листа компактной печати. И всѣ эти рассказы отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ: такъ же они неуклюжи, растянуты, исполнены мелкихъ, иногда совершенно ненужныхъ деталей, и потому тяжелы въ чтеніи, и всѣ заключаютъ въ себѣ неизмѣнно одно и то же содержаніе: какъ голодаютъ, холодаютъ, терпятъ всевозможныя мытарства, обиды и оскорбленія бѣдные люди, пробивая себѣ дорогу къ обезпеченію хотя бы самому скудному. Наболѣе выдающимся изъ всѣхъ этихъ произведеній являются: *Ставленникъ*, *Между людьми*, *Глуховы*, *Гдѣ лучше*, *Свой хлѣбъ*. Повѣсть *Между людьми* носитъ характеръ, какъ мы уже говорили, автобіографическій; здѣсь авторъ рассказалъ всю свою жизнь и особенно дѣтскіе годы со всѣми ихъ обстоятельствами. Въ романѣ *Свой хлѣбъ* въ свою очередь рассказана, по словамъ самого Рѣшетникова, жизнь одного очень близкаго ему лица. Принимая во вниманіе это непосредственное списываніе съ дѣйствительности со всѣми подробностями и безъ малѣйшихъ ухищреній, можно смѣло сказать, что Рѣшетниковъ былъ болѣе истиннымъ протоколистомъ, чѣмъ французскіе натуралисты. Это былъ грубый и необработанный самородокъ, непосредственно цѣльный, какъ въ произведеніяхъ, такъ и въ жизни. Тяжкія обстоятельства наложили на него неизгладимую печать, съ которою онъ сошелъ и въ могилу.

„Онъ былъ угрюмъ,—говоритъ его біографъ Гл. Ив. Успенскій,—неразговорчивъ, необщителенъ; порою грубъ... Отъ всѣхъ онъ сторонился, смотрѣлъ волкомъ, ко всему и всѣмъ былъ подозрителенъ, рѣдко-рѣдко добродушная улыбка освѣтитъ это угрюмое лицо... Никакихъ блестящихъ фразъ онъ не говорилъ, а если принимался рассказывать что-нибудь, то рѣчь его касалась всегда предметовъ нанюбденнѣйшихъ, была длинна, расплывалась въ мелочахъ и утомляла тѣмъ болѣе, что Рѣшетниковъ говорилъ монотонно, „себѣ подъ носъ“, не выпуская изъ зубъ коротенькой трубочки, отъ чего каждое слово отдѣлялось паузой. Наблюдатель уходилъ ни съ чѣмъ, чтобы потомъ, при появленіи новаго произведенія Ѳ. М., увиляться попрежнему смѣшено въ этомъ „совершенно обыкновенномъ человѣкѣ“ великаго и малаго...“

Подобно тому какъ въ своихъ сочиненіяхъ Рѣшетниковъ былъ не художникомъ, а словно добровольнымъ ходакомъ по народнымъ дѣламъ, такъ и въ самую жизнь онъ старался вносить то-же участіе къ народу и заботы объ оказаніи ему всяческой помощи.

„Въ бумагахъ Ѳ. М.—говоритъ біографъ его,—мы нашли много подлинныхъ доказательствъ этой истинной любви къ человѣку. Вотъ записки о какомъ-то пропавшемъ мальчикѣ съ обозначеніемъ примѣтъ, выписанныхъ изъ газетъ на случай, не удастся ли найти его; вотъ непечатанная статья о дурной пищѣ чернорабочихъ, старающаяся кого-то убѣдить, что простому народу нуженъ свѣжій воздухъ, и т. д. Между этими бумагами особенно интересно прошеніе, адресованное Ѳ. М.—чемъ къ сиб. оберъ-полиціймейстеру. Въ прошеніи этомъ Рѣшетниковъ рассказываетъ слѣдующее: вздумалось ему пойти однажды въ концертъ; прочитавши афишу и не замѣтивъ, что она вчерашняя, старая, онъ отправился въ дворянское собраніе, гдѣ вѣроятно въ это время проходила уже что-нибудь другое. Городовой не пустилъ Ѳ. М. въ подъездъ; онъ пошелъ въ другой—и тамъ не пустили, „прогнали прочь“, по собственному его выраженію. Ѳ. М. разсердился и отвѣтилъ, на него прикрикнули:—Куда ты лѣзешь? кто ты такой?—„Мастеровой!“ отвѣчалъ Ѳ. М. Результатомъ такого отвѣта было то, что Рѣшетниковъ ночевалъ въ части, откуда вышелъ весь избитый, безъ денегъ и кольца. „Довожу объ этомъ до свѣдѣнія вашего п-ства, писалъ онъ въ прошеніи.—Я ничего не ищу. Я только объ одномъ осмѣливаюсь утрудить васъ, чтобы пристава, квартальные, ихъ подчаски и городовые не били народъ... Этому „народу“ и такъ придется много получать всякой всячины“...

Жизнь его значительно улучшилась послѣ приобрѣтенія литературной извѣстности. Онъ вскорѣ женился на одной своей землячкѣ, такъ же,

какъ и онъ, круглой сиротѣ, прибывшей въ Петербургъ на *свой хлѣбъ*. Онъ имѣлъ теперь средства и досугъ для пополненія крайне недостаточнаго образованія. Изъ оставшихся послѣ смерти его бумагъ и записокъ видно, что ни на одну минуту не покидало его желаніе научиться, развить себя. Онъ читалъ книги, дѣлалъ изъ нихъ извлеченія. Но часы его недолгой жизни были уже сосчитаны. Губительный порокъ, приобретенный имъ въ монастырѣ, ежедневно подтачивалъ его силы, и тщетно боролся онъ съ нимъ: съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе захватывалъ несчастнаго въ свои когти. 9-го марта 1871 г. Рѣшетниковъ умеръ на тридцатомъ году жизни отъ отека легкихъ, оставивъ послѣ себя жену и двоихъ дѣтей.

IV.

Александръ Ивановичъ Левитовъ былъ родомъ тамбовецъ. Отецъ его былъ бѣдный сельскій священникъ. Родился Левитовъ въ 1842 году, и

А. И. Левитовъ.

дѣтство его прошло въ бѣдной и убогой обстановкѣ, ничѣмъ не отличавшейся отъ обстановки любого крестьянина средняго достатка. Изъ массы воспоминаній о дѣтскихъ годахъ, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Левитова, мы видимъ, что дѣтство его протекло тоскливо, монотонно и однообразно, какъ только могло оно протечь въ степной деревенской глуши, въ домѣ сельскаго попа. Только и было отраднато въ этой жизни, что обаяніе южной степной природы, положившей глубокой, неизгладимый слѣдъ на всю жизнь и дѣятельность Левитова. «Дѣти раздольныхъ полей,—вспоминаетъ Левитовъ свое дѣтство въ одномъ изъ своихъ очерковъ,—мы всегда убѣгали отъ грустныхъ матерей нашихъ въ поля или на улицы, гдѣ обыкновенно забывали и про обѣдъ, и про колотушки, которыми такъ тщетно заставляли насъ забывать про эти обѣ-

ды». Изъ всѣхъ сосѣднихъ сельскихъ ребятишекъ особенно подружился Левитовъ съ одной дѣвочкой, которая такъ къ нему привязалась, что они жить не могли другъ безъ друга и поклялись даже вступить въ законный бракъ, когда вырастутъ большіе.

„Отецъ принялся, между прочимъ, учить меня грамотѣ,—разсказывалъ Левитовъ,—которая особенно потому мнѣ не нравилась, что на цѣлые дни разлучала меня съ дѣвочкой. Я безполезно проводилъ мучительно длинные и жаркіе лѣтніе дни, сидя надъ азбукой и тоскуя о знакомомъ огородѣ. Его веселье, его трава и плетень, раскаленное солнцемъ небо, покрывавшее его, представлялись мнѣ гораздо виднѣе, чѣмъ всѣ эти азбучные азы и титлы; а черномаязая дѣвочка съ своими длинными волосами, съ ясными, всегда такъ нѣжно смотрѣвшими глазами, бѣгавшая по этому огороду, окончательно затемняла глаза мои, такъ что они очень плохо знакомились съ раскрашенными яркою краскою картинками въ священной исторіи, которыми отецъ хотѣлъ приохотить меня къ грамотѣ“.

Послѣ цѣлаго ряда руготни и истязаній отецъ мальчика, видя, что безъ дѣвочки ученье не идетъ въ голову сына, рѣшился учить вмѣстѣ съ нимъ его подругу. Съ дѣвочкой ученье пошло быстро, такъ что очень скоро они, по собственному сознанию отца, и читать, и писать стали не въ примѣръ лучше его. Отъ «Ста четырехъ священныхъ исторій» съ картинами они перешли къ «Четы-Минеи».

„Цѣлый годъ,—повѣствуетъ Левитовъ,—кажется, у насъ не было другого разговора, какъ только о приобрѣтеніи мученическаго вѣнца. Различные примѣры мучениковъ и мученицъ закаляли наши головы страстнымъ истомляющимъ желаніемъ идти куда-нибудь и прославить святое имя Христова по всѣмъ широкимъ концамъ земнымъ. Сонныя видѣнія наши были не что иное, какъ отрывки изъ святыхъ поэмъ „Четы-Минеи“. Но „Четы-Минеи“ была скоро прочитана. Еще намъ откуда-то досталъ отецъ божественныхъ книгъ. Однажды услышалъ наши разговоры дяконскій сынъ, семинаристъ... Какъ теперь помню, первая книга, которую онъ далъ намъ читать, была *Графъ Монтекристо*. Послѣ «Монтекристо» мы перечитали всѣ историческія сказки Дюма, а потомъ семинаристъ, пріѣхавъ черезъ годъ уже на лѣтнія вакаціи, началъ читать вмѣстѣ съ нами Галахова „Хрестоматию“. Онъ терпѣливо и охотно всеялъ все лѣто въ наши мозги настоящее дѣло. Горько плакали мы въ это время надъ *Басурманомъ*, весело смѣялись съ Киршей, а потомъ, когда пришла пора, семинаристъ объяснилъ намъ мучительную прелесть Пушкина и мрачно-величавое уныніе Лермонтова“.

Такимъ образомъ Левитовъ представляется въ своемъ дѣтствѣ крайне болѣзненнымъ и нервно-впечатлительнымъ ребенкомъ, съ богатымъ воображеніемъ, развитымъ подъ обаяніемъ южной природы и возбужденнымъ фантастическими грезами подъ вліяніемъ чтенія «Четы-Минеи» и слушанія сказокъ, легендъ и повѣрій, которыми въ обиліи была преисполнена среда, окружавшая мальчика. Въ играхъ съ сверстниками онъ не былъ запѣвалой и предводителемъ. Отсутствие физическихъ силъ вмѣстѣ съ пламенною экзальтаціей и грезами о всевозможныхъ мученическихъ вѣнцахъ дѣлали его въ глазахъ здоровыхъ, сильныхъ и реально мыслящихъ степныхъ мальчугановъ не то блаженнымъ, не то барищемъ. Его осыпали градомъ колотушекъ и насмѣшекъ, прозывали не иначе, какъ дворянчикомъ, и все это въ дѣтскихъ годахъ будущаго поэта положило уже сѣмена мрачнаго ожесточенія противъ людской неправды, безчеловѣчной ко всему слабому и немощному. Уѣздная бурса и губернская семинарія еще болѣе развили это ожесточеніе, составлявшее впоследствии главный элементъ поэзіи Левитова.

Уѣздное духовное училище и семинарія оставили въ Левитовѣ тѣмъ болѣе мрачное воспоминаніе, что онъ постоянно былъ въ продолженіе ученія между двухъ огней: товарищи колотили его за то, что, тщедушный, слабый, онъ не былъ въ состояніи давать сдачи, а также изъ зависти къ необыкновеннымъ его успѣхамъ; наставники же ненавидѣли его за то, что «были лишены всякой возможности представить вниманію гг. ревизоровъ болѣе представительнаго и красиваго премьера».—Лишь по прошествіи двухъ лѣтъ пребыванія его въ семинаріи горизонтъ жизни Левитова прояснѣлъ, когда онъ подружился съ однимъ своимъ товарищемъ. «Мы,—повѣствуетъ Левитовъ,—состроили себѣ изъ двухъ нашихъ маленькихъ физическихъ силъ одну, о которую разбивались всѣ остальные, а нравственные силы къ намъ обоимъ сами пришли».

Друзья начали зачитываться Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Диккенсомъ, Теккереемъ. Это чтеніе имѣло тѣ послѣдствія, что на семнадцатомъ году Левитовъ покинулъ семинарію, будучи на философскомъ отдѣленіи, и рѣшился отправиться въ Москву, въ университетъ. За неимѣніемъ средствъ ему пришлось совершить это путешествіе въ пять-

сотъ верстѣ пѣшкомъ. Придя въ Москву, онъ началъ слушать лекціи въ университетѣ и готовится къ вступительному экзамену. Онъ попалъ въ Москву и въ университетъ въ самое горячее время общественнаго оживленія передъ реформами. Послѣ семинарской каторги началась для него жизнь въ студенческомъ кружкѣ, полная надеждъ, мечтаний, горячихъ споровъ и разумнаго чтенія. Выдержавши вступительный экзаменъ, Левитовъ не остался въ Московскомъ университетѣ, а перебрался въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ Медико-Хирургическую академію. Здѣсь жизнь его потекла такъ же дѣятельно, разумно и оживленно, какъ и въ Москвѣ; рядомъ съ студенческими занятіями онъ отдавалъ весь досугъ свой чтенію и изученію русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и беллетристовъ. Но печальный случай измѣнилъ все: Левитовъ былъ запутанъ въ какія-то исторіи, исключенъ изъ академіи и очутился на далекомъ сѣверѣ—въ Шенкурскѣ, потомъ—въ Вологдѣ.

Шенкурская и вологодская эпохи тяжело отразились на всей жизни Левитова. Вдали отъ интеллигентныхъ центровъ, въ борьбѣ съ нищетою, среди уѣзднаго общества, тонувшего въ матеріализмъ, Левитовъ окончательно ожесточился, одичалъ и сжился съ тѣми низкими слоями общества, изображателемъ жизни которыхъ онъ является. Въ то же время скука, праздность, лишенія и уныніе вмѣстѣ съ заразительнымъ примѣромъ окружавшей среды развили въ немъ тотъ порокъ (пьянство), задатки котораго были положены уже во время семинарской жизни.

Если можно добромъ помянуть этотъ періодъ его жизни, то развѣ за то, что въ это время онъ серьезно приступилъ къ литературнымъ трудамъ, и уже въ Шенкурскѣ были начаты имъ *Степные очерки*, а съ переѣздомъ въ Вологду онъ въ состояніи былъ окончить нѣкоторыя изъ начатыхъ работъ и послать въ Москву, въ редакцію одного журнала. Въ 1861 году Левитовъ возвратился въ Москву по обыкновенію пѣшкомъ, безъ гроша денегъ. Чтобы не умереть съ голоду и продолжать дальнѣйшее путешествіе, онъ принужденъ былъ останавливаться въ селеніяхъ, нанимался писать въ волостныхъ правленіяхъ и получалъ за свой трудъ по полтиннику въ недѣлю. Такъ онъ дошелъ до Москвы.

Съ 1861 года начинается дѣятельное участіе его въ литературѣ. Онъ помѣщаетъ свои очерки сначала въ журналахъ: *Зритель*, *Развлеченіи*, *Русской Рѣчи*, потомъ—во *Времени*, *Современникѣ*, *Библіотекѣ для Чтенія*, *Искрѣ*, *Недѣлѣ* и др. Къ этому же времени относится и личное знакомство его съ литераторами, напимѣръ съ Ап. Григорьевымъ, который привѣтствовалъ его появленіе на литературное поприще и поощрялъ начинающій талантъ.

Дальнѣйшая жизнь Левитова носитъ все тотъ же скитальческій характеръ. Это была не жизнь въ истинномъ смыслѣ этого слова, а непрестанное маяніе и постепенное угасаніе. Литературный трудъ плохо обезпечивалъ бѣднягу. Къ тому же онъ обзавелся семьею, чѣмъ еще болѣе отягчилъ и безъ того нерадостную жизнь. Можно положительно сказать, что человекъ этотъ никогда не зналъ, что значитъ имѣть свой домашній очагъ, мебель, обстановку, хотя бы самую убогую. Онъ былъ вѣчнымъ безпріютнымъ странникомъ, вмѣщавшимъ все свое добро въ маленькій чеходанчикъ, и съ этимъ чеходанчикомъ скитался по мебелированнымъ комнатамъ, столичнымъ чердакамъ и подваламъ. Онъ не

могъ не только примкнуть къ одному изданію и сдѣлаться постояннымъ его сотрудникомъ, но и укорениться въ одной изъ столицъ: поживетъ въ Москвѣ годикъ, другой, а то нѣсколько мѣсяцевъ, и начинаетъ тяготиться московскою жизнью: «здѣсь все начинаетъ плѣсневѣть,—говоритъ онъ раздраженно своимъ близкимъ,—тутъ сдѣлаешься или пошлякомъ, или сопьешься»... Ѣдетъ въ Петербургъ; тамъ въ сущности то же самое: подвальчики, чердачки, борьба съ нищетою, да еще къ тому и убійственный климатъ, подъ вліяніемъ котораго у Левитова ожесточается кашель, начинается кровохарканье, грудныя боли; онъ Ѣдетъ опять въ Москву поправиться съ силами, отдохнуть, повидаться съ знакомыми. А въ Москвѣ ждетъ его все та же убогая, сырая, холодная комната въ захолустѣ и тоскливое одиночество вмѣстѣ съ проклятіями смрадной, удушливой физической и нравственной атмосферѣ столичной жизни и тщетными порываніями степняка въ родной край, на широкій и вольный просторъ благоухающихъ степей. Такъ жестоко страдалъ, томился и вянулъ степной цвѣтокъ, оторванный отъ родной почвы и непригрѣтый въ суетѣ столичной жизни. Тоска по родинѣ и тщетныя порыванія въ родной край «на наследственную полосу» проходить по всѣмъ сочиненіямъ Левитова.

«Я усталъ,—говорилъ онъ однажды собрату своему по перу, Нефедову:—мнѣ необходимъ отдыхъ. Здѣсь, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, объ этомъ нечего и думать... Довольно будетъ ужъ съ меня *столпий*-то: слава Богу, въ заговоръ-то достаточно-таки онъ наклали мнѣ... Ахъ, братъ, на родину какъ-то тяжело, если бы ты зналъ!.. Стариковъ моихъ живѣе ужъ нѣтъ,—не хватило у нихъ силъ, мочи, перенести горе; мой Шенкурскъ убитъ и отца, и мать. Такъ и не привелось видѣться со стариками... Теперь остались только сестра и братъ. Хотъ бы на нихъ взглянуть!»

Не въ силахъ будучи, за неимѣніемъ средствъ, попасть на родину и желая быть къ ней хоть поближе, онъ началъ хлопотать о мѣстѣ уѣзднаго учителя въ Рязскѣ. «Рязскъ,—говорилъ онъ,—вѣдь это уже почти что моя родина: отъ Рязска до Козлова—по желѣзной дорогѣ, а тамъ рукой подать—мое село». Съ большими мытарствами и трудомъ досталъ себѣ это мѣсто Левитовъ, но недолго пробылъ на немъ: въ августѣ 1866 года уѣхалъ изъ Москвы, а въ декабрѣ писалъ уже Нефедову: «много ошибокъ и безтактныхъ вещей дѣлалъ я на своемъ вѣку, но, говоря по совѣсти, онѣ положительно блѣднѣютъ передъ такой великой глупостію, какъ мое поступленіе въ Рязскъ». На рождественскихъ праздникахъ Левитовъ снова былъ уже въ Москвѣ. Такъ же неудачна была попытка его посѣтить родину и въ 1870 году. Въ іюнѣ этого года онъ писалъ Нефедову: «Ѣду на родину. Наконецъ-то сбылись мои давнишнія мечты и желанія: я увижу родину!» Но, пріѣхавъ въ Москву, онъ засѣлъ въ ней, и вмѣсто родины ему пришлось поселиться близъ Ваганьковского кладбища, въ коморкѣ, гдѣ ходилъ сквозной вѣтеръ и лилъ сквозъ крышу дождь, и опять пошла жизнь, полная страданій и лишеній.

Посѣтивъ въ послѣдній разъ Петербургъ въ 1871 году, Левитовъ затѣмъ безвыѣздно провелъ послѣдніе годы въ Москвѣ. Зимой онъ проживалъ гдѣ-нибудь у Драгомиловскаго моста въ подвалѣ или у Ваганьковского кладбища; лѣтомъ переселялся въ какую-нибудь подгородную деревню и Петровское-Разумовское. Здоровье его медленно, но замѣтно уходило; кашель сталъ повторяться чаще и чаще. Литературныя его работы шли тихо; лучшая вещь, написанная имъ за послѣдній періодъ, помѣщена въ журналѣ *Грамотей* и носитъ заглавіе *Аховскій Посадъ*. Главнымъ, если не единственнымъ, средствомъ къ жизни служило ему въ эти

годы изданіе его сочиненій. Съ начала 1875 года онъ началъ быстро худѣть; зловѣщій кашель мучилъ его, и онъ часто жаловался на боль въ груди.

И умереть (въ ночь со 2-го на 3-е января 1877 г.) пришлось ему, какъ умираютъ бездомные и неприютные странники, закинутые въ чужедальную сторону: въ казенно-черствой обстановкѣ университетской клиники.

V.

Приступая теперь къ характеристикѣ произведеній Левитова, мы можемъ употребить тотъ же сравнительный методъ, которымъ руководствовались при опредѣленіи беллетристовъ сороковыхъ годовъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ методъ этотъ самъ какъ бы напрашивается, общая привести насъ къ богатымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ: трудно представить себѣ двухъ писателей, которые, будучи однородными по предмету своихъ произведеній,—изображенію народа,—представляли бы такую полную противоположность относительно характера своихъ талантовъ, какъ Рѣшетниковъ и Левитовъ. Рѣшетниковъ является типомъ сѣвернаго писателя: холодный, сдержанный, лаконичный, онъ не скупился на внѣшнія детали изображаемой дѣйствительности, порою совершенно тонетъ въ нихъ, забывая о сути дѣла, но въ то же время идеально объективенъ; даже въ автобіографическихъ своихъ произведеніяхъ онъ сумѣлъ объективировать самого себя и рассказываетъ самыя потрясающія и ужасающія событія своей жизни съ невозмутимой флегмой обрусѣлаго финна. Слогъ его сухъ и сжатъ; ни малѣйшаго художественнаго аксессуара, яркаго эпитета или смѣлаго сравненія не найдете у него, ни малѣйшаго лирическаго одушевленія или подъема, ни одной картины природы или изображенія женской красоты.

Левитовъ, наоборотъ, представляетъ собою типъ южнаго беллетриста по яркости колорита, преобладанію живой, пламенной, прихотливой фантазіи, страстности, лиричности и крайней субъективности. Слогъ его музыкальностью, пѣвучестью, принимающею въ лирическихъ и патетическихъ мѣстахъ почти стихотворные размѣры, напоминаетъ слогъ Гоголя; такіе же бесконечно-длинные и закрученные періоды, уснащенные массою картинныхъ и затѣйливыхъ эпитетовъ, метафоръ и уподобленій. Въ то же время одною изъ самыхъ рѣзкихъ, бросающихся въ глаза особенностей Левитова представляется страсть къ олицетвореніямъ мертвой природы: ни одного очерка не обходится у Левитова безъ того, чтобы у него не переговаривались между собою или даже съ героями стулья, столы, диваны, самовары и пр. Въ одномъ очеркѣ онъ олицетворяетъ старое бревно, лежавшее у кабака въ степномъ селѣ, въ образѣ пропившагося, обнищалаго старичонки и заставляетъ это бревно произносить цѣлые монологи о кабачныхъ посѣтителяхъ, садившихся на немъ калякать между собою, а подъ конецъ бревно это, возмущившись сценами, происходившими возлѣ кабака, «приподнялось съ земли, гнѣвно засверкало впалыми глазами и заговорило столь грозно, что дорожная пыль отъ говора того яростно кружившимися столбами къ небу взвилась и всего его затуманила». Въ другомъ же мѣстѣ (*Вѣрное средство отъ разоренія*)

разговариваютъ между собою мраморныя статуи на лѣстницѣ купеческаго дома въ Москвѣ, произнося сатирическіе монологи о грубости и дикости купеческихъ нравовъ.

Самая форма произведеній Левитова не представляетъ и тѣни чего-либо строго-обдуманнаго, правильно-расположеннаго, стройнаго. Они не подходятъ ни къ одному извѣстному виду беллетристики; это — безформенныя лиро-эпическія импровизаціи. Каждая такая импровизація, носящая названіе повѣсти, разсказа, очерка, представляетъ разноцвѣтный калейдоскопъ образовъ, воспоминаній, мыслей и воллей наболѣвшей души. Все это въ пестромъ хаосѣ тѣснится, словно спѣша и едва поспѣвая другъ за другомъ и смѣняясь съ такою же капризною произвольностью, какъ смѣняются сны или грезы въ горячечной головѣ. Съ большими обиняками добирается обыкновенно авторъ до главнаго предмета своего повѣствованія, и много ему нужно сначала выпустить переполняющихъ голову образовъ и впечатлѣній, чтобы наконецъ добраться. Всѣ эти обиняки дѣлаются безъ всякой предвзятой цѣли, съ той же произвольностью, съ какой въ головѣ каждаго человѣка одни представленія смѣняются другими, заноса его иногда не вѣсть въ какую область. Левитову, напримѣръ, хочется изобразить горе сапожника или отставнаго солдата, но начинаеть онъ рѣчь съ самого себя, изображая свою особу въ видѣ бездомнаго горемыки Ивана Сизого (обычный его псевдонимъ), и вотъ онъ разсказываетъ, какъ этотъ Иванъ Сизой идетъ поздно ночью по улицамъ московскаго захолустья, тонетъ въ сугробахъ и разговариваетъ въ хмельномъ чаду съ едва мигающими фонарями. Передъ вами развертывается картина этого хмельнаго чада, проносятся образы одни другихъ мрачнѣе, рядъ разбѣдающихъ думъ, сѣтованій, и вдругъ среди этой страшной мглы словно блеснетъ яркій лучъ солнца и развернется въ видѣ воспоминаній дѣтскихъ лѣтъ степная картина, блестящая яркими красками и отраднымъ, теплымъ колоритомъ; далѣе — опять мракъ, снѣжные сугробы, свинцовыя грезы бѣлой горячки, а на слѣдующей же страницѣ передъ вами внезапно раздается молодой, бойкій, раскатистый хохоть надъ какимъ-нибудь смѣшнымъ движеніемъ или выраженіемъ героя, и вся страница обливается мѣткимъ, сильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простодушно-веселымъ юморомъ. Однимъ словомъ, Левитовъ никогда не заботился ни о строгомъ планѣ, ни о размѣрахъ и соотвѣтствіи частей своего произведенія, а отдавался всецѣло на волю своей прихотливой фантазіи, не зная заранѣе, куда она его занесетъ.

Что касается содержанія произведеній Левитова, то понятно, что человѣкъ, прожившій жизнь такъ безотраднo, какъ онъ, испытанный такъ много горя и слезъ, долженъ былъ наибольшее вниманіе обращать на мрачныя стороны жизни и особенно близко принимать къ сердцу горе ближнихъ, чутко отзываться на каждый стонъ людскихъ страданій. И дѣйствительно, это мы и видимъ въ произведеніяхъ Левитова. Онъ вполне справедливо озаглавилъ одно изъ изданій своихъ очерковъ: *Горе сель, деревень и городовъ*. Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ Левитова мы видимъ пѣвца народнаго горя во всѣхъ его многообразныхъ видахъ: горя нищеты, семейнаго раздора, невѣжества, грубости нравовъ и суевѣрій, обманурыхъ ожиданій и неудавшейся жизни, безпомощнаго сиротства и безчеловѣчнаго надруганья грубой силы надъ слабостью и пр.; и пр.

Словомъ, это то самое горе-злосчастье, которое народъ воспрѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ, олицетворяя его въ видѣ чудовища, преслѣдующаго людей отъ колыбели до могилы и отъ котораго некуда схорониться доброду молодцу: ни въ пескахъ сыпучихъ, ни въ лѣсахъ дремучихъ.

Подобно тому, какъ Гоголь, прѣхавши изъ Малороссіи, во время первыхъ лѣтъ своего скитальчества по Петербургу и труднаго пробиванія дороги, въ грусти по родинѣ писалъ свои *Вечера на хуторѣ*, такъ и Левитовъ первыя свои произведенія посвятилъ изображенію жизни родного края, о которомъ вспоминалъ въ пенкурской глуши, и результатомъ этихъ воспоминаній были *Степные очерки*. Эти лучшія произведенія Левитова блещутъ особенно яркимъ, поэтическимъ колоритомъ: они изобилуютъ описаніями красотъ степной природы, малѣйшихъ подробностей жизни обитателей степей, всѣхъ ихъ заботъ, хлопотъ, обычаевъ, повѣрій и суевѣрій. Массы личныхъ воспоминаній дѣтства разсѣяны по всѣмъ очеркамъ. Рѣдкій обходится безъ изображенія дѣтей, играющихъ по степнымъ лугамъ и лѣсамъ и живущихъ одной жизнью съ окружающей природой. Каждая мелкая черточка выведена съ горлецей, нѣжной любовью и блещетъ слезами надрывающей тоски бобыля, заброшеннаго въ чужедальную сторону.

Общее же впечатлѣніе, какое вы выносите изъ *Степныхъ очерковъ*, сводится все къ тому же гору, которое одно только и видитъ Левитовъ во всей его окружающей жизни. Повсюду передъ вами льются слезы непокрытой нищеты и горькаго покинутаго сиротства; повсюду какая-нибудь безжалостная сила ломается надъ беззащитной слабостью, и на каждомъ шагу гибнетъ чья-нибудь молодая, только что расцвѣтающая жизнь. Передъ вами проходитъ рядъ возмутительныхъ, иногда кровавыхъ драмъ, и болѣе всего ужасаетъ и леденитъ ваше сердце, что всѣ эти драмы вовсе не имѣютъ въ основѣ своей какую бы то ни было роковую, систематическую борьбу; передъ вами развѣртывается картина дикаго, чисто средневѣковаго неурейства, въ которомъ главную роль играютъ то слѣпой и бессмысленный случай, то такіе невмѣняемые факторы, какъ суевѣрія, грубость нравовъ и культуры и т. п. Вы видите, что въ этой средѣ ничья жизнь, ничье благосостояніе не обезпечены; никто не можетъ поручиться, что завтра же не грянетъ гроза, если не со стороны злыхъ враговъ въ образѣ людей, то со стороны звѣрей, въ родѣ волка, который съѣстъ ребенка, и всего ужаснѣе, что гроза эта раздражается нежданно-негаданно изъ-за самыхъ, повидимому, ничтожныхъ поводовъ.

VI.

Заплативши дань родинѣ *Степными очерками*, Левитовъ выразилъ впечатлѣнія своей скитальческой жизни по меблированнымъ комнатамъ, чердакамъ и подваламъ обѣихъ столицъ въ рядѣ очерковъ, собранныхъ имъ въ изданіи 1874 года подъ названіемъ *Горе сель, деревень и городовъ* (выдающіеся очерки этого изданія: *Безпечный народъ, Петербургскій случай, Фигуры и тропы о московской жизни, Московскія уличныя картины, Шоссейный домъ* и пр.) и въ изданіи 1875 г. — подъ заглавіемъ *Жизнь московскихъ закоулковъ*.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ другой категоріей сочиненій Левитова, рѣзко отличающихся отъ степныхъ разсказовъ. Какъ ни много мрачныхъ красокъ собрано въ *Степныхъ очеркахъ*, но онѣ все-таки смягчаются нѣсколько обаяніемъ степной природы и присутствіемъ цѣльныхъ, сильныхъ и положительныхъ характеровъ, на которыхъ отдыхаетъ сердце ваше. Порою авторъ какъ бы на время совершенно забываетъ о народномъ горѣ, увлекаясь какими-нибудь воспоминаніями дѣтства, бытовыми подробностями или юмористическими сценами. Когда же вы приметесь читать *Жизнь московскихъ закоулковъ*, вы должны припоминать извѣстную надпись на вратахъ Дантова ада: «оставь за собой всякую надежду».

Начать съ того, что вмѣсто юноши, исполненнаго нѣжной тоски по родицѣ, изъ-за каждой страницы выглядываетъ на васъ съ злобной саркастической улыбкой и съ непрерывными проклятіями на устахъ ожесточенный голякъ, утратившій всѣ надежды въ своей неудавшейся жизни. Онъ словно на зло съ зубовнымъ скрежетомъ спѣшитъ набрасывать картины одна другой мрачнѣе, чудовищнѣе и безнадежнѣе и въ то же время какъ будто тщеславится своей одинокой безучастной нищетой, отрешеніемъ и безпробуднымъ пьянствомъ. Рѣдкій очеркъ этой категоріи обходится безъ того, чтобы авторъ на первомъ же планѣ не выставилъ самого себя голоднымъ, безпріютнымъ, шагающимъ по московскимъ и петербургскимъ улицамъ въ холодъ и непогоду въ рваномъ пальтишкѣ и непремѣнно изъ кабака въ кабакъ.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло тоже съ народнымъ горемъ, но это не то горе *Степныхъ очерковъ*, которое идетъ размыкаться въ степь и успокаивается на лонѣ ласкающей природы, разливаясь въ звучной цѣнѣ на все село или находить исходъ въ кельѣ Божьей невѣсты, послушницы. Это горе безвыходное и безучастно задыхается въ смрадѣ столичныхъ заднихъ дворовъ и сырыхъ подваловъ; стоны и вопли его безслѣдно исчезаютъ въ шумѣ и гамѣ столичной суеты. Единственный исходъ находитъ оно въ рядѣ безобразныхъ оргій, сопровождаемыхъ неистовыми взвизгиваніями, бѣшеною пляскою трепака и кровавою потасовкою въ мутномъ чаду похмелья. Поэтому очерки этой категоріи представляютъ нескончаемый рядъ мрачныхъ картинъ кабачныхъ пооекъ и потасовокъ и являются какъ бы спеціально посвященными изображенію народного пьянства. Созерцаніе этого пьянства вмѣстѣ съ личнымъ участіемъ въ немъ словно сдѣлалось главнымъ содержаніемъ жизни и поэзіи Левитова. «Обвиняйте, сколько угодно, мой эгоизмъ,—говоритъ онъ въ очеркѣ *Крымъ*,—ежели вамъ это понравится: но, вѣдь, я зачѣмъ пришелъ въ Крымъ? Я пришелъ въ Крымъ съ той цѣлью, чтобы смотрѣть цѣлую ночь многоразличные виды нашего русскаго горя; чтобы, смотря на эти виды, провести всю ночь въ болѣзненномъ пытѣ сердца, не могущаго не сочувствовать сценамъ людскаго паденія, чтобы скоротать эту ночь, молчаливо бѣснуясь большой душой, которая видитъ, что и она такъ же гибнетъ, какъ гибнетъ здѣсь столько народа».

Въ личностяхъ, выводимыхъ въ этихъ очеркахъ, вы не найдете уже тѣхъ непосредственно цѣльныхъ характеровъ, какіе проходятъ передъ вами въ *Степныхъ очеркахъ*. Это все люди надломленные, перемолотые и стертые до полной безличности въ мытарствахъ столичной жизни, иска-

женные иногда до потери всякаго человѣческаго образа, опустившіеся до чудовищнаго разврата. О Левитовѣ нельзя сказать, чтобъ онъ льстилъ народу, идеализировалъ его: онъ изображалъ непосредственно то, что видѣлъ, глубоко сочувствуя народу и скорбя за него въ его вынужденномъ обстоятельствами паденіи.

Какъ на особенно замѣчательные очерки по изображенію наиболѣе страшныхъ трущобныхъ типовъ и самыхъ сокровенныхъ подонковъ столичныхъ омутовъ слѣдуетъ указать на очерки: *Крымъ, Грачевка, Безначальный народъ, Не скютъ—не жнутъ, Шоссейный домъ*. Всѣ эти очерки обличаютъ въ Левитовѣ знатока народной жизни въ такихъ ея непроницаемыхъ столичныхъ трущобахъ, куда кромѣ него не приходилось заглянуть ни одному еще наблюдателю народныхъ нравовъ. Ничего подобнаго этимъ очеркамъ вы не найдете въ нашей литературѣ. Будь они болѣе тщательно обработаны въ техническомъ отношеніи и не столь растянуты, ихъ можно было бы причислить къ числу первостепенныхъ произведеній русской литературы, хотя и въ настоящемъ видѣ они представляютъ вполне своеобразными и замѣчательными явленіями ея.

Субъективный элементъ въ очеркахъ этой категоріи присутствуетъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ *Степныхъ очеркахъ*. Встрѣчаются очерки, въ которыхъ элементъ этотъ преобладаетъ и стоитъ на первомъ планѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ, въ которыхъ авторъ не ограничивается однимъ изображеніемъ народнаго горя, а дѣлаетъ сопоставленія нравовъ и понятій, господствующихъ въ народной средѣ, съ гуманными высокими идеалами, выработанными въ авторѣ высшимъ образованіемъ. Подобныя сопоставленія отличаются крайне болѣзненнымъ настроеніемъ, переходящимъ въ мрачное отчаяніе при видѣ того, какъ идеалы автора разбиваются о грубую и грязную дѣйствительность, полную мрака и невѣжества. Таковы: *Фигуры и тропы о московской жизни* или *Счастливые люди*. Въ этихъ очеркахъ въ образѣ самого автора рельефно выступаетъ передъ вами типъ беллетристовъ-народниковъ шестидесятыхъ годовъ, представителемъ которыхъ является Левитовъ. Вышедши изъ народа, вынеся на своихъ плечахъ его страданія и живя до конца дней своихъ непосредственно его жизнью, беллетристы эти не идеализировали народъ, не возводили его на пьедесталь, не искали въ немъ особенныхъ, невѣдомыхъ міру идеаловъ и считали «неотразимымъ вздоромъ» туманныя фантазіи народниковъ-славянофиловъ въ родѣ Ац. Григорьева, олицетворенныхъ Левитовымъ въ типѣ учителя въ очеркѣ *Счастливые люди*. Это сознаніе «неотразимаго вздора» происходило, конечно, изъ того реальнаго опыта, который открылъ беллетристамъ-народникамъ всѣ вѣковыя язвы, всю вѣковую грязь, которая вѣзли въ народъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій его жизни въ теченіе многихъ столѣтій!.. Но дорого стоило имъ это трезвое сознаніе: увидя народъ не такимъ, какимъ бы хотѣлось его видѣть и какимъ представляли его предшественники ихъ, беллетристы-народники исполнились глубокою, безысходною скорбію о всѣхъ его язвахъ и страданіяхъ; дѣйствительность ошеломила ихъ и обезкуражила. Въ уныніи и отчаяніи опустили они руки, тоскливо восклицая: «во что же послѣ этого вѣрить?.. Къ кому идти? Куда преклонить голову? Что дѣлать?..» И они окончательно спивались, находя единственное утѣшеніе въ забвеніи вина и смерти.

VII.

Николай Иванович Наумовъ родился 16 мая 1838 года въ Tobольскѣ. Отецъ его былъ сынъ дьякона изъ села Самарова, Березовскаго округа; служилъ сначала въ городѣ Омскѣ прокуроромъ, а потомъ—въ Томскѣ совѣтникомъ губернскаго правленія. Что было большою рѣдкостью въ тѣ времена, да еще въ Сибири,—человѣкъ онъ былъ безукоризненной честности, чему былъ обязанъ благотворному вліянію на него декабристовъ, въ кружокъ которыхъ онъ попалъ въ молодости. Вслѣдствіе этой честности главы семьи всегда жила въ страшной бѣдности. Матери Наумовъ лишился семи лѣтъ, и послѣ смерти ея росъ одинокимъ, заброшеннымъ ребенкомъ, не имѣя товарищей, не зная дѣтскихъ игръ. Любимымъ его времяпрепровожденіемъ было уходить вечеромъ въ темную комнату и, забившись въ уголокъ, слушать вой зимней вьюги. Читать мальчика научила еще мать съ пяти лѣтъ. Вся бібліотека его въ это время заключалась въ басняхъ Крылова, которыя мальчикъ читалъ съ утра до ночи, пока не выучилъ наизусть. Первою книгою послѣ басенъ, которую онъ прочелъ, былъ «Юрій Милославскій» Загоскина, который увлекъ его до такой степени, что былъ прочитанъ пять разъ, и, благодаря блестящей памяти, многія мѣста онъ выучилъ наизусть. Затѣмъ, пристрастясь къ чтенію, онъ началъ читать все, что ни попадалось подъ руки: и *Еруслава Лазаревича*, *Гуака*, и «Чегію-Минею», и «Библію», и «Исторію» Карамзина. Восьми лѣтъ онъ уже зналъ наизусть чуть не всего Пушкина. Но это пристрастіе къ чтенію не обошлось мальчику дешево: отъ неподвижной жизни и сидѣнія за книгой съ утра до ночи у него испортилось пищевареніе и разлилась желчь. Позванъ былъ врачъ, и мальчику было запрещено чтеніе. Тогда онъ прибѣгъ къ хитрости: наворовавъ у старухи-няньки огарковъ отъ сальныхъ свѣчъ, онъ уходилъ будто бы спать, а самъ, когда въ домѣ все засыпало, принимался за свое любимое занятіе.

Но лучшею школою, обратившею вниманіе мальчика на страданія народа, была сама жизнь.

„Судьбѣ угодно было,—рассказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ (любезно намъ сообщенныхъ имъ специально для этой книги),—чтобы съ самаго ранняго дѣтства я видѣлъ одні только печальныя картины человѣческихъ страданій. Домъ нашъ въ городѣ Омскѣ выходилъ окнами на площадь передъ крѣпостнымъ валомъ. Лѣтомъ обыкновенно въ 11 часовъ утра на этой площади производили ученіе солдатъ, и тутъ же ихъ сѣкли и розгами, и палками, и шомполами отъ ружей. Далеко разносились крики терзаемыхъ жертвъ. На этой же площади гоняли сѣвось строй и солдатъ, и преступниковъ. Я и теперь безъ содроганія не могу вспомнить этихъ сценъ. Я плакалъ, забивался въ подушки, чтобы не слышать барабаннаго боя и раздрающихъ душу криковъ. По ночамъ со мною часто дѣлался посягъ подобныя картинъ жаръ и бредъ, и меня укладывали иногда на нѣсколько дней въ постель. Когда меня отдали въ ученіе къ учителю Ксенофону Трифоновичу (фамиліи его не помню), онъ былъ унтеръ-офицеръ и учитель полубатальона кантонистовъ,—здѣсь я опять видѣлъ тѣ же картины страданій этихъ несчастныхъ дѣтей-кантонистовъ, которыхъ сѣкли безчеловѣчно за самыя ничтожныя проступки, напримѣръ, за оторвавшуюся у куртки цуговицу, морили голодомъ и т. п.

„Въ эти ранніе годы я, хотя и безсознательно, сталъ уже ненавидѣть всякое насиліе. Много мнѣ способствовало къ развитію этой ненависти жившій у насъ въ кучерахъ сосланный въ Сибирь по волѣ помѣщика старикъ Памфила. Это былъ добрый, умный и честный крестьянинъ Тамбовской губерніи. Онъ былъ крѣпостной человѣкъ Тютчева, былъ избранъ въ своемъ селѣ въ старосты. Миръ уполномочилъ его идти къ барину въ Петербургъ съ жалобой на злоупотребленія и притѣсненія управляющаго, и за это онъ былъ наказанъ 500 ударами розогъ и сосланъ въ Сибирь. Онъ жилъ у насъ около 20 лѣтъ. Памфила былъ мастерской рассказчикъ. Рѣчь его была плавная, образная, пересыпаемая пословицами, остротами,

прибаутками. Я заслушивался его разсказами о житьѣ-бытьѣ крестьянъ, о нагоми насиліи и произволѣ, какіе совершаютъ надъ ними помѣщики, обирая у крестьянъ послѣднее для того, чтобы прожить и проигрывать въ карты. Сцены изъ его разсказовъ, какъ отрывали дѣтей у отца и матери, продавая ихъ другому помѣщику или проигрывая ихъ въ карты, производили на меня потрясающее впечатлѣніе“.

Наумову шелъ 9-й годъ, когда отца его перевели на службу въ Томскъ. По пріѣздѣ туда мальчика отдали въ гимназію. Онъ вошелъ въ гимназію весьма развитымъ ребенкомъ сравнительно со сверстниками и съ первыхъ же дней пріобрѣлъ не только любовь товарищей, но и неограниченную власть надъ ними. Онъ увлекалъ ихъ, разсказывая имъ все прочитанное. Когда какой-нибудь учитель не приходилъ въ классъ, дверь въ классъ запиралась, ученики садились по мѣстамъ, Наумова торжественно сажали на учительское кресло и просили разсказать что-нибудь. Въ классѣ водворялась мертвая тишина, и Наумовъ принимался разсказывать эпизодъ изъ прочитаннаго имъ разсказа или изъ исторіи, и нужно было видѣть, какъ эти шалуны, постоянно наказываемые учителями за невниманіе и шалости во время уроковъ, жадно слушали все, что говорилось имъ. Это подтверждается еще съ большею обстоятельностью г. Ядринцевымъ въ его «Воспоминаніяхъ о Томской гимназіи».

„У насъ,—говоритъ онъ,—былъ любимецъ товарищъ, Николай Ивановичъ Наумовъ, впоследствии замѣчательный беллетристъ и писатель. Будучи развитѣ другихъ, онъ много читалъ и обладалъ даромъ разсказывать,—*Королева Марго, Монсаръ, Три Мушкетера* составляли канву его разсказовъ, но такъ же увлекательно онъ разсказывалъ иногда и историческія событія изъ прочитаннаго имъ аббата Милота. Когда надоѣдало „давить масло“, мы садили его на столъ и цѣлымъ классомъ его слушали. Тогда среди буйной толпы слышно было, какъ пролетитъ муха. Мы приходилось жалѣть впоследствии, что наши наставники не обладали этимъ секретомъ сосредоточивать вниманіе“.

Но не много вынесъ Наумовъ изъ гимназіи при плохомъ составѣ педагогическихъ силъ ея. Къ тому же онъ не пошелъ далѣе третьяго класса. Отецъ его въ это время вышелъ въ отставку съ 20 рублями въ карманѣ. Онъ рассчитывалъ скоро получить пенсію, но выдача ея затянулась на три года, и три года семья принуждена была терпѣть ужасающую нищету. Часто приходя изъ гимназіи голодный, мальчикъ не имѣлъ чего поѣсть. Въ домѣ порой не было сальной свѣчи, и ложились спать засвѣтло, по нѣскольку дней зимой сидѣли въ непопленной комнатѣ. Мальчикъ бѣгалъ зимой въ гимназію въ одной холодной шинелишкѣ, безъ калошъ, вмѣсто чулковъ, обматывая ноги писчей бумагой и надѣвая на нихъ сапоги съ отпавшими подошвами. Наконецъ, онъ совсѣмъ обносился, и послѣ оскорбительно грубаго замѣчанія инспектора на счетъ одежды отецъ принужденъ былъ взять его изъ гимназіи. Вскорѣ затѣмъ, не желая быть въ тягость семьѣ, Наумовъ поступилъ въ военную службу юнкеромъ. Жизнь съ солдатами много способствовала ему къ изученію ихъ быта. Онъ писалъ имъ письма къ роднымъ и читалъ получаемыя ими письма. Во время службы онъ сошелся съ офицеромъ А. А. Зерцаниновымъ. Это былъ человекъ умный, развитой, много читавшій. Наступила уже эпоха реформъ и вѣяній. Юноша читалъ первыя статьи Добролюбова и Чернышевскаго, *Губернскіе очерки* Шедрина. Вѣлинскій былъ изученъ имъ почти наизусть. Чувствуя скудость своихъ знаній, Наумовъ вышелъ въ 1860 году въ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ и началъ посѣщать лекціи въ университетѣ, надѣясь постепенно подготовиться и сдать гимназическій экзаменъ. Но въ 1861 году университетъ былъ закрытъ. Наумовъ не избѣгъ ареста въ числѣ прочихъ студентовъ, участвовавшихъ въ

демонстраціяхъ. Затѣмъ нечего было и думать о продолженіи ученія. Надо было добывать насущный хлѣбъ, и Наумовъ устремился на литературное поприще.

Первый рассказъ его изъ солдатскаго быта, подъ названіемъ *Случай изъ солдатской жизни*, Наумовъ написалъ, будучи еще юнкеромъ, и послалъ его изъ Томска въ *Военный Сборникъ*, гдѣ онъ былъ напечатанъ въ июльской книжкѣ 1858 г. подъ псевдонимомъ Карзунова.

Въ 1862 году въ журналѣ Погоскаго *Народная Бесѣда* былъ помѣщенъ рассказъ изъ солдатскаго быта *Письмо* и въ *Искрѣ*—юмористическія сцены *Горе обличителю* и нѣсколько мелкихъ статей юристическаго же содержанія.

Затѣмъ литературная дѣятельность Наумова почти не прерывалась до 1864 г., когда тяжкая нужда заставила литературнаго пролетарія, уже обремененнаго семействомъ, бросивъ перо, искать обезпеченія на службѣ, и онъ отправился на родину, въ Маріинскъ, на должность непремѣннаго члена по крестьянскимъ дѣламъ. Въ ночь съ 9 на 10 декабря 1901 года его не стало.

Лучшія изъ его произведеній изданы въ различное время въ трехъ сборникахъ, подъ слѣдующими заглавіями: 1) *Сила соломѣ ломитъ*, 2) *Въ тихомъ омутѣ* и 3) *Въ забытомъ краю*. Рассказы Наумова представляютъ рядъ мрачныхъ картинъ народныхъ бѣдствій, притѣсненій, наглыхъ обираній со стороны властей и капиталистовъ и полнаго безправія. Особенность ихъ заключается въ томъ, что авторъ имѣетъ дѣло съ сибирскими крестьянами, отличающимися отъ европейскихъ большимъ развитіемъ, отвагой и предприимчивостью. Не надо забывать, что Сибирь не знала крѣпостнаго права. Но зато здѣсь гораздо ранѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи, развились такіе экономическіе порядки, которые у насъ назрѣваютъ лишь нынѣ, на нашихъ глазахъ, въ началѣ же шестидесятихъ годовъ, тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, были еще почти совсѣмъ незамѣтны. Такова новая сельская буржуазія въ видѣ кулаковъ, всякаго рода промышленниковъ и скупщиковъ, опутывающихъ народъ сѣтью наглаго ростовщичества и закабаляющихъ его подъ иго новаго крѣпостнаго права, еще болѣе ужаснаго вслѣдствіе своей экономической неодолимости. Въ Сибири подобныя пауки, сосущіе народную кровь, уже издавна успѣли растянуть свои хитроумныя паутины и являются въ видѣ крупныхъ капиталистовъ-милліонеровъ, пользующихся въ своемъ краѣ могуществомъ тѣмъ болѣе безграничнымъ, что такая далекая окраина, какъ Сибирь, до которой едва касались реформы шестидесятихъ годовъ и въ которой до послѣдняго времени сохранялись старые суды, всегда представляла широкій просторъ для административнаго произвола и вопіющихъ злоупотребленій. Вслѣдствіе всего этого картины народнаго безправія и беспомощности подъ гнетомъ безсердечной эксплуатаціи денежной мошны въ рассказахъ Наумова имѣютъ особенную выпуклость и драматичность, далеко превышающія подобныя качества рассказовъ прочихъ беллетристовъ шестидесятихъ годовъ народнаго быта. Этимъ и объясняется то потрясающее впечатлѣніе, какое въ свое время они производили. Прибавьте къ этому вѣрность народнаго быта и говора, обличающую въ Наумовѣ большого знатока народной жизни, и свойственную таланту его тѣплую, хватающую за сердце, задушевность,—таковы каче-

ства, дѣлающія Наумова однимъ изъ выдающихся писателей въ ряду беллетристовъ-народниковъ. Какъ на лучшіе его рассказы укажемъ на слѣдующіе: *У перевоза* (*Совр.* 1863 г., № 11), *Деревенскій аукціонъ* (*Искра* 1866 г.), *Деревенскій торгошъ* и *Юродивая* (*Дѣло* 1871 г.), *Тимъ да гладь* (*От. Зап.* 1873 г.), *Умалитенный*, *Куда ни кинь — все клинъ*, *Паутина* (*Дѣло* 1878 г.) и проч.

Павель Владиміровичъ Засодимскій родился въ 1843 году 1-го ноября, въ Великомъ Устюгѣ, Вологодской губерніи, въ небогатой дворянской семьѣ. Дѣтство онъ провелъ въ деревнѣ и въ уѣздномъ городѣ Никольскѣ, похожемъ на деревню. У его отца была большая бібліотека, и, не помяя себя неграмотнымъ, Засодимскій съ шести лѣтъ читалъ все, что попадалось въ руки: Пушкина, Державина, Жуковского, Де-Фосе, Плутарха, переводные романы съ разныхъ языковъ. Десяти лѣтъ онъ владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ. Въ 1856 году онъ былъ отданъ въ Вологодскую гимназію своекоштнымъ пансіонеромъ. По окончаніи курса въ ней въ 1863 году, онъ поступилъ вольнослушателемъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, но за неимѣніемъ средствъ былъ принужденъ въ 1865 году оставить университетъ, и съ тѣхъ поръ онъ ведетъ полную труда и тяжелыхъ лишеній жизнь интеллигентнаго пролетарія. Сначала онъ пробавлялся уроками; въ 1865 году онъ ѣздилъ на кондичіи въ Пензенскую губернію, а въ 1872 году ему было поручено устроить и вести сельскую школу въ Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда. Онъ устроилъ и велъ школу въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, но вынужденъ былъ оставить дѣло по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, и съ тѣхъ поръ всего себя посвятилъ литературѣ.

Печататься Засодимскій началъ въ 1867 году, пославши въ редакцію *Голоса* воззваніе къ русскому обществу въ защиту болгаръ, написанное подъ впечатлѣніемъ корреспонденцій о турецкихъ звѣрствахъ при подавленіи возстанія. Въ этомъ же году было напечатано въ *Иллюстрированной Газетѣ* нѣсколько его стихотвореній. Затѣмъ въ 1868 году были напечатаны въ *Дѣлѣ* повѣсти его: *Грѣшница*, *Волчиха*, въ 1870 году — *А ей весело — она смѣется*, *Темныя силы* и проч. Наибольшее вниманіе заслужилъ большой романъ его изъ народной жизни *Хроника села Смурина*, напечатанный въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1874 года подъ псевдонимомъ Вологодина. Затѣмъ изъ крупныхъ его произведеній замѣчательны: романъ *Степныя тайны*, печатавшійся въ *Русскомъ Богатствѣ* 1880 года, *По градамъ и весямъ*, — въ *Наблюдателѣ* за 1885 годъ, *Грѣхъ*, — въ *Русскомъ Богатствѣ* 1893 г. и проч.

Въ рассказахъ Засодимскаго мы встрѣчаемъ всѣ мрачныя стороны народной жизни, какъ и у прочихъ беллетристовъ-народниковъ, но кромѣ того они отличаются изображеніями положительныхъ типовъ, встрѣчающихся среди народа. Въ этомъ отношеніи Засодимскій обнаруживаетъ тѣмъ болѣе мастерства, что стоитъ на весьма скользкой почвѣ: одинъ только лишній штрихъ, и очень легко впасть въ идеализацію. Засодимскій же во всѣхъ своихъ изображеніяхъ строго удерживается на реальной почвѣ.

Положительные типы, встрѣчаемые въ произведеніяхъ Засодимскаго, являются въ двухъ видахъ: или это хищные, строптивые протестанты въ

родѣ Волчихи съ ея полюбовникомъ Митюхою Косматымъ, и Августки въ *Хроникѣ села Смурина*, или же кроткіе типы проповѣдниковъ правды Божіей, каковы портной Иванъ Мудрый въ повѣсти *Темныя силы*, портной же Прокопій Васильевичъ въ романѣ *Грѣхъ*, наконецъ, какъ созданіе новыхъ интеллигентныхъ вѣяній, герой *Хроники села Смурина*, — Дмитрій Кряжевъ.

Не меньшаго уваженія П. В. Засодимскій заслуживаетъ въ качествѣ усерднаго сотрудника дѣтскихъ журналовъ, каковы: *Дѣтское Чтеніе*, *Игрушечка*, *Родникъ*. Здѣсь идеализація, соединяясь съ врожденной автору задушевностью, какъ нельзя болѣе умѣстна, и дѣтскіе рассказы Засодимскаго, собранные вполнѣдствіи въ два отдѣльные изданія: *Задушевные рассказы*, 2 тома, и *Бывальщина и сказки*, представляютъ собою лучшее, что существуетъ въ нашей дѣтской литературѣ по беллетристикѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

I. Глѣбъ Ивановичъ Успенскій и Николай Николаевичъ Златовратскій, какъ представители новой и послѣдней фазы беллетристики изъ народнаго быта. Дѣтство и юность Г. И. Успенскаго и неблагопріятныя условія первыхъ десяти лѣтъ его творчества. — II. Общій характеръ творчества Г. Успенскаго и характеристика перваго, разночиннаго, періода его дѣятельности. — III. Переходное состояніе и вступленіе во второй періодъ дѣятельности, мужицкій. — IV. Гл. Успенскій въ качествѣ разрушителя иллюзій въ воззрѣніяхъ интеллигенціи на народъ. — V. Гл. Успенскій у источника. *Власть земли* и значеніе очерковъ, группирующихся вокругъ этого произведенія. — VI. Биографическія свѣдѣнія о Златовратскомъ. — VII. Характеристика сочиненій Златовратскаго и выводимыхъ имъ типовъ.

I.

Выше мы уже говорили, что въ семидесятые годы беллетристика народнаго быта вступила въ новую фазу своего развитія, болѣе тщательнаго, основательнаго и глубокаго изученія народа. Явилось стремленіе къ достиженію основныхъ началъ народной жизни, къ выводамъ и обобщеніямъ, которые давали бы ключъ къ пониманію жизни народа въ ея массовыхъ проявленіяхъ, являющихся историческимъ дѣломъ вѣковъ. Во главѣ этой новой фазы народной беллетристики стоятъ два писателя: Глѣбъ Ивановичъ Успенскій и Николай Николаевичъ Златовратскій.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гл. Успенскій и Н. Златовратскій обратили на себя вниманіе, какъ двѣ крупныя силы современной литературы, между ними постоянно усматривался взаимный антагонизмъ, какъ бы два противоположные полюса возрѣній на народъ, — отрицательный и пессимистическій со стороны Гл. Успенскаго и положительный, оптимистическій со стороны Н. Златовратскаго. Во многихъ мѣстахъ произведеній этихъ писателей находили даже тайную, замаскированную полемику, которую они вели между собой на страницахъ одного и того же журнала. Читатели ихъ въ свою очередь раздѣлились на два лагеря: поклонниковъ Гл. Успенскаго и Н. Златовратскаго, причѣмъ первые обвиняли Златовратскаго въ идеализаціи народа и сантиментальности, а вторые заподозрѣвали Гл. Успенскаго въ чѣмъ-то въ родѣ скрытаго крѣпостничества. На самомъ же дѣлѣ оба писателя, при всемъ антагонизмѣ, завися-

щемъ отъ особенностей ихъ талантовъ, различными путями пришли къ одной и той же цѣли. Въ то время, какъ Гл. Успенскій своимъ разлагающимъ, чисто прудоновскимъ анализомъ, вооруженнымъ беспощаднымъ

Г. И. Успенскій.

юморомъ, разрушилъ всѣ накопившіяся съ сороковыхъ годовъ апріорныя иллюзіи, которыя мѣшали видѣть народъ въ его истинномъ свѣтѣ, Н. Златовратскій, на развалинахъ этихъ иллюзій, возвелъ новое зданіе, показавши намъ не воображаемыя, а дѣйствительныя положительныя

начала народной жизни, о которыхъ до тѣхъ поръ никому и не снилось.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, какъ мы уже видѣли (см. гл. XIII), былъ сынъ секретаря казенной палаты Ивана Глѣбовича Успенскаго и двоюродный братъ Николая Успенскаго. Онъ родился 13 октября 1840 года въ Тулѣ. Первое воспитаніе получилъ онъ дома. У отца его, человѣка, не лишеннаго образованія, была маленькая бібліотека, и любознательный отъ природы Успенскій рано сталъ читать книги,—Пушкина, Лермонтова, Карамзина и пр. Затѣмъ отдали его въ Тульскую гимназію, гдѣ онъ учился только до четвертаго класса. Съ перемѣщеніемъ отца въ Черниговъ, пришлось и Гл. Ив. Успенскому перейти въ Черниговскую гимназію, гдѣ онъ и окончилъ курсъ. Здѣсь мальчикъ велъ жизнь, вполне способствовавшую его развитію; книгъ для чтенія было достаточно и дома, и въ «читальнѣ». Гл. Ив. затѣялъ даже издавать съ товарищами рукописный журналъ. По окончаніи гимназическаго курса Гл. Ив. поступилъ въ Петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ. Затѣмъ перешелъ въ Московскій. Недостатокъ средствъ заставилъ его заниматься корректурой въ университетской типографіи, а затѣмъ онъ сотрудничалъ въ журналѣ *Зритель*, издававшемся Кокошинымъ (61—62 г.). Изъ университета онъ вышелъ въ 1863 г. и занялся исключительно литературой. Вскорѣ умеръ его отецъ. Гл. Ив. Успенскій немедленно уѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ нашелъ полное разореніе своихъ родныхъ, оставшихся безъ гроша и безъ имущества, которое пришлось продать на уплату долговъ. Между тѣмъ какъ родные Гл. Ив. переѣхали на старое пепелище въ Тулу, гдѣ сестры его, чтобы какъ-нибудь прокормиться, стали давать уроки, Глѣбъ Ивановичъ, не въ силахъ будучи помочь имъ въ Тулѣ, поѣхалъ снова въ столицу добывать хлѣбъ литературнымъ трудомъ.

Вообще невеселыя впечатлѣнія вынесъ онъ изъ своего дѣтства и юности, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ его автобіографіи:

„Вся моя личная жизнь,—говоритъ онъ,—всѣ обстоятельства моей личной жизни до 20-ти лѣтъ обрекла меня на полное затменіе ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость и вообще отдѣляла отъ жизни благаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20-ти лѣтъ сердце у меня было когда-нибудь на мѣстѣ. Вотъ почему, когда настала 61-й годъ, взять съ собою „въ дальнюю дорогу“ что-нибудь изъ *моего* *прошлаго* было рѣшительно невозможно—равно нечего, ни капельки; напротивъ, для того, чтобы *жить* хоть какъ-нибудь, надобно было непремѣнно до послѣдней капли *забыть все* это прошлое, истребить всѣ выдѣренныя имъ качества. Нужно было еще перетерпѣть все то разореніе невольной несправды, среди которой пришлось жить мнѣ годы дѣтскіе и юношескіе, надо было потратить годы на эти не-прекращавшія похороны людей, среди которыхъ я выросъ, которые исчезали со свѣта безропотно, какъ погибавшіе среди моря, зная, что никто не можетъ имъ помочь и спасти, что „не тѣ времена“. Самая безропотность погибавшихъ людей, явное сознаніе, что все, чтѣ въ нихъ есть и чтѣмъ они жили,—не-правда и ложь, и беспомощность ихъ, уже одно это прямо убѣждало людей моего возраста и обстановки жизни, что изъ *прошлаго* нельзя и не надо, и невозможно оставить въ себѣ даже самаго бѣлаго воспоминанія; ничѣмъ отъ этого прошлаго нельзя было и думать руководиться въ томъ новомъ, которое „будетъ“, но которое рѣшительно еще неизвѣстно. Слѣдовательно, начало моей жизни началось только *послѣ забвенія моей собственной біографіи*, а затѣмъ и личная жизнь, и жизнь литературная стали созидаться во мнѣ одновременно *собственными средствами*“.

Литературная извѣстность Гл. Успенскаго началась съ 1866 года, когда онъ написалъ рядъ очерковъ, извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ *Нравы Растеряевой улицы* и помѣщавшихся на страницахъ *Современ-*

ника; но съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ ему пришлось подвергнуться всѣмъ тѣмъ враждебнымъ условіямъ, о которыхъ говорено въ предыдущей главѣ и которыя мѣшали беллетристамъ-разночинцамъ обрабатывать и доканчивать свои произведенія.

„Времена, пережитыя русскою журналистикою за послѣднія 20 лѣтъ,—говоритъ Гл. Успенскій въ предисловіи къ изданію сочиненій его 1883 г.,—были преполнены всевозможныхъ случайностей, безпрестанно разстраивавшихъ правильное ея теченіе и развитіе. Мои очерки много пострадали отъ этихъ невзгодъ журнальнаго дѣла, чисто во внѣшнемъ отношеніи. Правда, аргументъ нечего было въ нихъ искоренять: цензурныя бѣды обрушались не на такого рода литературныя явленія. Но въ общемъ водворотѣ ничто не можетъ оставаться нетронутымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти очерки вышли бы рельефнѣе, полнѣе и осмысленнѣе, если бы журнальная жизнь была устойчивѣе и представители печати могли чувствовать себя спокойнѣе.

„Укажу на одинъ примѣръ. *Правы Растеряевой улицы*, задуманные мною въ 1866 г., только что начали печататься въ *Современникѣ* (№№ 2-й и 3-й 1866 г.), какъ журналъ этотъ былъ закрытъ. Продолженіе этихъ очерковъ, приготовленное для *Современника*, должно было явиться въ Сборникѣ *Лучъ*, изданномъ редакціей *Русскаго Слова*, которое также было прекращено, при чемъ все, что имѣло связь съ очерками, напечатанными въ *Современникѣ*, надо было уничтожить, обрѣзать, выкинуть,—для того, чтобы „продолженіе“ имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной; вотъ почему дѣйствующія лица были переименованы въ другихъ, имъ „сдѣлана“ иная обстановка, и самое названіе измѣнено. Затѣмъ дальнѣйшее продолженіе той же серіи разсказовъ печаталось въ журналѣ *Женскій Вѣстникъ*, такъ какъ тогда (66 г.) почти совершенно не было другихъ литературныхъ журналовъ. Судите поэтому, что должна была претерпѣть *Растеряева улица* со своими пьяницами „сапожниками и мастеровицной“, появляясь въ журналѣ, посвященномъ женскому развитію, *женскому вопросу*. При всемъ моемъ глубокомъ желаніи, чтобы пьяницы мои вели себя въ дамскомъ обществѣ поприличнѣй, все они до невозможности пахли водкой и сокрушали меня. Но что жъ было дѣлать? Ихъ умыль и пріодѣлъ, и они стали только хуже, а правды въ нихъ меньше.

„Синочевныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели,—ничего тогда на лицо не было. Все удручало насъ и дѣлало одинокими. А между тѣмъ общество, вступавшее въ совершенно новый періодъ жизни, требовало отъ литературы,—и имѣло на это право,—многую и внимательную работу.

„Такимъ образомъ, какъ отсутствіе „школы“, такъ и глубокое внутреннее сознаніе, что „теперь“ обновляющаяся жизнь требуетъ большихъ дарованій и задаетъ имъ огромныя задачи,—дѣлали то, что незначительная способность написать „разсказъ“ или „очеркъ“ ослаблялась внутреннимъ сознаніемъ ненужности этого дѣла. „Все это не то!“ думалось тогда, и вслѣдствіе этого матеріалъ обрабатывался плохо, „кой-какъ“, появляясь въ видѣ „отрывковъ“ безъ начала и конца“...

Такія же жалобы на одиночество встрѣчаемъ мы и въ его вышеупомянутой автобіографіи:

„Одиночество,—говоритъ онъ,—было полное. Съ крупными писателями я не имѣлъ никакихъ связей, а мои товарищи—люди старшіе меня лѣтъ на десять—почти все безъ исключенія погибли на моихъ глазахъ, такъ какъ пьянство было почти чѣмъ-то неизбѣжнымъ для тогдашняго талантливаго человѣка. Все эти подверженные сивухной гибели люди были уже извѣстны въ литературѣ, и живи они въ наше время, когда можно на полной свободѣ „пѣвнать своимъ искусствомъ свѣтъ“,—они бы написали много изысканныхъ произведеній; но захватила ихъ новая жизнь,—такая, что завтрашній день не могъ быть даже предвидѣнъ—и талантливые люди почувствовали, что имъ не угнаться за толпой, начинающей жить безъ всякихъ литературныхъ традицій, должны были чувствовать въ этой отживавшей толпѣ свое полное одиночество... Сколько ни проявлялъ искусства въ поэмѣ, романахъ—„они“ даже и не почувствуютъ... Спившихся съ кругу талантливыхъ людей было множество, начиная съ такой потрясающей въ этомъ отношеніи фигуры, какъ П. И. Якушкинъ. Въ такомъ видѣ въ пору было „опохмелиться“, „очухаться“, очувствоваться, и какая ужъ тутъ „литературная школа!“ Похвальбы въ пьяномъ видѣ было много, посуловъ еще больше, анекдотовъ—видимо-невидимо, а такъ, чтобы ото всего этого повеселѣть—нѣтъ, этого не скажу. Даже малѣйшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на общество, на народъ, на цѣль русской интеллигенціи ни у кого рѣшительно не было. Немудрено, что ясно сознаваемое горе заливалось сивухой самыми талантливыми людьми.

„Несомнѣнно народъ этотъ былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питейная драма, питейная болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ названіемъ „послѣ-вчерашняго“, занимало въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто. Не было у нихъ читателя, они писали неизвѣстно для кого и хвалили только другъ друга. Одиночество талантливыхъ людей вело ихъ къ трагичному оживленію и шуму. Ко всему этому надо прибавить, что въ годы 1863—1868 все въ журналѣ-

номъ міръ падало, разрушалось, валялось. *Современникъ* сталъ тускѣть и упалъ во мнѣніи живыхъ людей, отводя по полкнигѣ на безплодный литературный распри, а потомъ былъ и закрытъ. Закрыто и *Русское Слово*, и вообще всѣ мало-мальски видные дѣятели разбрелись, *исчезли*. Начали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями... Одинъ изъ нихъ, на примѣръ, когда пришли описывать его за долги, сталъ на глазахъ пристава ѣсть овесъ, прикинувшись помѣшаннымъ (Артобалеваевскій). Когда, наконецъ, въ 1868 г. основались новыя *Отечественныя Записки*, первые годы въ нихъ тоже было мало уюта... Все, что собралось, было значительно поломано нравственно и физически, пова, наконецъ, дѣло не стало на широкую дорогу. Пока оно складывалось, жить въ неустановившемся и неудобномъ обществѣ большей частью до послѣдней степени изломанныхъ писателей (съ новыми я едва встрѣчался еще) не было никакой возможности, и я уѣхалъ за границу“...

II.

Вотъ подѣ влияніемъ какихъ мрачныхъ и неблагопріятныхъ условий развивался талантъ Гл. Успенскаго. Условія эти отразились не только на формѣ его произведеній, на отрывочности ихъ и отсутствіи художественной обработки, но и на самомъ содержаніи. Первое, что васъ поражаетъ въ нихъ, это полное отсутствіе спокойной художественной созерцательности, стремленія нарисовать что бы ни было изъ одного артистическаго увлеченія. Не найдете вы въ этихъ очеркахъ ни одного ландшафта, ни одного изображенія женской красоты, увлекательнаго сюжетца. Строгий, чисто подвижническій аскетизмъ проникаетъ всѣ произведенія Гл. Успенскаго, побуждая его до такой степени сторониться отъ малѣйшаго художественнаго аксессуара, что въ послѣднемъ изданіи своихъ произведеній (1889) онъ нашелъ нужнымъ еще болѣе сжаться. По крайней мѣрѣ, г. Михайловскій въ своей статьѣ объ Успенскомъ, приложенной къ изданію, говоритъ, что, просматривая сочиненія Гл. Успенскаго, онъ не находилъ въ нихъ то отдѣльной фразы или яркаго слова, которое онъ хорошо помнитъ, а то и цѣлой картинки, и что вычеркнуты главнымъ образомъ «смѣшныя» вещи.

Подобный художественный аскетизмъ происходилъ вовсе не изъ какой-либо предвзятой эстетической теоріи, а лежалъ въ самой природѣ Гл. Успенскаго. Ключъ къ этому аскетизму заключается въ тѣхъ словахъ автобіографіи писателя, гдѣ онъ говоритъ, что до 20 лѣтъ онъ плакалъ безпрестанно, не зная, отчего это происходитъ, и что до 20 лѣтъ седрпе у него никогда не было на мѣстѣ. Это была слишкомъ потрясенная и встревоженная душа, которой было вовсе не до какихъ-либо художественныхъ красотъ. И притомъ не до двадцати только лѣтъ душа Гл. Успенскаго оставалась въ такомъ положеніи: она и потомъ, въ продолженіе всей послѣдующей жизни, продолжала быть не на мѣстѣ, въ вѣчныхъ порывахъ къ свѣту, къ *источнику*, какъ выразился Гл. Успенскій, въ вѣчныхъ поискахъ правды, живой души, цѣльности челоуѣческой природы, въ вѣчной скорби о больной совѣсти интеллигентнаго русскаго челоуѣка. Не принадлежа къ числу ультра-субъективныхъ художниковъ, которые вѣчно возятся со своею личностью и спѣшатъ возвѣщать міру о каждомъ своемъ мимолетномъ ощущеніицѣ, Гл. Успенскій не принадлежалъ и къ числу тѣхъ объективныхъ писателей, которые подолгу выносятъ свои художественные образы, являющіеся плодами спокойныхъ наблюденій надъ окружающей жизнью. Гл. Успенскій глубоко страдалъ своими художественными образами, постоянно волновался, кипятился всѣмъ, что пред-

ставлялось его глазамъ; все это всецѣло овладѣло его душой, дѣлалось жизнью его собственного сердца, и все это онъ спѣшилъ излить въ образахъ, имѣвшихъ въ его глазахъ непосредственное, кровное сродство съ жизнью его души, какъ онъ и самъ свидѣтельствуемъ о томъ въ концѣ своей автобіографіи, говоря:

„Все же, что накоплено мною „собственными средствами“ въ опустошенную забвеніемъ прошлаго совѣсть, — все это пересказано въ моихъ книгахъ, пересказано поспѣшно, какъ пришлось, но пересказано все, чѣмъ я жила лично. — Такимъ образомъ вся моя новая біографія послѣ забвенія старой пересказана почти изо дня въ день въ моихъ книгахъ. Больше у меня ничего въ жизни личной не было и нѣтъ“...

Это одно достаточно свидѣтельствуемъ, какъ глубоко ошибаются люди, мало знакомые съ произведеніями Гл. Успенскаго, воображающіе его въ видѣ какого-то досужаго вояжера, который ѣздитъ лѣтомъ по деревнямъ и, записывая смѣшные сцены и разговоры, изображаетъ ихъ потомъ въ своихъ очеркахъ. Мы видимъ, что въ первыя десять лѣтъ своей дѣятельности онъ вовсе не является изображателемъ народнаго быта въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Проведя дѣтство и юность въ городахъ и продолжая вращаться въ нихъ, онъ не зналъ еще деревенской жизни и мужика; въ произведеніяхъ этого перваго періода его дѣятельности, простирающагося съ 1866 года до второй половины семидесятыхъ годовъ, изображаются жители городовъ; передъ вами разворачивается «картина нравовъ русской провинціальной разночинной толпы», какъ Гл. Успенскій выражается въ предисловіи къ изданію его сочиненій въ 1883 году.

И дѣйствительно, по всей справедливости онъ можетъ быть названъ въ произведеніяхъ этого періода пѣвцомъ разночинцевъ. Началъ Гл. Успенскій въ *Нравахъ Растеряевой улицы* съ мелкихъ провинціальныхъ мѣщанъ, ютящихся въ ветхихъ домишкахъ по окраинамъ уѣздныхъ городишекъ, борющихся съ холодомъ, съ голодомъ, съ *прижимкою*, топящихъ въ водкѣ непроглядную тьму и тоскливую монотонность провинціального прозябанія. При всемъ внѣшнемъ комизмѣ фигуры эти про-являютъ крайнее нравственное паденіе (личность Прохора Порфирыча), или же, напротивъ того, энергическій протестъ души, проснувшейся подъ обаяніемъ новыхъ вліяній и устремившейся къ свѣту и правдѣ (Михаилъ Ивановичъ въ *Разореньѣ*). Отъ этихъ героевъ Гл. Успенскій перешелъ къ разночинной интеллигенціи: въ лицѣ семейства Птицыныхъ и Павла Ивановича Шапкина изобразилъ мрачную, полную потрясающаго трагизма, картину разоренія и безпомощной гибели той самой *невольной неправды*, о которой онъ говоритъ въ своей автобіографіи. Справивши по этимъ людямъ поминки въ своемъ *Разореньѣ*, Гл. Успенскій перешелъ наконецъ, къ типамъ передовой разночинной интеллигенціи, захваченной новыми вѣяніями и тщетно ищущей приложенія своихъ молодыхъ силъ, въ горячихъ стремленіяхъ къ народному благу разбивающихся о всевозможные подводные камни провинціальной пучины. Таковы: *Наблюденія одного лѣнтяя*, *Тише воды, ниже травы* и проч.

III.

Въ 1871 году Гл. Успенскій уѣхалъ за границу. «За границей, — пишетъ онъ въ своей біографіи, — я былъ два раза: въ 1871 г., послѣ

коммуны, при чемъ видѣлъ избитый и прусскими, и коммунаскими бомбами и пулями городъ, видѣлъ, какъ приговариваютъ къ смерти сапожниковъ и башмачниковъ; въ другой разъ я прожилъ тамъ подъ-рядъ два года, по временамъ только прѣзжая въ Россію. Въ это время я былъ въ Лондонѣ. Я мало писалъ объ этомъ, но многому научился, много записалъ добраго въ мою душевную родословную книгу навсегда... Затѣмъ прямо изъ Парижа (1876 г.) я поѣхалъ въ Сербію и въ Пештѣ встрѣтилъ нашихъ. И объ этомъ я *мало* писалъ, но много передумалъ и навѣки много опять-таки взялъ въ свою душевную родословную»...

Это было переходное время (1871—1877), въ которое Гл. Успенскій писалъ дѣйствительно мало, и хотя все, что писалъ онъ въ эти годы, отличается его обычнымъ юморомъ, умѣньемъ проникать въ суть изображаемаго явленія жизни и мѣтко, нѣсколькими штрихами, очерчивать вещи въ ихъ наиболѣе характеристическихъ особенностяхъ (таковы относящіяся къ этому времени *Письма изъ Сербіи*), но наиболѣе плодотворная и сенсационная дѣятельность ждала его впереди. Она началась съ того момента, когда отъ развочинца онъ перешелъ къ мужику.—Это произошло тотчасъ же послѣ сербской войны. «Затѣмъ,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—подлинная правда жизни повлекла меня къ *источнику*, т. е. мужику. По несчастью, я попалъ въ такія мѣста, гдѣ *источника* видно не было... Деньга привалила въ эти мѣста, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь въ теченіе полутора года не зналъ ни дня, ни ночи покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи»...

Мѣстомъ, о которомъ говоритъ здѣсь Гл. Успенскій, былъ одинъ изъ уѣздовъ Самарской губерніи, гдѣ Гл. Успенскій, по рекомендаціи одного очень богатаго помѣщика, взялъ на себя обязанность завѣдывать крестьянской ссудо-сберегательной кассой, и такимъ образомъ имѣлъ возможность, не ограничиваясь одними наблюденіями посторонняго чело-вѣка, войти въ непосредственныя сношенія съ крестьянскимъ міромъ, и хотя Гл. Успенскій видитъ несчастье въ томъ, что онъ попалъ въ такой край, гдѣ вмѣсто искомага *источника* ему пришлось наблюдать, какія способенъ преподлѣйшія вещи творить мужикъ, но въ сущности это было величайшее счастье для послѣдующей дѣятельности Гл. Успенскаго. Это обстоятельство прямо повело къ тому, что, прежде чѣмъ Гл. Успенскій добрался до *источника*, т. е. до настоящаго мужика, являющагося непосредственнымъ произведеніемъ природы, не искалѣченнымъ тлетворными условіями жизни, онъ долженъ былъ освободиться отъ иллюзій, которыя Левитовъ окрестилъ *неотразимымъ вздоромъ*. Этотъ неотразимый вздоръ, въ видѣ апріорнаго представленія мужика то вмѣстѣ лицомъ всѣхъ добродѣтелей, то, наоборотъ, бесмысленнымъ чудовищемъ, глубоко сидѣлъ въ головахъ людей семидесятыхъ годовъ. И вотъ какъ разъ въ то время, когда эти люди, ослѣпленные подобными иллюзіями, очертя голову ринулись въ народъ, Гл. Успенскій словно холодной водой окатилъ русское общество рядомъ очерковъ, въ которыхъ началъ разоблачать русскаго мужика во всей его неподкрашенной правдѣ.

Какъ глубоко иллюзии эти врослись въ самого Гл. Успенскаго и какъ дорого пришлось ему разставаться съ ними, объ этомъ мы можемъ су-

диль по его очерку *Черная работа*, помѣщенному въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1879 г., въ № 5, въ которомъ Гл. Успенскій впервые рѣшительно и рѣзко выступилъ на новое поприще. Въ очеркѣ этомъ, произведшемъ сенсацию, опредѣленно высказываются мотивы, которые побудили автора идти по новой дорогѣ. Начинается онъ тѣмъ, что авторъ представляетъ себя измученнымъ «тоской, доходящей до физической боли». Эта тоска заставила его бѣжать изъ деревни, «если не навсегда, то на нѣкоторое время», а въ послѣдній день «эта жажда не думать о деревнѣ, освободиться хотя на время отъ этой бесплодной муки достигла такой степени, что онъ вмѣсто трехъ часовъ ночи, какъ бы слѣдовало, уѣхалъ на станцію въ одиннадцать часовъ вечера, рѣшаясь сидѣть болѣе шести часовъ безъ всякаго дѣла въ ожиданіи поѣзда», и несмотря на страшный буранъ, который ему пришлось вынести дорогою. Что же причинило эту тоску до физической боли и заставило автора такъ поспѣшно бѣжать изъ деревни? Оказывается, что именно разладъ между иллюзіями или, какъ называетъ ихъ авторъ, азбучными истинами, съ которыми онъ пріѣхалъ въ деревню, и тѣми конкретными фактами, которые обступили его въ деревенской жизни.

„Адское душевное состояніе,—говоритъ онъ,—долженъ пережить всякій, кто, только повинувшись даже инстинктивному влеченію къ деревнѣ, только чувствуя, что между нимъ и ея существомъ какая-то трудно опредѣлимая, но несомнѣнно кровная связь, попробуетъ... ну, просто хотя только пожить въ деревнѣ... Слагается оно, во-первыхъ, изъ такого рода ежечасно предъявляемыхъ деревнею фактовъ, въ которыхъ, по нашему мнѣнію (мнѣнію человѣка, выросшаго въ другой средѣ), непостижимымъ для васъ образомъ оказываются нарушенными самыя непоколебимыя, самыя истинныя истины. Что можетъ быть невозбѣжнѣе тѣхъ цифирныхъ истинъ, какимъ учить васъ таблица умноженія? Два, умноженное на два, развѣ можетъ дать въ результатъ что-нибудь кромѣ четырехъ? Ежедневный деревенскій опытъ доказываетъ вамъ, что не только можетъ, но постоянно, аккуратно, изо дня въ день даетъ нѣчто такое, чего даже нѣтъ возможности ни понять, ни объяснить, къ объясненію чего нѣтъ ни дороги, ни пути, ни самаго нѣжной нити. Ниже читатель, напримѣръ, увидитъ эти изумительные результаты деревенской таблицы умноженія, теперь же я только прошу его представить себѣ положеніе человѣка, который по сту разъ въ день надѣется, что вотъ-вотъ получится четыре, и по сту разъ въ день видитъ во-очію, что получается то стеариновая свѣчка, то свиная морда, словомъ, нѣчто неожиданное и невозможное, и онъ до нѣкоторой степени только пойметъ, что за безнадежно-отупляющее состояніе долженъ переживать всякій, кто смотритъ на деревню такъ, „какъ должно“, по его мнѣнію, смотрѣть на нее“...

IV.

И вотъ передъ нами является рядъ очерковъ, рушащихъ всѣ иллюзіи, называемыя авторомъ табличкою умноженія. Въ самомъ дѣлѣ, какое ошеломляющее впечатлѣніе долженъ былъ произвести очеркъ *Черная работа*, въ которомъ, вопреки всѣмъ теоретическимъ ожиданіямъ, оказывается, что крестьяне господской деревни, наиболѣе угнетенные крѣпостнымъ правомъ, являются не въ примѣръ и трудолюбивѣе, и нравственнѣе казенныхъ, искони жившихъ на полной свободѣ. Далѣе затѣмъ въ очеркѣ *Малые ребята* интеллигентный человѣкъ нарочно поселяется въ деревнѣ съ педагогической цѣлью подвергнуть дѣтей оздоровляющему ея вліянію и съ ужасомъ бѣжитъ отъ нея, когда въ результатъ педагогическаго опыта дѣти его узнали, что они не мужики, а господа, и имѣютъ поэтому право карать, прощать и не прощать, получили нѣкоторую крѣпость нервовъ, пріучившихся быть нечувствительными во многихъ весьма драматическихъ случаяхъ; затѣмъ приобрѣли какую-то сыпь, требующую

серьезнаго леченія, и наконецъ самое обстоятельное, всестороннее знакомство съ чортомъ.

Еще болѣе долженъ былъ смутить и ужаснуть читателей очеркъ *Не въ привычку дѣло* (въ изданіи онъ озаглавленъ *Чудакъ баринъ*), герой котораго, интеллигентный человѣкъ Михаилъ Михайловичъ, отправился въ деревенскую глушь «трудиться наравнѣ со всѣми, какъ равный въ правахъ и обязанностяхъ, спать вмѣстѣ съ другими на соломѣ, ѣсть изъ одного котла, а деньги, какъ нажитыя общимъ трудомъ, должны быть достояніемъ той кучки людей, которая должна была образоваться какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ искренно разорвавшихъ съ прошлымъ интеллигентныхъ людей».

Но крестьяне, не понявши высокихъ цѣлей барина, отнесли къ нему, какъ къ блажному человѣку, начали, поддакивая его словамъ и потворствуя его барскимъ инстинктамъ, обирать его со всѣхъ сторонъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что Михаилъ Михайловичъ, убивъ все свои капиталы, въ концѣ концовъ впалъ въ полное разочарованіе, уныніе и спился. Онъ является передъ читателемъ однимъ изъ тѣхъ первыхъ пионеровъ-неудачниковъ, которые стремились слиться съ народомъ, но не только не знали его и были не подготовлены къ дѣлу, за которое принимались, но не умѣли отрѣшиться и отъ наследственнаго праха, накопившагося на ихъ существѣ вѣками. Поэтому здѣсь схваченъ авторомъ вопросъ гораздо глубже: тутъ дѣло идетъ не объ однѣхъ иллюзіяхъ, а о существенныхъ, вѣковыхъ складахъ жизни, которые отдѣляютъ глубоко пропастью отъ народа даже и такихъ благомыслящихъ господъ, какъ герой этого очерка.

Далѣе затѣмъ въ рядѣ очерковъ мы встрѣчаемъ микроскопическій анализъ, развертывающій передъ нами мрачную картину деревенской жизни. Мы видимъ, что восхваляемые общинные порядки допускаютъ непризнанныхъ стариковъ, вдовъ и воспитываютъ въ нихъ деревенскихъ злодѣевъ, обращающихся въ конокрадовъ и поджигателей, на которыхъ сельскій міръ, допустившій на свою голову развитіе такихъ чудовищъ, обрушается съ беспощаднымъ самосудомъ. Крестьянское самоуправленіе оказывается миражемъ. Никакой общественной силы въ немъ нѣтъ, и пріять и практиковать ее не на чемъ. Какіе бы вопросы или проекты «оздоровленія», «образованія», «поднятія народной нравственности» — ни подымались въ обществѣ, — въ деревнѣ изъ нихъ образуются другія уже грустныя слова: «по гривеннику», «по двугривенному», «по полтинѣ», и вся умственная дѣятельность крестьянина занята одной заботой: достать денегъ.

„Обведя, — говоритъ Гл. Успенскій въ очеркѣ *Люди и нравы современной деревни*, — вокругъ Москвы кругъ, радіусомъ верстъ въ четыреста, мы получимъ мѣстность, въ которой положеніе крестьянина и направленіе его мысли, въ общихъ чертахъ, опредѣлится именно этимъ стремленіемъ — добыть денегъ“, только денегъ, больше ничего. Къ этому направленію крестьянской мысли начало присоединяется къ крайнему огорченію людей, идеализирующихъ прочность деревенской общины, плохо опредѣляемое, но сильно чувствуемое крестьяниномъ желаніе — уйти куда-нибудь, желаніе какъ-нибудь полегче добывать то, что теперь добывается съ такимъ трудомъ, и это стремленіе уйти изъ сухихъ и жесткихъ условій крестьянской среды объясняется все тою же необходимостью добывать все больше и больше денегъ“.

Но страшнѣе всего, что въ то время, какъ дѣйствительная интеллигентная сила, которая могла бы оживить и раздвинуть умственный кру-

гозоръ деревни, отвергается ею въ лицѣ Михайловъ Михайловичей,—единственнымъ руководителемъ народа является кулакъ.

„Мы охотно вѣримъ,—говоритъ Гл. Успенскій въ очеркѣ *Деревенская неурядица*.—въ дурное вліяніе на деревню массы пришлыхъ элементовъ, но никакимъ образомъ не можемъ ими объяснить деревенскаго кулачества, то-есть выдѣленія среди деревенской массы личностей, эксплуатирующихъ массу. Бѣда именно въ томъ и состоитъ, что кулачество—явленіе не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, органической недугъ. Но самая горькая и обидная черта этого явленія заключается не собственно въ хищничество, а въ томъ, что ничего другого, хотя мало-мальски равнозначущаго по разработкѣ и техникѣ, деревенская жизнь за послѣднее время не представляетъ. Есть ли что-либо хотя приблизительно такъ прочно успѣвшееся и усовершенствованное въ отношеніи, положимъ, самопомощи, какъ усовершенствовано кулачество? Существуетъ ли, словомъ, какое-нибудь явленіе, прямо противоположное и имѣющее какое-нибудь значеніе, пользующееся какимъ-нибудь успѣхомъ? Говоря безпристрастно и не боясь напередъ, мы должны сказать, что ничего подобнаго нѣтъ; напротивъ, что всего ужаснѣе, такъ это то, что въ кулачествѣ вы видите несомнѣнное присутствіе ума, дарованія, таланта. Посмотрите, сколько чело-вѣку, вылившемуся въ кулака, надо передумать, сколько ему надо внимательности къ себѣ, къ другимъ, чтобы съ успѣхомъ дѣлать свое дѣло, какъ надо много знанія людей, характеровъ, вообще жизни. Подумавши объ этомъ серьезно, вы убѣдитесь, что для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ чело-вѣкомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно гениальныя способности, и въ то же время вы не можете не убѣдиться, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ—не выразилось. Что же значить это явленіе? Отчего умъ и талантъ на первыхъ порахъ (что будетъ дальше, мы не предсказываемъ, такъ какъ говоримъ только о настоящей минутѣ деревенской жизни) пошли такимъ недобримъ, неправдливимъ и разорительнымъ для самого народа путемъ?

„Замѣчательно,—говоритъ авторъ ниже въ томъ же очеркѣ,—въ биографіи всякаго такого чело-вѣка есть еще са-дующая небезынтересная черта. Чело-вѣкъ, какъ видите, вышелъ изъ ненавистничества какъ къ барину, такъ и къ мужику. Кажется, и тому, и другому прямой расчетъ сокрушить этого ненавистника, но на дѣлѣ же выходитъ иное. Баринъ, обитатель господской усадьбы, не сокрушаетъ его по тѣмъ соображеніямъ, по которымъ онъ не безъ злорадства иной разъ говоритъ себѣ: „По-о-смотримъ! Какъ-то вы на волѣ-то поживете! Какъ заберете въ руки кака-нибудь кулацкая морда—узнаете барина, да поздно будетъ!“ И иной даже радуется, что кулакъ нажалъ мужиковъ: „Такъ ихъ и надо! Отлично! Право, молодецъ!“ И невольно чувствуетъ симпатію, конечно, все-таки считая нагрѣвателя канальей. Канальей его считаютъ и мужики, но развѣ они могутъ не поставить ему въ заслугу ловкости, съ которой онъ, напримѣръ, ожегъ чемадуровскаго и балабаевского барина?... „Ужъ и развязная же только башка у шельмы!“ Такимъ образомъ, при кличкахъ нарицательныхъ: „шельма“, „плуть“, „прійдоха“, „каналья“ и т. д., тому же чело-вѣку сопутствуютъ—и ничуть не въ меньшемъ количествѣ—и похвалы: „ловко!“ „отлично!“ „гениально оплелъ!“ „молодчина!“ и т. д.—похвалы, основанныя, какъ видите, ужъ на уваженіи къ уму, таланту, дарованію. Это-то послѣднее уваженіе и есть кулацкая сила, въ ней-то и заключается гибельность кулацкаго вліянія: онъ держится настолько же хищничествомъ, насколько и нравственнымъ вліяніемъ на общественное сознаніе, которое по множеству причинъ не можетъ не считать его правымъ, умнымъ, а пожалуй и почтеннымъ... Какая другая дорога для деревенскаго умнаго, энергическаго чело-вѣка теперь? спросю я и подожду отвѣта. Именно во имя сочувствія и даже, пожалуй, невозможности несочувствія кулацкой морали (имѣющей, какъ мы твердо вѣримъ, въ недалекомъ будущемъ пріобрѣтать рѣшительно всѣ сферы общества) сила кулака велика и у мужиковъ, и у баръ, и у начальства. Онъ всѣхъ знаетъ, онъ понимаетъ всѣ деревенскія отношенія, онъ можетъ отвѣчать всѣмъ и обо всемъ. Онъ поэтому и столбъ, и совѣтникъ. Ему же принадлежитъ первенствующая роль и въ деревенской дѣятельности. Дѣянія кулака—самыя крупныя и замѣтныя на деревенской улицѣ. Самая видная, самая понятная, самая новая мораль, выглядывающая изъ явленій современной деревенской улицы,—мораль кулацкая. А такъ какъ подрастающее деревенское поколѣніе, какъ и то, которое отживаетъ, учится жить и думать такъ, какъ учитъ дѣятельность, улица, и такъ какъ противъ кулацкой морали ни откуда на деревенскую улицу не проникаетъ ничего противодѣйствующаго ей, то мы, полагаю руку на сердце, рѣшительно не можемъ не сказать, что это поколѣніе воспитывается главнымъ образомъ только кулацкой моралью. Чистая дѣтская душа деревенскаго ребенка въ изобиліи принимаетъ впечатлѣнія, даваемые кулацкой дѣятельностью, и невольно, безъ протеста, подчиняется ей морали“.

Вотъ въ какомъ мракѣ кромѣшномъ рисовалъ Гл. Успенскій деревню подъ впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ Самарской губерніи.

V.

Но онъ не въ силахъ былъ остановиться на одномъ отрицательномъ отношеніи къ народу и поѣхалъ въ другія мѣста искать болѣе свѣтлыхъ и отрадныхъ впечатлѣній. «Мнѣ нужно было знать,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—источникъ всей этой хитроумной механики народной жизни, о которой я не могъ доискаться никакого простого слова и нигдѣ. И вотъ изъ шумной, полупьяной, развратной деревни забрался въ лѣсъ Новгородской губерніи, въ усадьбу, гдѣ жила только одна крестьянская семья. На моихъ глазахъ дикое мѣсто стало оживать подъ сохой пахаря, и вотъ я тогда въ первый разъ въ жизни увидѣлъ дѣйствительно *одну подлинную важную черту въ основахъ жизни русскаго народа*—именно власть земли»...

Это житье въ лѣсу Новгородской губерніи происходило лѣтомъ 1881 г., и результатомъ его и былъ знаменитый очеркъ, представляющій высшую точку творчества Гл. Успенскаго,—*Власть земли*, появившійся въ № 1 *Отечественныхъ Записокъ* 1882 года. Выставивъ въ этомъ очеркѣ крестьянина Ивана Петрова, который, получивши хорошее и вполне обезпечивающее мѣсто на желѣзной дорогѣ, излѣнивается, спивается, доходитъ до крайней деморализаціи, и вновь исправляется и дѣлается примѣрнымъ мужикомъ, едва только возвращается въ деревню, авторъ говоритъ:

„Такимъ образомъ оказывается, что воля, свобода, легкое житье, обиліе денегъ, т. е. все то, что необходимо человѣку для того, чтобы устроиться, причиняетъ ему, напротивъ, крайнее разстройство до того, что онъ дѣлается въ родѣ свиньи“.

«Подобную несообразность со всѣми табличками умноженій» авторъ и объясняетъ тѣмъ, что онъ называетъ «властью земли».

„Тайна эта,—говоритъ онъ,—поистинѣ огромная и, думаю я, заключается въ томъ, что огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ терпѣлива и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душой, мужественно сильна и дѣтски кротка, словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся, народъ, который мы любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ,—до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ власть земли, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ невозможность ослушавія ея повелѣній, покуда они властвуютъ надъ его умомъ, совѣстью, покуда они наполняютъ его существованіе. У актера, который играетъ Мефистофеля или Демона, до тѣхъ поръ лицо будетъ казаться огненнымъ, покуда будетъ освѣщено огненнымъ свѣтомъ; нашъ народъ до тѣхъ поръ будетъ казаться такимъ, каковъ онъ есть, до тѣхъ поръ будетъ обладать тѣми драгоценными качествами ума и сердца, словомъ, до тѣхъ поръ будетъ имѣть тотъ типъ и даже видъ, какой имѣетъ, пока онъ весь, съ головы до ногъ и снаружи до самаго нутра, провѣтритъ и освѣщенъ тепломъ и свѣтомъ, вѣющими на него отъ матери сырой земли. Погасите красный фонарь—и лицо Демона перестало быть краснымъ. Оторвите крестьянина отъ земли, отъ тѣхъ заботъ, которыя она налагаетъ на него, отъ тѣхъ интересовъ, которыми она волнуетъ крестьянина, добейтесь, чтобы онъ забылъ „крестьянство“,—и нѣтъ того славнаго народа, нѣтъ народнаго міросозерцанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него. Остается одинъ пустой аппаратъ пустого человѣческаго организма. Настаетъ душевная пустота, „полная воля“, т. е. невидимая пустая даль, безграничная пустая ширь... „Иди, куда хочь“...“

„У земледѣльца,—говоритъ ниже Гл. Успенскій,—нѣтъ шага, нѣтъ поступка, нѣтъ совѣсти, которые бы принадлежали не землѣ. Онъ весь въ кабалѣ у этой травинки зелененькой. Ему до такой степени невозможно оторваться куда-нибудь, на сторону изъ-подъ этого ига власти, что когда ему говорятъ: „Чего ты хочешь, тырмы или розогъ?“, то онъ всегда предпочитаетъ быть высѣченнымъ, предпочитаетъ перевести физическую муку, чтобы только сейчасъ же быть свободнымъ, потому что хозяинъ его—земля, не дожидается: нужно косить, сѣно нужно для скотины, скотина нужна для земли. И вотъ въ этой-то ежеминутной зависимости, въ этой-то массѣ тяготы, подъ которой человѣкъ самъ по себѣ не можетъ и пошевелиться,—тутъ-то и лежитъ та необыкновенная *легкость* существованія, благодаря которой Селянновичъ могъ сказать: „меня любить мать сыра земля“. И точно любить: она забрала его въ руки безъ остатка, всего цѣликомъ, но зато онъ и не *отвѣчаетъ* ни за что, ни за одинъ свой шагъ. Разъ онъ дѣлаетъ такъ,

какъ *велитъ* его хозяина-земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ: онъ убилъ человѣка, который увелъ у него лошадей,—и невиновенъ, потому что безъ лошади нельзя приступить къ землѣ; у него перемерли всѣ дѣти,—онъ опять невиноватъ: не родила земля, нечѣмъ кормить было; онъ въ гробъ вогналъ вотъ эту свою жену,—невиновенъ: дура, не понимаетъ въ хозяйствѣ, черезъ нее стало дѣло, стала работа, а хозяйка-земля требуетъ этой работы, не ждетъ. Словомъ, если только онъ слушаетъ себя жизни, не разыскиваетъ себя онъ ни въ чемъ невиновенъ, а главное, какое счастье не выдумывать себя жизни, не открывать глаза! интересовъ и ощущений, когда они сами приходятъ къ тебѣ каждый день, едва только открылъ глаза! Дождь на дворѣ—долженъ сидѣть дома, ведро—долженъ идти косить, жать и т. д. Ни за что *не отыскавъ*, ничего *не придумывая*, человѣкъ живетъ только *слушаясь*, и это ежеминутное, ежесекундное послушаніе, превращенное въ ежеминутный трудъ, и образуетъ *жизнь*, не имѣющую, повидимому, никакого результата (что вырабатываютъ, то и съдѣять), но имѣющую результатъ именно въ самой себѣ. Для чего растеть этотъ дубъ? какая ему польза сто дѣтъ тянуть изъ земли сока? Что ему за интересъ каждый годъ покрываться листьями, потомъ терять ихъ и въ концѣ-концовъ кормить желудками свиней? Вся польза и интересъ жизни этого дуба именно въ томъ и заключается, что онъ *просто растеть*, просто зеленѣеть, такъ, самъ не зная зачѣмъ. Тоже самое и жизнь крестьянина-земледѣльца: вѣковѣчный трудъ—это и есть жизнь, интересъ жизни, а результатъ—ничъ.

Но не только крестьянинъ въ своей личной семейной жизни приравнивается Гл. Успенскимъ къ типу растительной жизни, но и общественная жизнь его оказывается созданною не имъ самимъ, а тою-же властью земли.

„Если вы поймаете галку,—говоритъ Пугасовъ въ разсказѣ *Безъ своей воли*,—разсмотрите всю ея организацію, то вы поразитесь, какъ она удивительно умно устроена, какъ много ума положено въ ея организацію, какъ все соразмѣрено, пригнано одно къ одному, нѣтъ нигдѣ ни лишняго пера, ни угла, ни линии неуживой, негармоничной и не строго обдуманной. Но чей тутъ дѣйствовать умъ? Чья воля? Неужели вы все это приписете галкѣ? Вѣдь, тогда любая галка—гениальнѣйшее существо, необъятный умъ? Вотъ у насъ часто, изучая народную жизнь, въ высшей степени гармоническія явленія народного быта приписываютъ народному уму, и тогда онъ кажется необъятнымъ... А между тѣмъ эти гармоническія явленія, до которыхъ умомъ человѣкъ непокорной воли доидеть только черезъ тысячи вѣковъ, существуютъ и рождаются просто такъ, какъ галка, какъ жеребенокъ... Непословидными путями предугазано, чтобы кобыленка по веснѣ ходила по полю и махала хвостомъ. Она ходитъ и махаетъ, потомъ ее начинаютъ „пучить“ и въ концѣ-концовъ получается прелестнѣйшій жеребенокъ, въ миллионы разъ умнѣе и лучше, и талантливѣе выдуманнаго человѣкомъ локомотива, но появляется безъ собственной воли, устраивается и принимаетъ формы и строеніе безъ собственнаго ума, а такъ... И народная жизнь въ огромномъ большинствѣ самыхъ величественнѣйшихъ явленій удивительна, гармонична, красива, *просто такъ*“.

Общественные порядки, поражающіе изслѣдователей въ крестьянскомъ быту, Гл. Успенскій усматриваетъ и въ рыбьемъ царствѣ:

„Даже у стерлядей,—говоритъ онъ во *Власти земли*,—по свидѣтельству рыболововъ, существуютъ „десятки“, которые посылаются стерляденымъ обществомъ искать мѣста для метанія икры. Волжскія рыба—сазань, тоже живущая своими сельскими обществами, имѣетъ выборныхъ, и ходоковъ, и депутатъ въ они обыкновенно идутъ впереди „общества“ и, подойдя къ заводу, которые ставятъ рыбаки поперекъ рѣкъ, начинаютъ пробовать крѣпость его носомъ, потомъ налетаютъ бокомъ, потомъ пробуютъ перепрыгнуть; когда все это не удается, то депутаты возвращаются и докладываютъ обществу; мирской сазаній сходъ съ страшною стремительностью устремляется на заводъ и ударяетъ въ него всѣмъ своимъ коллективнымъ рыломъ. Многие погибаютъ на смерть, а другіе проскальзываютъ въ брешь и спасаются“.

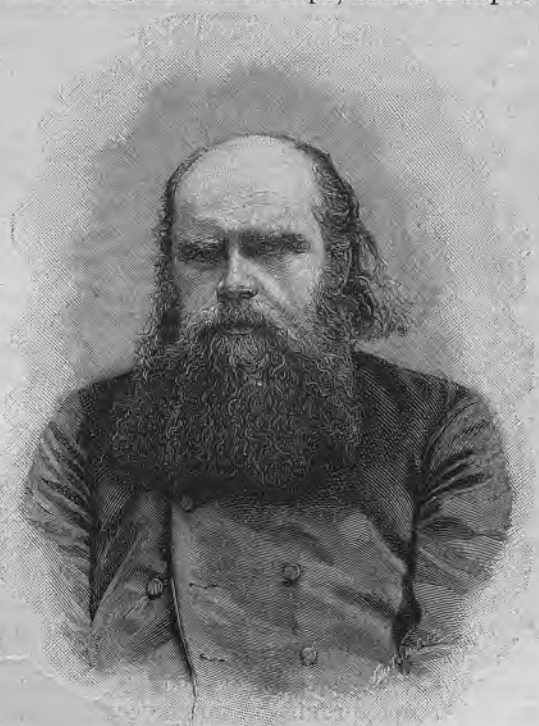
Однимъ словомъ, и въ общественномъ отношеніи, крестьянскій миръ, *община*, представляетъ собою чисто зоологическій типъ, нѣчто въ родѣ пчелинаго улья или муравейника.

Вотъ къ какимъ важнымъ результатамъ привело Гл. Успенскаго изученіе народного быта. Нужно только припомнить буколическихъ крестьянъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ или-же звѣроподобныхъ мужиковъ Н. Успенскаго, чтобы судить о томъ, какой колоссальный шагъ былъ сдѣланъ Гл. Успенскимъ въ знаніи народа. Образы и идеи, проведенные имъ въ очеркахъ, написанныхъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, стоятъ на высотѣ послѣднихъ словъ науки. Въ самомъ дѣлѣ, что такое предста-

вляеть собою наша крестьянская община? Это, вѣдь, не что иное, какъ именно тотъ типъ первобытнаго общества, которымъ, по свидѣтельству науки, начинали всѣ народы. Вмѣстѣ съ тѣмъ наука свидѣтельствуетъ намъ, что въ началѣ жизни кочевого народа традиціонный умъ, подобный пчелиному инстинкту, преобладаетъ надъ личнымъ. Недаромъ у всѣхъ народовъ сохраняются мѣны о золотомъ вѣкѣ, когда человекъ былъ чистъ и невиненъ душою, ни о чемъ не заботился, а только слѣпо и кротко повиновался завѣтамъ отцовъ; не было тогда на землѣ ни ссоръ, ни кровопролитій; люди соединялись въ общемъ союзѣ мира, любви и гармоническаго согласія. Замѣчательно, что рядомъ съ такими преданіями существуютъ другія, совершенно противоположныя, которыя рисуютъ намъ этихъ самыхъ ангеловъ золотого вѣка хищными, звѣроподобными, кровожадными титанами, окруженными легендарными чудовищами и въ свою очередь похожими на этихъ чудовищъ. При всей своей противоположности подобныя мѣны одинаково справедливы, основываясь на памяти народовъ о тѣхъ временахъ, когда люди, слѣпо повинуваясь велѣніямъ природы и традиціямъ, подобно крестьянамъ Гл. Успенскаго, совершали въ одно и то же время и высокіе подвиги любви и братства, и безчеловѣчныя злодѣйства, были и ангелами золотого вѣка, и звѣрями эпохи титановъ.

Освобожденіе личнаго ума изъ-подъ ига традицій, появленіе на сцену героя и своевольнаго человека—и есть то, что въ мѣоахъ представляется въ видѣ паденія золотого вѣка. Какъ только дерзкій умъ человека возмущился противъ завѣтовъ старины, первобытная гармонія золотого вѣка рушилась, начались смуты, кровопролитія, порабощенія. Однимъ словомъ, началась *исторія*, но вмѣстѣ съ тѣмъ началось и смятеніе нравовъ—*цивилизация*; люди перестали быть ангелами золотого вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ перестали быть и звѣрями.

Все сказанное нами о Гл. Успенскомъ далеко не обнимаетъ его плодотворной и разносторонней литературной дѣятельности. Мы обозначили лишь общій ея ходъ и намѣтили наиболѣе выдающіеся и бросающіеся въ глаза пункты ея, а затѣмъ остается многое, что не вошло въ наше обозрѣніе,

Н. Н. Златовратскій.

потому что, являясь навѣянными случайными и временными впечатлѣніями жизни, представляетъ собою единичныя проявленія творчества писателя, стоящія внѣ главнаго теченія его дѣятельности; таковы, напримѣръ: *Вольные казаки*, *Скучающая публика*, *Письма съ дороги*, *Живыя цифры*, *Мимоходомъ* и пр. Какъ писатель впечатлительный и живой, Гл. Успенский не упускалъ изъ виду ни одного явленія мало-мальски поразительнаго въ какомъ бы-то ни было отношеніи, чтобы тотчасъ же не воспроизвести его и въ то же время не обсудить со всѣхъ сторонъ. Поэтому произведенія его и представляютъ въ себѣ такъ много публицистическаго элемента, далеко выходящаго изъ художественной области. Къ величайшему сожалѣнію всей Россіи, дѣятельность его прекратилась въ началѣ 90-хъ годовъ вслѣдствіе неизлечимой душевной болѣзни, отъ которой онъ сошелъ въ могилу 24-го марта 1902 г.

VI.

Николай Николаевичъ Златовратскій какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери былъ духовнаго происхожденія: всѣ прадѣды его, а также и многіе близкіе родственники принадлежали къ низшему сельскому духовенству, отчего въ семьѣ его никогда не прерывалась связь съ селомъ. Дѣдъ его по отцу служилъ дьякономъ въ церкви при Золотыхъ Воротахъ (во Владимірѣ губернскомъ), откуда произошла и фамилія *Златовратскаго*; мать была дочь священника въ г. Вязникахъ, Чернышевскаго. Но отецъ не пошелъ по духовной части, а по окончаніи курса въ мѣстной семинаріи сдѣлался письмоводителемъ при дворянскомъ собраніи.

Родился Златовратскій во Владимірѣ въ 1845 г., 4-го декабря. Первыми воспитателями его были семинаристы, дядья по отцу и по матери, и другіе бѣдные деревенскіе родственники, постоянно жившіе въ ихъ домѣ. Десяти лѣтъ онъ былъ отданъ въ мѣстную гимназію, гдѣ развитіе его шло неправильно, скачками; въ нѣкоторыхъ классахъ онъ оставался по нѣскольку лѣтъ. Но къ концу курса сталъ слѣдующія обстоятельства: на это имѣли вліяніе нѣкоторые обстоятельства: во-первыхъ, прежніе воспитатели, дядья Златовратскаго, окончивъ семинарскій курсъ, поступили одинъ въ Московскій университетъ, другой — въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ. Возвращаясь на каникулы домой, они привозили съ собою въ провинціальную глушь много оживляющихъ впечатлѣній. А, во-вторыхъ, наступило горячее и живое время реформъ.

Отецъ Златовратскаго въ качествѣ письмоводителя при губернскомъ предводителѣ дворянства усиленно работалъ при губернскомъ комитетѣ по разработкѣ вопросовъ и матеріаловъ, относившихся къ экономическому положенію народа. Оживленіе, внесенное этимъ періодомъ въ жизнь провинціи, не могло не вліять на настроеніе всей интеллигенціи, — и вотъ, при содѣйствіи и участіи наиболѣе развитыхъ дворянъ, Златовратскій-отецъ открылъ публичную бібліотеку, подъ которую отвели ему помещеніе въ зданіи дворянскаго собранія.

Живой и воспримчивый мальчикъ не замедлилъ внѣдриться въ эту бібліотеку и началъ проводить въ ней все свободное время, помогая отцу въ выдачѣ книгъ для чтенія, въ составленіи каталоговъ, а между дѣ-

ломъ проглатывая и самъ книгу за книгою. Увлеченіе отца Златовратскаго развитіемъ просвѣщенія на родинѣ не ограничилось этимъ. Ободренный успѣхомъ бібліотеки и общимъ оживленіемъ, онъ началъ мечтать объ открытіи во Владимірѣ первой частной типографіи и объ изданіи мѣстнаго органа *Владимірскаго Вѣстника*. Въ развитіи этихъ плановъ особенно содѣйствовали ему дядя Златовратскаго, окончившіе къ тому времени курсъ. Въ изданіи между прочимъ предполагалось участіе Н. А. Добролюбова, бывшаго близкимъ другомъ одного изъ дядей (только-что поступившаго учителемъ словесности въ Рязань), съ которымъ онъ вмѣстѣ учился въ педагогическомъ институтѣ. Добролюбовъ иногда навѣщалъ проѣздомъ въ Нижній на родину домъ Златовратскихъ.

Но не суждено было сбыться не только этимъ мечтамъ, но и все, что было начато, рушилось съ выборомъ новаго предводителя дворянства, съ которымъ отецъ Златовратскаго не сошелся. Ему было отказано отъ мѣста, бібліотека была изгнана изъ дарового помѣщенія и должна была закрыться. Семья, къ тому времени уже многочисленная, очутилась въ безвыходномъ положеніи. Настало тяжелое время, доведшее ее до полного разоренія, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ дядей умеръ вскорѣ вслѣдъ за Н. А. Добролюбовымъ, а черезъ нѣсколько времени умеръ и другой.

Въ это время Златовратскій кончилъ курсъ. Склонность къ писательству проявилась въ немъ еще въ гимназіи: онъ писалъ стихи, издавалъ рукописный журналъ, увлекался театромъ и даже написалъ драму изъ народнаго быта и посвятилъ ее одной актрисѣ, поразившей его игрою Катерины въ *Грозь*;—однимъ словомъ, продѣлалъ все, что продѣлываютъ даровитые юноши въ гимназическіе годы.

Но особенно сильный слѣдъ изъ всѣхъ юношескихъ впечатлѣній оставили въ Златовратскомъ лѣтнія поѣздки по деревнямъ. Сначала онъ ѣздилъ съ матерью или отцомъ къ родственникамъ; затѣмъ, въ качествѣ ученика землемѣро-таксаторскихъ классовъ при гимназіи,—на землемѣрные работы по введенію уставныхъ грамотъ и, наконецъ, въ качествѣ репетитора,—на кондичіи къ помѣщикамъ (изъ которыхъ многіе были мировыми посредниками). На этихъ кондичіяхъ Златовратскій рассчитывалъ заработать хоть сколько-нибудь денегъ для поѣздки въ Москву и Петербургъ.

Отчаявшійся поступить студентомъ въ Московскій университетъ, гдѣ онъ пробылъ годъ вольнослушателемъ, Златовратскій вынужденъ былъ поступить въ С.-Петербургскій технологическій институтъ. Съ этихъ поръ началась для него самостоятельная борьба съ жизнью за кусокъ хлѣба, за ученье, въ поискахъ за призваніемъ,—борьба, оказавшаяся, по собственнымъ словамъ его, выше его силъ.

Однажды въ поискахъ работы онъ сдѣлался случайнымъ корректоромъ въ газетѣ *Сынъ Отечества*. Это было внѣшнимъ толчкомъ, заставившимъ Златовратскаго испробовать свои силы въ печатной литературѣ. Въ 1866 г. онъ снесъ въ *Искру* къ В. С. Курочкину свой первый небольшой очеркъ изъ народнаго быта *Падежь скота*. Очеркъ былъ напечатанъ и послужилъ началомъ цѣлаго ряда очерковъ, исключительно посвященныхъ народному быту, главнымъ образомъ изъ времени освобожденія. Печатались они въ *Искру* и *Будильникъ* (подъ редакціей Н. Степанова) преимущественно, также въ *Недѣль* и другихъ изданіяхъ, боль-

шею частью подъ псевдонимами (наиболѣе извѣстный псевдонимъ *Маленькій Щедринъ*).

Но какъ развитіе, такъ и писательство Златовратскаго шло очень неровно, порывами, иногда прекращаясь на цѣлые годы, при чемъ, по собственнымъ словамъ его, онъ часто отчаявался въ своемъ призваніи, впадалъ въ уныніе, а жизнь голого пролетарія рѣдко дарила ему минуты духовнаго просвѣтлѣнія. Однимъ словомъ, жизнь его носила тотъ же характеръ, какой мы видимъ у прочихъ народниковъ-разночинцевъ. Въ концѣ концовъ, по словамъ его, такое положеніе грозило ему окончательной гибелью, самымъ разрушительнымъ образомъ сказавшись на здоровьѣ. Возвращаться въ семью онъ не рѣшался, такъ какъ она и безъ того была удручена нуждою, — и только, когда хроническая болѣзнь окончательно свалила его, онъ рѣшился уѣхать въ провинцію, гдѣ отецъ его въ то время служилъ мелкимъ чиновникомъ въ окружномъ судѣ.

Несмотря на быстро развивавшуюся болѣзнь, пребываніе въ домѣ отца благотворно подѣйствовало на нравственное состояніе Златовратскаго. Здѣсь, въ тиши провинціи, онъ могъ отдохнуть физически и нравственно, пополняя собственное образованіе, занимаясь воспитаніемъ сестеръ, сходясь съ окружающею молодежью и простымъ народомъ, уѣзжая по лѣтамъ въ деревню къ бѣднымъ родственникамъ. Въ это время была имъ задумана и написана первая большая работа *Крестьяне-Присяжные*. Помѣщеніе этой повѣсти въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1874 года, № 12) окончательно опредѣлило дальнѣйшую судьбу Златовратскаго, выдвинувъ его впередъ и поставивъ въ первомъ ряду молодыхъ беллетристовъ, сверстниковъ его.

VII.

Мы уже говорили выше, что между Златовратскимъ и Успенскимъ усматривался антагонизмъ, обусловливавшійся тѣмъ, что писатели эти представляютъ полярную противоположность относительно другъ друга. И дѣйствительно, въ то время какъ преобладающею силою таланта Гл. Успенскаго является юморъ, смѣхъ, безошадно разбивающій всѣ ваши иллюзіи, Златовратскій хотъ бы разъ улыбнулся: скорбѣть или радуется, — онъ постоянно находится въ одномъ и томъ же нѣсколько восторженномъ настроеніи, которое порою доходитъ у него до эпического пафоса, такъ что даже и слогъ его принимаетъ стихотворный размѣръ, что-то въ родѣ гекзаметра. Между тѣмъ какъ у Успенскаго тщетно вы будете искать ландшафтовъ и художественныхъ аксессуаровъ, — онъ является въ этомъ отношеніи самымъ строгимъ ригористомъ, какіе когда-либо бывали въ беллетристикѣ, — у Златовратскаго, напротивъ того, художественный элементъ далеко не находится въ пренебреженіи: онъ рѣдко вдается въ разсужденія, говоритъ и доказываетъ преимущественно образами, любитъ изображать деревенскую природу и въ ландшафтахъ отличается незамысловатымъ мастерствомъ. Не пренебрегаетъ онъ и внѣшнею отдѣлкою произведеній, которыя вовсе не имѣютъ того отрывочнаго, клочковатаго вида, какъ у предыдущихъ разсмотрѣнныхъ нами беллетристовъ-народниковъ: каждое отличается законченностью и стройностью.

Однимъ словомъ, между Златовратскимъ и Успенскимъ то же самое

различіе, какъ вообще между тѣми вѣковѣчными двумя типами творчества, изъ которыхъ одинъ имѣетъ болѣе наклонности созерцать положительныя стороны человѣческой жизни, а другой—отрицательныя. Въ то время, какъ Успенскій всюду усматриваетъ противорѣчія, отступленія отъ идеаловъ и нормъ и вѣчно имѣетъ дѣло съ больною совѣстью, Златовратскій, напротивъ того, ищетъ общественныя и нравственныя устои, на которыхъ могло бы успокоиться тревожное сердце, жаждущее осуществленія правды.

Эти общественныя и нравственныя устои, по мнѣнію Златовратскаго, заключаются въ двухъ вѣками созданныхъ народомъ формахъ общежитія: въ общинѣ и артели, съ ихъ индивидуально-нравственными идеалами единенія въ духѣ мира, любви и братской солидарности какъ въ трудахъ, такъ и въ пользованіи ихъ продуктами. Въ этихъ формахъ все спасеніе и единственная возможность осуществленія нравственныхъ идеаловъ, обрѣтенія душевнаго равновѣсія и счастья; внѣ-же ихъ—если не опошленіе, то вѣчное томленіе, неудовлетворенность жизнью, угрызения и въ результатѣ гибель.

Изъ такого міросозерцанія прямо проистекаетъ отрицательный, пессимистическій взглядъ, съ какимъ смотритъ Златовратскій на русскую интеллигенцію, не исключая и самыхъ лучшихъ ея представителей. Взглядъ этотъ вы найдете во всѣхъ его произведеніяхъ, изображающихъ привилегированные классы, таковы: *Золотыя сердца*, *Скиталецъ*, *Семья Кремлевыхъ*, *Господа Караваевы*, *Гетманъ* и пр. Интеллигентные люди изображаются здѣсь въ видѣ отбившихся отъ стада и заблудшихъ овецъ, и единственное живое, что авторъ усматриваетъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, самыхъ лучшихъ,—это тщетныя усилія слиться съ народомъ и такимъ образомъ какъ бы вернуть потерянный рай.

Этотъ потерянный интеллигентными людьми, но сохраняемый народомъ при всѣхъ его внѣшнихъ невзгодахъ рай и изображается Златовратскимъ во всѣхъ его разсказахъ изъ народнаго быта, которые группируются главнымъ образомъ подъ двумя заглавіями: *Деревенскія будни* (отд. изд. въ 1882 г.) и *Устои, исторія одной деревни, повѣсть въ четырехъ частяхъ* (изд. въ 1884 г.).

Мы уже говорили выше, что, идя двумя различными путями, Гл. Успенскій и Златовратскій пришли къ однимъ и тѣмъ же выводамъ и, въ концѣ концовъ, начали говорить почти одно и то же, употребляя лишь различныя термины. Гл. Успенскій, какъ мы видѣли, вывелъ такое общее заключеніе о жизни мужика, что, находясь подъ властью земли, мужикъ преданъ общиннымъ началамъ деревенской жизни инстинктивно, безсознательно, какъ пчела порядкамъ своего улья, и, какъ только выдѣляется изъ-подъ власти земли и общины и начинаетъ жить своимъ умомъ, выказываетъ полную нравственную несостоятельность. Златовратскій хотя и ничего не говоритъ о власти земли, но точно такъ же полагаетъ нравственныя устои въ беззавѣтномъ подчиненіи мужика вѣками созданнымъ общиннымъ порядкамъ, при чемъ и у Златовратскаго оказывается, что мужикъ до тѣхъ поръ и сохраняетъ свою нравственную цѣльность и безмятежность, пока пребываетъ въ предѣлахъ умственной непосредственности; а какъ только въ немъ пробуждается умъ-разумъ, онъ начинаетъ критически относиться къ окружающей его жизни, разсуждать,

однимъ словомъ, дѣлается *умственнымъ* мужикомъ, у него является стремленіе обособиться, начать жить своей личной жизнью, — тутъ-то и слѣдуетъ лишеніе рая, утрата прежней нравственной цѣлостности, паденіе.

Въ то время, какъ Гл. Успенскій представилъ это явленіе въ рѣзкомъ конкретномъ фактѣ спитія мужика, отбившагося отъ земледѣлія и получившаго возможность легко зарабатывать деньги на желѣзной дорогѣ, Златовратскій въ своихъ *Устояхъ* изобразилъ нѣсколько существенныхъ типовъ выдѣленія личнаго начала, игравшихъ большую роль въ русской исторіи. Таковъ, на примѣръ, типъ Сысоя Строгаго. Онъ былъ одиночка и женился на дочери богатого мужика. Когда тесть умеръ, къ нему перешла мельница. Они были бездѣтны, для полевыхъ работъ по лѣтамъ держали работника или работницу. Мельница давала имъ такое обезпеченіе, что они не чувствовали необходимости «тянуть изъ себя жилы», работали, сколько требовалось, и такимъ образомъ Строгій имѣлъ много досуга, освободившаго его изъ-подъ непосредственной власти земли и дававшего ему возможность раскинуть умомъ. Результатомъ этого раскидыванія умомъ была умственная «блажь», «меланхолія». Строгій нежданно пришелъ къ выводу: «надо быть справедливымъ, потому — всѣ виноваты. А всему причиной вино: и тотъ виноватъ, кто пьетъ, и тотъ, кто пить даетъ». И вотъ, когда пришли къ Строгому о Рождествѣ и причтъ, и писарь, и учитель, водки имъ къ изумленію гостей онъ не подалъ, а сталъ говорить о возвышенныхъ предметахъ. Затѣмъ, послѣдовательно развивая свою «меланхолію», онъ пересталъ ходить въ церковь: когда начиналась служба, онъ надѣвалъ свой новый синій кафтанъ, выходилъ на зады своей избы, становился на холмъ и здѣсь, молясь на сверкавшій на солнцѣ крестъ колокольни, выстаивалъ всю обѣдню.

Затѣмъ началъ Строгій отрѣшаться и отъ мірскихъ дѣлъ и пересталъ участвовать въ «мірскихъ чаяхъ», въ «мірскихъ четвертяхъ и полуведрахъ». «Не товарищъ, — говорилъ онъ, — пушай безъ меня спаиваютъ народъ-то, съ вами здѣсь не споешся, а сопешься» и т. п. Тогда родные начали совѣтывать ему уходить въ городъ или монастырь: онъ и самъ началъ подумывать объ отъѣздѣ въ городъ. «Меланхолія» его развилась въ тупой индифферентизмъ ко всему. Чѣмъ больше бѣдствовали дергачи, тѣмъ Строгій больше и больше уходилъ отъ «міра».

«Замежуетесь и не размежуетесь во вѣки вѣковъ», говорилъ онъ и бросилъ обрабатывать свой надѣлъ, передалъ его въ аренду сосѣду, чтобы окончательно отойти отъ міра. Мужики на это совѣтъ осердились и стали Строгаго донимать систематически, навязывать ему различныя общественныя должности. Тогда онъ рѣшился уѣхать въ городъ и записаться въ мѣщане.

Рядомъ съ Строгимъ стоитъ передъ нами другой типъ отрѣшенія отъ міра, въ видѣ сына Пимана, Бориса. Еще при крѣпостномъ правѣ, когда Борисъ былъ мальчикомъ, отцу Пиману удалось научить сына грамотѣ, и вотъ онъ билъ челомъ барину, желая избавить сына отъ очереди, и чтобъ баринъ взялъ Бориса въ контору. Баринъ согласился, паренъ ему понравился, а черезъ нѣсколько лѣтъ вся Вальковщина была въ рукахъ Бориса и стала приносить барину неслыханные доходы. Онъ всю ее вдругъ поднялъ на ноги; цѣлыми сотнями, не разбирая богатыхъ и бѣд-

ныхъ гонялъ на работы, страстно любя смотрѣть, какъ эти толпы, покорныя одному его слову, поднимали невѣроятные труды и въ одинъ, два дня совершали такія дѣла, какихъ хватило бы на цѣлые десятки лѣтъ. Онъ чувствовалъ одно: что отданная въ его руки тысячедушная масса сама выносила его на какую-то высоту, гдѣ закруживалась голова. Онъ самъ весь захлебывался этой массовой поэзіей. Но въ то время вся Вальковщина все больше и больше начинала ощущать одно — ужасъ, страхъ непонятный, гнетущій передъ какой-то силой, порепутовавшей все вѣками установленныя, опредѣленныя отношенія. Наконецъ, Вальковщина рѣшилась бить барину челомъ: «Убери, ваша милость, убери его отъ насъ!.. Боимся мы его... Житья не стало отъ страха!..» взмолились все въ одинъ голосъ.

— Чѣмъ же мы виноваты?.. Коли бояться, значитъ есть за что, проговорилъ на спросъ барина Борисъ и улыбнулся.

Баринъ внимательно взглянулъ ему въ лицо. «А! Теперь я знаю... въ чемъ ты виноватъ!» сказалъ онъ, и, къ изумленію всей Вальковщины и даже сосѣднихъ помѣщиковъ и крестьянъ, добрый баринъ, ратовавшій за освобожденіе, высѣкъ своего собственного бурмистра... Говорили, что баринъ на другой же день раскаялся за невольный порывъ гнѣва и думалъ было наградить Бориса, но Бориса уже не было въ Дергачахъ: онъ бѣжалъ изъ нихъ съ женою и дѣтьми.

„Спустя лѣтъ пять или шесть, когда уже не было въ живыхъ ни стараго барина, ни прежнихъ порядковъ, Борисъ вернулся въ Дергачи въ красной рубахѣ, въ плисовой поддевкѣ и штанахъ, сдѣлавшійся старше, серьезнѣе. Отдѣлился отъ родныхъ, выстроилъ избу на удивленіе всей Вальковщины, по крестьянскаго хозяйства не заводилъ, а къ Рождеству неожиданно забилъ окна избы тесинами, — и снова исчезъ изъ Дергачей съ женой и съ сыномъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ, онъ разъ пять попрежнему неожиданно являлся въ свою запѣсневѣлую избу, — то съ женой и съ сыномъ, то съ однимъ сыномъ, — расколачивалъ окна, — и вотъ вся изба вдругъ наполнялась шумомъ, весельемъ и гамомъ. Отецъ и сынъ въ пилсовыхъ шароварахъ, казакинахъ и кумачевыхъ рубахахъ ходили по деревенскимъ улицамъ, грызя орѣхи, угощаясь и угощая народъ по кабакамъ и у себя въ избѣ; если дѣло было зимой, они закушали статнаго жеребца со всей сбруей и санями; рыскали по всей Вальковщинѣ, изумляя ея мирныхъ обывателей, и пускали, что называется, пыль въ глаза всей дергачевской знати. Послѣ мѣсячнаго кутежа дошадь и сбруя спускались опять за бездѣлю, — и странная семья опять исчезала года на два. Много, конечно, ходило о Борисѣ разсказовъ по Вальковщинѣ, иногда невѣроятныхъ; болѣе правдоподобны были тѣ, которые повѣствовали о томъ, что встрѣчали Бориса то въ Астрахани откупавшимъ огромныя рыбныя участки, собиравшаго артель до 200 — 300 человекъ рыбаковъ, то видѣли его подъ Самарой, вытаскивавшаго затонувшій пароходъ, то сплававшшаго цѣлые „караваны“ съ хлѣбомъ, и все это непремѣнно во главѣ огромной массы рабочаго народа, который опять стогнали въ ланы отца съ сыномъ словно какія-то невидимыя силы... А отецъ съ сыномъ ухарски и беззавѣтно царилъ надъ ней... Часто послѣ одной изъ такихъ „операций“ въ ихъ рукахъ скоплялись огромныя суммы денегъ. Тогда Борисъ распускалъ эти массы, пропоявъ на нихъ чуть не половину денегъ и возвращаясь доканчивать съ другой половиной въ родные Дергачи“.

Оба эти типа, какъ Строгій, такъ и Борисъ, представляются двумя видами первоначальнаго, элементарнаго, такъ сказать, выдѣленія личнаго начала, и вы можете встрѣтить ихъ во все времена русской исторіи. Строгіе населили русскіе города и были родоначальниками всехъ купеческихъ родовъ, какіе только существуютъ на Руси; Борисы породили массу удалыхъ головъ, начиная съ новгородскихъ ушкуйниковъ и понизовой вольницы и кончая атаманами разбойничьихъ шаекъ и героями *Мертваго дома* Достоевскаго.

Третьимъ типомъ выдѣленія личнаго начала является главный герой *Устоевъ*, Петръ Вонифатьевичъ Волкъ. Это типъ небывалый доселѣ въ

деревенской жизни. Петръ не отрѣшается отъ міра, не отчуждается, а стремится встать во главѣ односельчанъ, внести въ жизнь ихъ новыя начала *умственности*, сознание своего человѣческаго достоинства. Это въ своемъ родѣ герой времени, которымъ земляки гордятся, ждуть отъ него спасенія, а онъ сознаетъ свое призваніе спасти односельчанъ.

Умственностью своею Петръ былъ обязанъ тому обстоятельству, что крестный отецъ его, Строгий, когда ему было 16 лѣтъ, отвезъ его въ Москву и пристроилъ подручнымъ при фирмѣ торговаго дома Башмаковыхъ и К°. Здѣсь юноша попалъ въ интеллигентный кружокъ, въ правственной состоятельности котораго горько разочаровался; тѣмъ не менѣе изъ столичныхъ мытарствъ вынесъ новые идеалы, заключавшіеся, во-первыхъ, въ противопоставленіи *умственности* пассивному разгильдяйству и темнотѣ людей традиціонной рутины, и, во-вторыхъ—въ сознании личнаго достоинства въ противности смиренія и приниженія. На каждомъ шагу у него такъ и срывались съ языка фразы, въ родѣ: «Умному чело-*ловѣку* *вездѣ* *хорошо*, а дуракамъ и въ столицѣ *плохо*!.. Умному чело-*ловѣку* *вездѣ* *хоть*!..» Въ то же время на слова тетюшки Ульяны, которою онъ привезъ въ подарокъ шаль, что *куда* *намъ*, *старикамъ*, *эти* *форсы*, онъ отвѣчалъ:

— Я такъ полагаю, тетенька, что пора бросать смиренство-то да при-
ниженье... Тоже и мы люди! Чѣмъ мы хуже другихъ? Нужно тоже и свою
гордость имѣть!..

Но при всемъ непривлекательномъ видѣ, въ какомъ рисуется фигура этого новаго чело-*вѣка* деревни, Петръ является однимъ изъ героев, кото-
рыхъ можно встрѣтить не мало въ европейской исторіи. Когда въ тем-
ныхъ массахъ являлось стремленіе къ освобожденію личности изъ-подъ
ита традиціи и пробуждалось чувство чело-*вѣческаго* достоинства, постоянно
являлись на сцену подобные мрачные, надменные герои, равно озло-
бленные и противъ возвысившейся культуры, и противъ приниженныхъ
массъ, готовые во имя идеала «умственности» отрицать и своихъ, и чу-
жжихъ. Но хуже всего было въ этихъ герояхъ то, что одностороннее стре-
мленіе освободить личность и даровать ей безграничный просторъ при-
водило ихъ къ отрицанію въ старыхъ порядкахъ не только отжившаго
и гнилого, но и живого, здороваго, составляющаго корни самаго существо-
ванія. Этимъ именно людямъ Европа обязана тѣмъ, что въ продолженіе
послѣднихъ 200 лѣтъ, во имя царства разума и освобожденія личности
отъ средне-*вѣковыхъ* традицій, были искоренены послѣдніе остатки об-
щиннаго быта въ земледѣльческихъ классахъ.

Такимъ же прямолинейнымъ, одностороннимъ и слѣпымъ отрицате-
лемъ является и Петръ по отношенію къ своей деревнѣ. Несмотря на то,
что вѣрные хранители дѣдовскихъ устоевъ отшатнулись отъ Петра, слава
и популярность его все болѣе и болѣе росли въ дергачевскомъ мірѣ.
Когда же онъ приобрѣлъ заброшенную барскую усадьбу, обзавелся хо-
зяйствомъ, сошелся съ «хозяйственными» мужиками и женился на до-
чери Пимана, Аннушкѣ, онъ забралъ такую силу, что теща его Пимана
избрали волостнымъ старшиною; настоящимъ же заправилою волости
сдѣлался Петръ въ качествѣ волостного писаря. И тутъ онъ далъ раз-
гуляться своей «умственности» на полной волюшкѣ. Во имя своего пря-
молинейнаго идеала онъ оказался необузданнымъ и безжалостнымъ дес-

потомъ, какого не видали мужики со времени барства. Несчастнымъ свихнувшимся бѣднякамъ, запынствовавшимъ и разорившимся, не было отъ него никакой пощады; по слухамъ, онъ даже сѣкъ ихъ. Онъ дошелъ до такой дерзости, что землю, которую онъ «высудилъ» для міра, при помощи непремѣннаго члена Валентина Петровича, онъ не далъ дѣлить попрежнему и дѣлать равненіе, а захотѣлъ разбить ее на участки и давать во временное пользованіе только «настоящимъ» хозяйственнымъ мужикамъ. Тогда въ Вальковщинѣ поднялось волненіе; противъ Петра встала чернота и бѣднота подъ предводительствомъ Бориса. Къ чернотѣ присоединились всѣ старинные люди общинники. Прежніе кулаки-грабители, сначала было сробѣвшіе, теперь подняли голову и черезъ Бориса вошли въ союзъ съ чернотой, начали поить ее водкой. Строгость Петра перешла тогда всѣ границы. Возмущенный «продажной», какъ онъ называлъ, чернотой, вошедшей въ союзъ съ грабителями, Петръ присталъ къ Пиману съ требованіемъ, чтобы тотъ выхлопоталъ мірской приговоръ о ссылкѣ Бориса въ Сибирь. Собравшійся волостной сходъ вызвалъ на объясненіе Пимана и Петра. Пимана обругали «старымъ дуракомъ», но ничего отъ него не добились. Петръ же, когда ему передали вызовъ на мірской судъ, сказалъ, что еще не было видано, чтобъ судъ дураковъ умныхъ людей судилъ. Сходъ жаловался въ уѣздное присутствіе; услыхавъ объ этомъ, Петръ обозвалъ весь міръ «дураками» и, пораженный поднявшейся общей безтолочью, въ которой онъ не понималъ, какъ разобратъся, отказался отъ дѣлъ и самовольно уѣхалъ въ Москву...

Изъ всего этого явствуетъ, что Златовратскій вовсе не идеализируетъ деревенскую жизнь и мужика, въ чемъ его нѣкоторые заподозрѣвали. Подробно Гл. Успенскому, онъ ставитъ на видъ, что нравственные устои деревни покоятся на инстинктивной и не разсуждающей вѣрности традиціямъ и совершенно чужды того сознательно-разумнаго отношенія къ нимъ, при которыхъ только и возможно ихъ развитіе. «Умственность» же, т. е. начало сознанія и критики, вело до сихъ поръ не къ усовершенствованію и развитію самихъ устоевъ, а къ стремленію выдѣлиться изъ нихъ на почву эгоистическаго индивидуализма городской жизни.

Разсмотрѣнными нами въ трехъ послѣднихъ главахъ писателями далеко не исчерпывается беллетристика народнаго быта. Мы намѣтили лишь главныя фазы ея развитія и разсмотрѣли дѣятельность такихъ писателей, которые или специально посвятили себя этому предмету, или проявили себя особенно ярко и самобытно въ этой отрасли беллетристики. А затѣмъ намъ остается поставить на видъ, что рѣдкій изъ писателей послѣднихъ тридцати лѣтъ не касался народнаго быта хотя мелькомъ и мимоходомъ. Такъ, напр., найдете вы рассказы изъ народнаго быта у Салтыкова въ его *Губернскихъ очеркахъ* (*Отставной солдатъ Пименовъ, Пашомовна, Аринушка, Старецъ*). Ал. Потѣхинъ писалъ не только мелкіе рассказы, но и обширные романы: *Около денегъ* (*Вѣстн. Евр.* 1877 г.). Изъ новѣйшихъ писателей не мало касались народнаго быта: В. Короленко, А. Эртель, Мачтетъ, Каронинъ, Дмитриева. Но обо всемъ этомъ будетъ сказано при разсмотрѣніи дѣятельности упомянутыхъ писателей на своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

I. Беллетристы-публицисты. Ихъ дѣленіе по партіямъ. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, какъ представитель демократической партіи. Дѣтскіе годы его и воспитаніе.—II. Ссылка.—III. Возвращеніе, служба, женитба и редакторская дѣятельность.—IV. Черты его характера. Послѣдующіе годы и смерть.—V. Первый, дореформенный характеръ его литературной дѣятельности. *Губернскіе очерки*.—VI. Второй періодъ, современнѣйшій характеръ его литературной дѣятельности. *Помпадуры и помпадурши*. *Исторія одного города*.—VII. Третій періодъ—пореформенный—шестидесятые и семидесятые годы. *Ташкентцы*. *Дневникъ провинціала*. *Головлевы*.—VIII. Трагическій элементъ въ позднѣйшихъ сатирахъ Салтыкова.—IX. Четвертый періодъ—восьмидесятыя годовы. *Мелочи жизни*. *Сказки*. *Пошехонская старина*.

I.

Сильный подъемъ духа въ эпоху реформъ и всеобщее увлеченіе вопросами политическими и социальными не замедлили отразиться въ литературѣ созданіемъ особенной отрасли беллетристики, которая называлась тенденціозной; правильнѣе же было бы назвать ее публицистической, такъ какъ слова тенденція, тенденціозный слишкомъ оплошны, и къ тому же подъ ними подразумѣвается нѣчто искусственное, предвзятое, надуманное, между тѣмъ какъ въ беллетристикѣ, о которой идетъ у насъ рѣчь, мы встрѣчаемъ много такого, что вовсе этого обвиненія не заслуживаетъ, такъ какъ естественно и органически вытекаетъ изъ духа времени безъ какихъ-бы то ни было преднамѣренностей со стороны авторовъ. Названіе же публицистической болѣе подходитъ къ этому рода беллетристикѣ, такъ какъ, созданная общественнымъ движеніемъ, она вполне выражаетъ собой современный духъ и борьбу различныхъ партій и проводитъ тѣ идеи и взгляды на различные современныя явленія, какіе соответствуютъ партіи, къ которой принадлежитъ тотъ или другой писатель.

Отдѣляя публицистическую беллетристику отъ школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ, я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы между двумя отраслями не было ничего общаго, или чтобы беллетристы сороковыхъ годовъ не преслѣдовали никакихъ общественныхъ цѣлей. И у беллетристовъ сороковыхъ годовъ мы видѣли не мало произведеній, глубоко проникнутыхъ общественными интересами. Но беллетристы сороковыхъ годовъ далеко не столь всецѣло отдавались атимъ интересамъ, какъ беллетристы-публицисты шестидесятыя годовъ: ихъ занимали вмѣстѣ съ тѣмъ и психологическій анализъ, и чистая художественность въ пушкинскомъ духѣ. Въ то же время въ міросозерцаніи большинства ихъ мы видѣли тотъ пессимистическій скептицизмъ, который составляетъ главную ихъ особенность. Наконецъ, при всемъ увлеченіи общественными интересами, беллетристы сороковыхъ годовъ были чужды строгой опредѣленности и выдержанности въ партіонномъ отношеніи. Они или совсѣмъ не принадлежали ни къ какой партіи, какъ на примѣръ Гончаровъ или Л. Толстой, или же колебались, переходя отъ одной партіи къ другой, или же старались совмѣщать самыя противоположныя и непримиримыя теченія, каковы Тургеневъ, Писемскій, Достоевскій. Беллетристы же публицисты всецѣло отдаются общественнымъ вопросамъ, и вопросы эти ставятся въ ихъ произведеніяхъ на первый планъ. Любовь и психиче-

скій анализъ занимають скромное и второстепенное мѣсто; ландшафты природы, въ свою очередь, играютъ чисто декоративную роль, порою же дѣло обходится и безъ любви, и безъ психическаго анализа, и безъ ландшафтовъ, и все произведение занято одной политикою. Въ то же время каждый романистъ является приверженцемъ своей партіи и въ неуклонномъ служеніи ей, пропагандированіи ея принциповъ видитъ главное значеніе и достоинство своей литературной дѣятельности. Сообразно этому и публицистическую беллетристику можно раздѣлить на три рода: демократическую, умѣренно-либеральную и консервативную.

Во главѣ демократической беллетристики стоитъ великій писатель, составляющій гордость и честь нашей эпохи, наиболѣе глубоко и полно ее выражающій—Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. Сверстникъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ и начавшій свою дѣятельность въ одно время съ ними, онъ значительно опередилъ ихъ, вставши во главѣ движенія шестидесятихъ годовъ, и такимъ образомъ вмѣстилъ въ своей личности двѣ эпохи, сороковыхъ и шестидесятихъ годовъ, соединивъ скептической анализъ предшествующей эпохи съ духомъ отважнаго протеста послѣдующей.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ родился 15-го января 1826 года въ селѣ Спасъ-Уголь, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи. Родители его были помѣщики, о древности рода которыхъ нечего и говорить, такъ какъ самая фамилія Салтыковыхъ—одна изъ самыхъ распространенныхъ, общеизвѣстныхъ и непрестанно повторяющихся въ исторіи чуть не со времени Іоанна Грознаго—достаточно свидѣтельствуетъ о родовитости нашего безсмертнаго сатирика, а вмѣстѣ съ тѣмъ о татарскомъ происхожденіи его предковъ.

Проведя первые годы своей жизни въ сельскомъ уединеніи, на полномъ барскомъ привольѣ, среди простора полей, Салтыковъ семи лѣтъ, въ самую годовщину рожденія, 15-го января 1833 года, былъ посаженъ за азбуку, при чемъ первымъ наставникомъ его, по обычаю того времени, былъ свой же крѣпостной человѣкъ, живописецъ Павелъ. Но у этого перваго наставника «изъ народа» мальчикъ занимался не болѣе года, а затѣмъ поступилъ подъ руководство старшей сестры, Надежды Евграфовны, вышедшей изъ московскаго Екатерининскаго института въ 1834 году, и ея подруги по институту, Авдотьи Петровны Василевской, поступившей въ домъ Салтыковыхъ въ качествѣ гувернантки. Кромѣ этихъ двухъ дѣвицъ, священникъ села Заозерья, Иванъ Васильевичъ, преподавалъ мальчику законъ Божій и латинскій языкъ по грамматикѣ Кошанскаго, а студентъ Троицкой духовной академіи, Матвѣй Петровичъ Салминъ, два года сряду проживалъ въ имѣніи Салтыковыхъ на лѣтнихъ вакаціяхъ, подготавливая его къ экзамену. Подготовленіе это было настолько успѣшно, что въ августѣ 1836 года, когда Салтыкову было уже 10 лѣтъ, онъ былъ принятъ въ третій классъ шестикласснаго Московскаго дворянскаго института, только-что преобразованнаго въ то время изъ университетскаго пансіона.

Московскій дворянскій институтъ имѣлъ привилегію отправлять каждые полтора года отличнѣйшихъ учениковъ въ Царскосельскій лицей, гдѣ они поступали на казенное содержаніе. Привилегіи этой удостоился и Салтыковъ, и, пробывъ два года въ Московскомъ дворянскомъ инсти-

тутъ, былъ въ 1838 г. переведенъ въ лицей, въ то время находившійся еще въ Царскомъ Селѣ.

Судя по всему, порядки въ лицей въ то время были очень строгіе, и начальство употребляло все усилія, чтобы вывѣтрить изъ лица традиціонный духъ Куницына и Пушкина. Но бороться съ этимъ духомъ было чрезвычайно трудно, особенно въ виду свѣжей еще могилы Пушкина, умершаго всего годъ назадъ такой трагической и обаятельной для юношества смертью. Какъ ни преслѣдовало начальство стихотворство,

М. Е. Салтыковъ.

рѣдкій мальчикъ, мало-мальски талантливый и воспримчивый, не мечталъ о славѣ Пушкина и не дѣлался по томъ съ перваго же класса лицея. Это обстоятельство и было причиною ранняго пробужденія страсти къ литературной дѣятельности въ Салтыковѣ съ десятилѣтняго возраста, т. е. съ перваго же класса лицея, и въ то же время—столь-же ранняго предубѣжденія противъ него начальства. Не мало доставалось ему за стихотворство и чтеніе книгъ не только со стороны администраціи училища, начиная съ гувернеровъ, но и со стороны учителя русскаго языка, Гроздова. Эти преслѣдованія оправдывались и обострялись тѣмъ, что

стихи Салтыкова не всегда были невиннаго и сантиментальнаго характера, и тщетно пряталъ ихъ мальчикъ въ рукава куртки и даже за голенища; запретные стихи находились,—и слѣдовала кара вмѣстѣ со сбавкою балла изъ поведенія. Достаточно сказать, что въ продолженіе всего пребыванія въ лицей онъ, при 12-ти-балльной системѣ, никогда не получалъ изъ поведенія больше 9-ти, не исключая и послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ передъ выпускомъ, когда всѣмъ сплошь ставился полный баллъ. Поэтому въ аттестатѣ, полученномъ Салтыковымъ, значится «при довольно хорошемъ поведеніи», а это показываетъ, что средній баллъ въ поведеніи за послѣдніе два года былъ ниже восьми. Правда, что здѣсь участвовали не одни стихи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ называемыя «грубости и шалости»: то пуговица оказывалась разстегнутою или совсѣмъ потерянною, то треуголка надѣта съ поля, а не по формѣ (что было необыкновенно трудно и составляло цѣлую науку), то юноша былъ пойманъ съ папироской во рту, и т. п.

Но во 2-мъ классѣ не было уже такихъ строгостей относительно чтенія и стихотворства. Воспитанникамъ дозволялось даже выписывать на свой счетъ журналы, и они подписывались на *Отечественныя Записки*, *Библіотеку для Чтенія*, *Сынъ Отечества*, *Маякъ* и *Revue Etrangère*. Что же касается до стихотворства, то въ каждомъ курсѣ предполагался продолжатель Пушкина; такъ, въ XI-мъ—Пушкинымъ былъ В. Р. Зотовъ, который печаталъ свои стихи въ *Маякъ*, и издатель Бурачокъ не въ шутку провозгласилъ его вторымъ Пушкинымъ; въ XII—Пушкинымъ былъ Н. П. Семеновъ; въ XIII—М. Е. Салтыковъ; въ XIV—В. П. Гаевскій и т. д. Журналы читались воспитанниками съ жадностью, особенно, конечно, *Отечественныя Записки* а въ нихъ наибольшее вліяніе оказывали на юношей критическія статьи Бѣлинскаго.

Первое стихотвореніе Салтыкова—*Лири* появилось въ *Библіотекѣ для Чтенія*, въ 1841 году, за подписью С—въ. Въ слѣдующемъ, 1842 году, появилась въ томъ же журналѣ другая его пьеса: *Дѣтъ жизни*, помѣченная только первой буквой его фамиліи. Ко времени пребыванія въ лицей относятся и остальные стихотворенія Салтыкова, хотя они появились въ *Современникѣ* уже послѣ выпуска его изъ лицея, въ 1844 и 1845 гг. Но это были послѣдніе его стихотворенія; съ выходомъ изъ лицея онъ оставилъ свои мечты сдѣлаться вторымъ Пушкинымъ. Впослѣдствіи же онъ даже и не любилъ, когда кто-либо напоминалъ ему о стихотворныхъ грѣхахъ его молодости, краснѣя, хмурясь при этомъ случаѣ и стараясь всячески замять разговоръ. Однажды онъ высказалъ даже о поэтахъ парадоксъ, что всѣ они, по его мнѣнію, сумасшедшіе люди.

— Помилуйте,—объяснялъ онъ,—развѣ это не сумасшествіе—по цѣлымъ часамъ ломать голову, чтобы живую, естественную человѣческую рѣчь втискивать во что бы то ни стало въ размѣренные рифмованныя строчки? Это все равно, что кто-нибудь вздумалъ бы вдругъ ходить не иначе какъ по разостланной веревочкѣ, да непременно еще на каждомъ шагу присѣдая.

Конечно, это была не болѣе какъ одна изъ сатирическихъ гиперболъ великаго юмориста, потому что на самомъ дѣлѣ онъ былъ тонкій знатокъ и цѣнитель хорошихъ стиховъ, и Некрасовъ постоянно ему одному изъ первыхъ читалъ свои новыя стихотворенія.

реформы, высокоумѣрныя рѣчи Гизо по этому поводу, февральскіе банкеты—все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ будто происходило вчера“.

Это увлеченіе движеніемъ вѣка не мало содѣйствовало (тому, что, сблизившись съ такими передовыми людьми своего времени, какъ В. Милютинъ и В. Майковъ, Салтыковъ, бросивъ писать стихи, перешелъ къ прозѣ. Первыми его произведеніями были рецензіи нѣкоторыхъ новыхъ книгъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Въ 1847 г. въ ноябрьской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* была напечатана первая повѣсть его *Протиторкчія*, подъ псевдонимомъ М. Непанова, посвященная В. А. Милютину, а въ мартѣ 1848 года появилась тоже въ *Отечественныхъ Запискахъ* вторая его повѣсть *Запутанное дѣло*, подписанная инициалами М. С.

Въ произведеніяхъ этихъ вы видите очень еще бѣдные зачатки той сатирической соли, какою полны послѣдующія произведенія Салтыкова. Во-первыхъ, въ тѣ мрачныя времена было не до сатиры, а, во-вторыхъ, Салтыковъ находился очевидно подъ вліяніемъ тѣхъ соціальныхъ идей, какія бродили въ то время въ кружкахъ петербургской интеллигенціи, и въ вышеозначенныхъ произведеніяхъ его преобладаютъ рефлексіи въ духѣ этихъ идей. Строгая цензура того времени пропустила безпрепятственно оба разсказа, несмотря на то, что второй, *Запутанное дѣло*, появился въ мартѣ 1848 года, когда въ правительственныхъ сферахъ начиналась уже паника подъ первымъ впечатлѣніемъ только что разразившейся февральской революціи. Въ публикѣ первые разсказы Салтыкова, надо полагать, не произвели ни малѣйшей сенсаціи, и критика ихъ почти не замѣтила.

Между тѣмъ въ продолженіе 1848 г., подъ впечатлѣніемъ французской революціи, обратившейся въ общеевропейскую, обнаружился рѣшительный поворотъ въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ въ сторону крайней реакціи. Возникло дѣло Петрашевскаго, былъ учрежденъ Бутурлинскій комитетъ, какъ высшее цензурное вѣдомство, наблюдавшее не только надъ общественною пресою, но и надъ казенною, и имѣвшее право дѣлать замѣчанія и выговоры отъ Высочайшаго имени даже министрамъ. И надо было случиться, чтобы однимъ изъ первыхъ распоряженій Бутурлинскаго комитета было строгое замѣчаніе, данное министру гр. Чернышеву за цензурныя неисправности въ *Русскомъ Инвалидѣ*, находившемся подъ редакціею барона Корфа. Надо полагать, что это обстоятельство, вооруживъ гр. Чернышева противъ литераторовъ, повліяло на то суровое отношеніе, какое встрѣтилъ Салтыковъ, когда обратился къ начальству съ просьбою объ отпускѣ для поѣздки на праздники къ родителямъ. Въмѣсто полнаго разрѣшенія отпуска, министръ, до котораго, вѣроятно, дошли слухи о литературныхъ опытахъ его подчиненнаго, потребовалъ, чтобы онъ представилъ свои сочиненія. Салтыковъ представилъ свои два разсказа, напечатанные въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Министръ поручилъ Н. Кукольникову, служившему въ свою очередь въ Военномъ министерствѣ, написать о нихъ ему докладъ. Заклятый врагъ натуральной школы и *Отечественныхъ Записокъ*, Н. Кукольникъ представилъ докладъ министру въ такомъ видѣ, что графъ Чернышевъ только ужаснулся, что столь опасный человѣкъ служитъ въ его министерствѣ, и тотчасъ же препроводилъ докладъ Кукольника въ Бутурлинскій комитетъ. Оттуда докладъ былъ перелачъ въ III отдѣленіе; и вотъ 28-го апрѣля

1848 г. передъ квартирой Салтыкова остановилась ямская тройка съ жандармомъ, и ему объявлено было повелѣніе тотчасъ же ѣхать въ Вятку.

По прибытіи въ Вятку Салтыковъ былъ зачисленъ въ канцелярскіе чиновники при губернскомъ правленіи, съ осени же былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Губернаторъ Середа не могъ не оцѣнить молодого чиновника, рѣзко выдѣлявшагося изъ среды провинціального чиновничества образованіемъ и знаніемъ дѣла. Салтыковъ два раза при немъ исправлялъ должность правителя губернаторской канцеляріи; сверхъ того, ему было поручено составленіе по городамъ Вятской губерніи инвентарей недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ отношеній и соображеній о мѣрахъ къ лучшему устройству городскихъ дѣлъ. 5-го августа 1850 г. Салтыковъ былъ назначенъ совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія. При новомъ губернаторѣ Семеновѣ (съ 1851 г.) дѣятельность Салтыкова становится еще разнообразнѣе. Помимо вышеозначенныхъ занятій онъ состоитъ еще дѣлопроизводителемъ въ трехъ комитетахъ: о рабочемъ и смиренномъ домахъ, о порядкѣ отдачи въ аренду почтовыхъ станцій и о выставкѣ сельскихъ произведеній въ Петербургѣ, а затѣмъ на него же было возложено и распоряженіе вятской очередной сельско-хозяйственной выставкой. Въ 1852 г. Салтыковъ, въ качествѣ совѣтника губ. правленія, былъ посланъ губернаторомъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, въ Слободской уѣздъ для принятія мѣръ въ прекращеніи беспорядковъ между государственными крестьянами Путейскаго и Нелѣсовскаго сельскихъ обществъ Трушинковской волости; въ 1853 году былъ командированъ въ Нолинскъ для обревизованія дѣлопроизводства земскаго суда.

Всѣ эти порученія исполнялись имъ далеко не зауряднымъ чиновничьимъ образомъ: онъ тщательно изучалъ дѣло, выяснялъ всѣ его обстоятельства, старался раскрыть причину тѣхъ или другихъ явленій и найти средства къ предупрежденію ихъ. И дѣлалъ все это онъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и гражданскимъ мужествомъ, не боясь высказывать прямо непріятную правду, или предлагалъ мѣры, которыя легко могли быть поставлены на счетъ его неблагонамѣренности.

Подневольное положеніе Салтыкова смягчалось тѣмъ, что къ нему очень хорошо относилось мѣстное общество. Его всюду звали, начиная съ высшихъ административныхъ лицъ, и вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Чаше другихъ онъ бывалъ въ домѣ вятскаго вице-губернатора Болтина, гдѣ скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ. Онъ чувствовалъ себя у нихъ вполне хорошо, подолгу разговаривалъ съ матерью, шутилъ и разговаривалъ съ дочерьми, бывшими тогда еще дѣвочками, вообще бывалъ веселъ, хотя и тогда онъ не смѣялся, какъ другіе: «У него смѣялись только глаза», по воспоминанію одной изъ дочерей Болтина, будущей его супруги. Обращалъ онъ вниманіе и на учебныя занятія молодыхъ дѣвушекъ, и такъ какъ въ то время не было хорошаго учебника по русской исторіи, то онъ и составилъ специально для нихъ *Краткую исторію Россіи*. Написанная по разнымъ источникамъ и доведенная до Петра I, рукопись эта состоитъ изъ сорока шести исписанныхъ листовъ и стоила не малаго труда.

III.

Въ ноябрѣ 1855 г. Салтыкову было позволено выѣхать изъ Вятки, а 12-го февраля 1856 г. онъ былъ отчисленъ отъ должности совѣтника вятскаго губернскаго правленія и причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Такъ кончилась его восьмилѣтняя ссылка. Обязанъ онъ былъ этимъ либеральнымъ вѣяніямъ, наставшимъ послѣ Крымской кампаніи, а также и новому вятскому губернатору Ланскому.

Кромѣ окончанія ссылки, 1856 годъ ознаменовался въ жизни Салтыкова, во-первыхъ, женитьбою на одной изъ своихъ вятскихъ ученицъ и дочерей Болтина, Елизаветѣ Аполлоновнѣ, отъ которой послѣ смерти его осталось двое дѣтей: сынъ Константинъ и дочь Елизавета. Во-вторыхъ, въ томъ же 1856 году начали печататься въ *Русскомъ Вѣстникѣ* его *Губернскіе очерки*. По службѣ этотъ годъ ознаменовался командировкою въ губерніи Тверскую и Владимірскую для обозрѣнія на мѣстѣ письменнаго дѣлопроизводства губернскихъ комитетовъ ополченія. Результатомъ этой командировки явилась обширная записка, въ которой Салтыковъ между прочимъ съ рѣзкостью изображалъ неудовлетворительное состояніе тогдашней полиціи, разсматривалъ вопросъ о централизаціи и децентрализаціи и являлся сторонникомъ послѣдней, защищалъ самостоятельность и самостоятельность земства, по пути затрагивалъ и вопросъ о судѣ, говоря о необходимости общаго переустройства губернской и уѣздной администраціи.

Въ 1858 году Салтыковъ былъ назначенъ въ Рязань вице-губернаторомъ. Въ 1860 году его перевели на ту же должность въ Тверь, гдѣ ему нѣсколько разъ пришлось исполнять должность губернатора. Между тѣмъ, окончивъ въ 1857 г. *Губернскіе очерки*, вышедшіе вскорѣ отдѣльнымъ изданіемъ, въ 1858—59 гг. Салтыковъ появляется въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Атенѣ*, *Современникѣ*, *Библиотекѣ для чтенія* и въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Почти все написанное въ то время вошло потомъ въ *Невинные рассказы*. Съ 1860 г. Салтыковъ примкнулъ къ *Современнику* и сдѣлался постояннымъ его сотрудникомъ, а въ 1862 году, выйдя въ отставку, онъ хотѣлъ было поселиться въ Москвѣ и основать тамъ двухнедѣльный журналъ, но когда это ему не удалось, то переѣхалъ въ Петербургъ, вошелъ въ началѣ 1863 года въ составъ редакціи *Современника* и сталъ дѣятельно работать, помѣщая въ журналъ массу статей въ разныхъ отдѣлахъ: рассказы, очерки, московскія письма, обозрѣнія общественной жизни, участвовалъ въ *Свисткѣ*, давалъ отзывы о книгахъ, причемъ нѣкоторыя статьи подписывалъ прежнимъ псевдонимомъ Н. Щедрина, другія—Гурина (московскія письма), третьи—Михайла Зміева-Младенцева (въ *Свисткѣ*), а большинство оставлялъ совсѣмъ безъ подписи.

Возникшія гоненія на *Современникѣ* и скудость литературнаго гоняра заставили Салтыкова вновь поступить на службу; 6-го ноября 1864 г. онъ былъ назначенъ предѣдателемъ пензенской казенной палаты. Черезъ два года его перевели на ту же должность въ Тулу, а въ октябрѣ 1867 г.—въ Рязань. Наконецъ въ іюнѣ 1868 года Салтыковъ окончательно вышелъ въ отставку и на службу уже не возвращался и всецѣло посвятилъ себя литературѣ.

Съ января 1868 г. начали выходить подъ редакціею Н. А. Некрасова *Отечественныя Записки*, и Салтыковъ сдѣлался однимъ изъ редакторовъ ихъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Елисеѣвымъ. Въ это время Салтыковъ пользовался уже большою популярностью; но полный расцвѣтъ его литературной дѣятельности начался лишь съ этого времени. Въ послѣдующіе годы были имъ написаны: *Письмо изъ провинціи*, *Исторія одного города*, *Господа ташкентцы*, *Дневникъ провинціала въ Петербургѣ*, *Благонамѣренныя рѣчи*, *Господа Головлевы*, *Недоконченныя бесѣды*, *Въ средѣ умѣренности и аккуратности*, *Культурные люди*, *Итоги*, *Современная Идиллія*, *Убѣжище Монрепо*, *Круглый годъ*, *За рубежомъ*, *Сказки*, *Письма къ тетенькѣ*, *Пошехонскіе рассказы*, *Пестрыя письма*, *Мелочи жизни*, *Пошехонская старина* и проч. Появилось все это главнымъ образомъ на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ*. Послѣ смерти Некрасова онъ былъ утвержденъ въ 1878 г. отвѣтственнымъ редакторомъ журнала и стоялъ во главѣ его до самаго запрещенія его, въ апрѣлѣ 1884 г., а затѣмъ долженъ былъ появляться въ чужихъ изданіяхъ: въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Недѣль* и *Вѣстникѣ Европы*. Произведенія свои, писавшіяся въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ, но связанныя между собою общей идеею, а иногда и одними и тѣми же дѣйствующими лицами, онъ издавалъ въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, подъ общимъ заглавіемъ. Большинство ихъ выдержало по нѣскольку изданій, а предпринятое имъ незадолго передъ смертью полное собраніе сочиненій, въ девяти большихъ томахъ, разошлось въ числѣ 6.500 экземпляровъ равнѣ, чѣмъ минулъ годъ послѣ его кончины.

IV.

Среди людей, мало знавшихъ М. Е. Салтыкова, ходили въ обществѣ баснословныя слухи о его мнимыхъ суровости, жесткости и даже бранчивости, съ какими онъ будто бы обращался съ людьми не только близкими, но и совершенно незнакомыми, которыхъ въ первый разъ видѣлъ. Вслѣдствіе этихъ слуховъ начинающіе авторы, впервые являвшіеся въ редакціи журналовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, со своими скромными начинаніями, сильно потрухивали и робѣли. Но эти слухи крайне преувеличены. Дѣйствительно, его лицо носило по большей части суровое и нѣсколько мрачное выраженіе, а въ нервномъ голосѣ очень часто слышались ноты болѣзненной раздражительности, что могло пугать непривычнаго человѣка. Но все это не мѣшало ему быть человѣкомъ крайне добрымъ, съ мягкимъ и даже нѣжнымъ сердцемъ, неспособнымъ отказывать людямъ и оставаться безучастнымъ къ ихъ нуждамъ. Случалось, что обращались къ нему за авансомъ сотрудники, забравшіе не мало денегъ и потерявшіе, повидимому, всякое право на новые авансы. Салтыковъ выходилъ изъ себя въ такихъ случаяхъ. Грозный голосъ его начиналъ раздаваться по всѣмъ комнатамъ редакціи: «Это невозможно!— кричалъ онъ,—это чортъ знаетъ, что такое!.. Мы и безъ того роздали безвозвратно до 30 тысячъ! Что же съ нами будетъ наконецъ, чѣмъ же это кончится?» и т. д. И кончалось всегда тѣмъ, что, накричавшись вдоволь, онъ бралъ листъ бумаги и писалъ ордеръ въ контору о выдачѣ сотруднику суммы, которую тотъ просилъ. Пишущему эти строки случалось

слышать отъ провинціальныхъ чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, что начальникъ онъ былъ рѣдкій; какъ ни робѣли отъ его грозныхъ окриковъ, но никто его не боялся, а напротивъ того, очень любили его за то, что онъ входилъ въ нужды каждаго мелкаго чиновника и былъ снисходителенъ къ ихъ слабостямъ и недостаткамъ, которые не приносили вреда службѣ. Точно такъ же и въ редакціяхъ мелкіе служители въ родѣ конторщиковъ и метранпажей прямо говорили: «Что намъ Михаилъ Евграфовичъ! Онъ только такъ кричитъ, а мы его нисколько не боимся!» Да еще бы бояться имъ было его, когда разъ при пишущемъ эти строки былъ такой случай, что онъ съ гнѣвомъ набросился на метранпажа за то, что тотъ слишкомъ скоро набралъ весь отданный въ типографію матеріалъ книжки и явился просить новаго матеріала. «Чего вы торопитесь?—кричалъ Салтыковъ;—ѣдите что ли рукописи? Ему не успѣешь дать рукопись, ужъ у него и готово! Да что вы въ недѣлю хотите набрать всю книжку, что ли? Родить мнѣ прикажете для васъ рукописи? Набрали, такъ и ждите теперь, а отъ меня раньше недѣли больше ничего не получите, ничего!.. Убирайтесь!..» Понятно, что, слушая такія рѣчи, метранпажъ едва удерживался отъ смѣха.

Страхъ, который внушалъ Салтыковъ робкимъ людямъ, происходилъ отъ двухъ его достоинствъ: прямодушія и нервнаго отвращенія отъ всего пошлаго, фальшиваго и неискренняго. Какъ только онъ видѣлъ что-либо подобное, его тотчасъ же начинало коробить, онъ не могъ не высказать человѣку въ глаза впечатлѣнія, которое тотъ на него производитъ, и высказать со всеѣмъ тѣмъ саркастическимъ остроуміемъ, которымъ онъ славился. Не гнѣвъ его былъ страшенъ, а скорѣе тѣ шуточки, которыми онъ способенъ былъ уничтожить собесѣдника. Поэтому очень было опасно посылать его о чемъ-либо ходатайствовать въ высшія инстанціи. Всегда могло кончиться тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы распутать пустое недоразумѣніе, Салтыковъ не вытерпитъ и наговоритъ чего-нибудь такого, что наживетъ себѣ новыхъ враговъ и еще болѣе запутаетъ дѣло.

Но если Салтыковъ усматривалъ въ человѣкѣ природный умъ, честность и искренность, онъ дѣлался съ такимъ человѣкомъ крайне мягокъ, деликатенъ, любезенъ и откровененъ. Въ обществѣ Салтыковъ былъ блестящимъ собесѣдникомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ писателей, которые говорятъ, какъ пишутъ, и когда приходилось его слушать, разговоръ его производилъ буквально такое же впечатлѣніе, какое выносилось изъ его произведеній, съ тою къ тому же разницею, что въ разговорной рѣчи онъ не стѣснялся никакими цензурными условіями, и это былъ уже не эзоповскій языкъ нѣкоторыхъ его сатиръ. Особенно блисталъ онъ искусствомъ однимъ, двумя словами, часто по одному чисто виѣшнему признаку очертить личность въ самомъ комическомъ видѣ, въ то же время чрезвычайно вѣрно. Такъ, на примѣръ, объ одномъ случайномъ посѣтителѣ редакціи, котораго онъ не долюбивалъ, онъ сдѣлалъ однажды такое замѣчаніе:—«Ну, что такое NN! На немъ и штаны-то сидятъ, какъ на покойникѣ!» Этимъ однимъ словомъ онъ опредѣлилъ не только покрой брюкъ, но и все умственные и нравственныя качества писателя.

Какъ редакторъ беллетристическаго отдѣла, Салтыковъ представлялъ изъ себя нѣчто незамѣнимое. Онъ не ограничивался правильнымъ выборомъ для журнала изъ всего доставляемаго въ редакцію матеріала, а самъ

создавалъ беллетристику. Одни лишь произведенія крупныхъ талантовъ оставались имъ нетронутыми. Произведенія второстепенныхъ и посредственныхъ беллетристовъ, подвергая тщательной обработкѣ, онъ дѣлалъ порою неузнаваемыми. Люди, не знавшіе о тѣхъ операціяхъ, какія производилъ Салтыковъ надъ разсказами второстепенныхъ беллетристовъ, особенно же такъ называемыми «лѣтними», приходили въ удивленіе, отчего тѣ самые писатели, которые подѣ редакцію Салтыкова помѣщаютъ недурные разсказы, въ другія изданія приносятъ вещи ниже всякой критики и совершенно неудобныя для печатанія. Мало-мальски умные беллетристы не обижались при видѣ, какъ патріархально-отеческая рука редактора сглаживаетъ и сравниваетъ шероховатости и недостатки ихъ юныхъ твореній, и выносили изъ его редакторской работы богатые уроки для себя. Но, конечно, встрѣчались и самолюбивые недотроги, требовавшіе, чтобы ни одного слова не было измѣнено или выкинуто изъ ихъ великихъ твореній, и вставали на дыбы. Я никогда не забуду, какъ одна сантиментальная романистка прибѣжала къ сотруднику Салтыкова съ горькими жалобами на него и разразилась отчаянными рыданіями. Дѣло оказалось въ томъ, что она желала окончить романъ своей смертию героини отъ чахотки, а Салтыковъ взялъ да и сочелъ вдругъ героиню съ героемъ законнымъ бракомъ.

Жилъ Салтыковъ, особенно подѣ конецъ, замкнуто, въ тѣсномъ кругу нѣсколькихъ друзей. Лѣто онъ проводилъ то въ своемъ Мон герос, въ окрестностяхъ Ораніенбаума, пока не продалъ его, то гдѣ-нибудь на дачѣ, изрѣдка уѣзжалъ за границу куда-нибудь на воды по совѣту врачей, но онъ терпѣть не могъ заграничныхъ путешествій и всегда съ большой неохотой приготовлялся къ нимъ. За границею имъ овладѣвали смертная скука и тоска по родинѣ, и онъ возвращался изъ своей поѣздки раньше, чѣмъ предполагалъ.

Здоровье его впервые пошатнулось въ 1875 г. Онъ заболѣлъ такими сильными припадками ревматизма, что лишился ногъ, и тогда же доктора признали въ немъ органическій порокъ сердца.

Уѣхалъ онъ за границу лѣтомъ въ 1875 г. почти въ безнадежномъ состояніи, и всѣ думали, что вскорѣ его не станетъ, но опытные доктора, въ томъ числѣ Бѣлоголовый, утверждали, что онъ можетъ прожить еще лѣтъ десять съ своею болѣзнию. И дѣйствительно, возвратился онъ изъ за границы въ слѣдующемъ году почти совсѣмъ здоровымъ, бодрымъ и на ногахъ, и лишь непрестанный кашель и одышка свидѣтельствовали о болѣзни сердца, подтачивавшей его жизнь.

Особенный ударъ былъ нанесенъ ему закрытіемъ *Отечественныхъ Записокъ* въ апрѣлѣ 1884 г. Сбитый съ боевой позиціи, глубоко оскорбленный въ своихъ гражданскихъ чувствахъ и лучшихъ человѣческихъ инстинктахъ, Салтыковъ послѣ того быстро началъ клониться къ могилѣ. До того времени онъ былъ настолько еще силенъ и бодръ, что выходилъ изъ дома и дѣятельно велъ редакторское дѣло. Послѣ же 1884 года онъ настолько ослабѣлъ, что не только не выходилъ изъ квартиры, но и по комнатѣ еле двигался. При такомъ крайнемъ разстройствѣ организма ему пришлось еще перенести крупное воспаленіе легкихъ осенью въ 1886 году, и эта болѣзнь, едва не уложившая его въ могилу, окончательно сломила его силы.

Тѣмъ не менѣе онъ работалъ, можно поистинѣ сказать, до послѣдняго вздоха, и было нѣчто въ высшей степени трогательное и величественное въ образѣ изможденнаго, окруженнаго лекарствами старца, который не выпускалъ пера изъ дрожащихъ и костенѣющихъ рукъ и, продолжая выпускать произведеніе за произведеніемъ, умиралъ въ полномъ смыслѣ этого слова воиномъ на полѣ битвы. Такъ, за нѣсколько дней до смерти онъ показывалъ посѣтителямъ полуисписанный листъ, съ отчаяніемъ заявляя, что рука его отказывается писать и не въ силахъ продолжать начатой работы. Это были тѣ самыя *Забытыя слова*, о которыхъ онъ собирался напомнить своимъ соотечественникамъ. Передъ самою смертію онъ успѣлъ составить планъ изданія полнаго собранія своихъ сочиненій и энергически хлопоталъ объ изданіи его. Въ этихъ хлопотахъ онъ и скончался 28-го апрѣля 1889 года.

V.

Мы неоднократно говорили, что имѣемъ дѣло съ вѣкомъ демократическихъ идеаловъ, осуществленію которыхъ мы обязаны реформами шестидесятихъ годовъ, когда всѣ писатели поголовно ратовали противъ паразитизма, праздности и нравственной распущенности, какія развились на почвѣ крѣпостного права, и проповѣдывали активное отношеніе къ общественной жизни, неусыпный трудъ на общую пользу и сначала гуманное отношеніе къ низшей братіи, а затѣмъ и слитіе съ народомъ, проникновеніе его идеалами.

Могъ ли Салтыковъ, писатель, отличавшійся тонкою чуткостью къ каждому, вновь возникавшему вѣянію, остаться въ сторонѣ отъ движенія и не увлечься имъ?

И дѣйствительно, уже первыя произведенія его: *Противорѣчія* и *Запутанное дѣло* глубоко проникнуты идеями, бродившими въ передовыхъ кружкахъ сороковыхъ годовъ и которыми увлекались молодые литераторы подъ вліяніемъ статей Бѣлинскаго. Читая эти произведенія, особенно же *Запутанное дѣло*, въ которомъ въ первый разъ талантъ Салтыкова обнаружился во всеоружіи безпощаднаго смѣха, вы такъ и видите на каждой страницѣ вѣянія того времени,—эпохи натуральной школы, «литературы угловъ и подваловъ». Вѣяніе это сказалось въ лицѣ главнаго героя *Запутаннаго дѣла* Ивана Самойловича Мичулина, сына мелкопомѣтнаго дворянина, пріѣхавшаго въ столицу искать счастья и очутившагося голоднымъ пролетаріемъ, тѣтно стучавшимся во всѣ двери... «Всѣ, рѣшительно всѣ оказывались съ хлѣбомъ, всѣ при мѣстѣ, всѣ увѣрены въ своемъ завтра, одинъ онъ былъ будто лишній на свѣтѣ, никто его не хочетъ, никто въ немъ не нуждается...» «Россія—государство обширное,—смѣется авторъ надъ своимъ героемъ,—обильное и богатое,—да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!»

Мы видимъ въ разсказѣ много такого, что можно было встрѣтить у каждаго молодого писателя того времени: развѣ не напоминаютъ, напримеръ, стихотворенія Некрасова: *Бду ли ночью по улицѣ темной*, тѣ страницы въ *Запутанномъ дѣлѣ*, гдѣ описываются думы героя о томъ, что было бы съ нимъ, если бы онъ женился на Надѣ? А его скитанія по

Петербургу, его горячечныя грезы и безвременная смерть—развѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что въ то время писалъ Ѳ. Достоевскій?

Но на главномъ планѣ стоитъ здѣсь смѣхъ, и въ этомъ отношеніи Салтыковъ въ первомъ же своемъ произведеніи явился тѣмъ l'enfant terrible, какимъ онъ въ послѣдствіи неоднократно являлся, осмѣивая передовые кружки, среди которыхъ вращался. Тутъ случилось своего рода запутанное дѣло и прискорбное недоразумѣніе: Салтыковъ былъ высланъ по подозрѣнію въ соприкосновенности къ петрашевцамъ за такія произведенія, въ которыхъ именно эти самые петрашевцы были зло осмѣяны. Въ самомъ дѣлѣ, кто же, какъ не петрашевцы, пародируютъ въ лицѣ кандидата философіи Вольфгана Антоныча Беобахтера и недоросля изъ дворянъ поэта Алексиса Звонскаго, съ ихъ безконечными словопреніями о томъ, довольно ли одной любви, или же любовь потомъ, а прежде всего должно послѣдовать разрушеніе, и что эстетическое чувство есть то чувство, которымъ въ высшей степени обладаетъ художникъ, а художникъ есть тотъ смертный, который въ высшей степени обладаетъ эстетическимъ чувствомъ.

Во имя чего же обличалъ Салтыковъ кружки, къ которымъ самъ принадлежалъ, и такимъ образомъ побилъ своихъ? Оказывается, что это произведено на основаніи тѣхъ самыхъ идей, которыя этими же кружками и проводились, во имя идеаловъ, къ которымъ стремилась такъ горячо молодежь того времени. Салтыкова поразило, что движеніе совершалось на отвлеченной, теоретической почвѣ, ограничиваясь философскими преніями и бравурными восклицаніями; вождями его были изнѣженные баричи, готовые на словахъ заключить въ объятія все человѣчество, а на дѣлѣ ни одинъ изъ нихъ не протянулъ руку братской помощи умирающему съ голоду человѣку, когда тотъ обратился съ мольбою о спасеніи.

Ссылка оказала великую услугу Салтыкову, познакомивъ его съ внутреннею жизнью Россіи и съ народомъ. Ему пришлось прожить въ провинціи какъ разъ семь лѣтъ реакціи, когда дореформенная жизнь дошла до полного разложенія, внутреннія язвы, развѣдавшія государство, вскрылись и обнаружались во всей ужасающей мерзости. Плодомъ долготѣняго пребыванія въ провинціи и получились *Губернскіе очерки*, которымъ Салтыковъ былъ обязанъ началомъ своей популярности и которые послѣ севастопольской кампаніи встали во главѣ обличительной литературы, заполонившей всю прессу.

Но между этой обличительной литературой и *Губернскими очерками* лежитъ цѣлая пропасть. Здѣсь дѣло заключается не въ личностяхъ, злоупотреблявшихъ властью, и не въ одномъ смѣхѣ надъ взяточниками и казнокрадами. Передъ вами раскрывается мрачная картина безправія и грабежа, которые невыносимымъ гнетомъ ложились на народъ. И вотъ именно присутствіе народа и его невыносимыхъ страданій, которыя вы чувствуете въ каждомъ рассказѣ, даже и тамъ, гдѣ о народѣ ничего не говорится, придаетъ *Губернскимъ очеркамъ* глубокое общественное значеніе.

И къ тому же не одни только злоупотребленія и возмутительныя злодѣйства Порфиріевъ Петровичей, Фейеровъ, Томилиныхъ, Ижбурдиныхъ, Пересѣчкиныхъ et tutti quanti возмущаютъ автора *Губернскихъ очерковъ*. Его приводитъ въ ужасъ растлѣвающее вліяніе провинціальной жизни на самыхъ лучшихъ людей, повидимому, далекихъ отъ покушеній на карманъ ближняго.

„О, провинція!—восклицаетъ онъ,—ты растаѣваешь людей, ты истребляешь всякую самостоятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, самую способность желать! Ибо можно ли назвать желаніями тѣ мелкія вождѣнія, исключительно направленныя къ матеріальной сторонѣ жизни, къ доставленію крошечныхъ удобствъ, которыя имѣютъ то неопредѣленное достоинство, что устраняютъ всякій поводъ для тревоги души и сердца? Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно суживается? Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль? Когда вмѣстѣ съ тѣмъ все вокругъ него свидѣтельствуетъ о благахъ жизни, все призываетъ къ ней, тогда нѣтъ возможности не пробуждаться даже самой сонной натурѣ. Воображеніе работаетъ, самолюбіе страдаетъ, зависть кипитъ на сердцѣ, и вотъ совершаются тѣ великіе подвиги ума и воли человѣческой, которымъ такъ искренно дивится покорная генію толпа. Что нужды, что приготовительныя работы къ нимъ смочены слезами и кровавымъ потомъ; что нужды, что не одно, быть можетъ, проклятіе сорвалось съ устъ труженика, что горьки были его исканія, горьки нужды, горьки обманутыя надежды: онъ жилъ въ это время, онъ ощущалъ себя человѣкомъ, хотя и страдалъ...

„Да, жалко, поистинѣ жалко положеніе молодого человѣка, заброшеннаго въ провинцію! Незамѣтно, мало-по-малу, погружается онъ въ тину мелочей и, увлекаясь легкостью этой жизни, которая не имѣетъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, самъ безсознательно дѣлается молчаливымъ поборникомъ ея. А тамъ подкрадывается матушка-лѣнь и такъ крѣпко сомкнетъ въ своихъ объятіяхъ новобранца, что и очнуться некогда. Посмотришь кругомъ: вѣдь, живутъ же добрые люди, и живутъ весело,—ну, и самъ станешь жить весело.

„О, вы, которые живете другою, широкою жизнью, вы, которыхъ заставляютъ жить, и которые заставляютъ жить другихъ—завидую вамъ. И если когда-нибудь придется вамъ горько и усомнитесь въ вашемъ счастіи, вспомните, что есть иной міръ,—міръ зловоній и болотныхъ испареній, міръ сплетенъ и жирныхъ кулебякъ—и горе вамъ, если вы тотчасъ не поспѣшите подчинить удовольствіе вѣчному истцу вашей жизни—обществу!“

Наиболѣе ярко и опредѣленно выразились въ *Губернскихъ очеркахъ* идеалы Салтыкова въ глубокомъ сочувствіи народу, которымъ проникнуты посвященные ему строки. Здѣсь смолкаетъ смѣхъ и начинается область скорби и преклоненія передъ великостью и святостью души простого человѣка.

„Я вообще чрезвычайно люблю нашъ прекрасный народъ,—говоритъ онъ въ своемъ разсказѣ *Богомольцы, странники и прозябаніе*,—и съ уваженіемъ смотрю на свѣжіе и благодушные типы, которыми кипитъ народная толпа. Конечно, мы съ вами мсье, Буеракивъ, или съ вами, мсье Озорникъ, слышкомъ хорошо образованы, чтобы приходиться въ непосредственное соприкосновеніе съ этими мужиками, отъ которыхъ пахнетъ печенымъ хлѣбомъ или кислыми овчинами, но издали поглядѣть на этихъ загорѣлыхъ, коренастыхъ чудаковъ мы готовы съ удовольствіемъ. Я даже съ гордостью сознаюсь, что, когда на театрѣ авторъ выводитъ на первый планъ русскаго мужичка и рекомендуетъ ему отхватать въ присядку, или же, собравъ на сцену достаточное число опротно одѣтыхъ дѣвицъ въ тѣлогрѣяхъ, заставляютъ ихъ оглашать воздухъ звуками русской пѣсни, я чувствую, что въ сердцѣ моемъ дѣлается внезапный приливъ, а глаза застилаются туманомъ, хотя, конечно, въ камаринской ничего нѣтъ унылаго.

„Grands dieux!—говорю я себѣ, выходя изъ театра.—Какъ мы однакожь выросли, какъ возмужали: давно ли русскій мужичекъ, *cet ours mal léché*, являлся на театральныя помосты за тѣмъ только, чтобы прокричать завѣтную фразу въ родѣ: „идемъ!“, „бѣжимъ!“ или же отплясать гдѣ-то у воды полуиспанскій танецъ,—и вотъ теперь онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣменить ногами и кувыркается на самой авансценѣ и оглашаетъ воздухъ неистовыми криками этой пѣсни! Grands dieux, какъ мы выросли!“...

Но эта тирада полна еще ироніи, направленной противъ чуждавшейся еще въ то время народа интеллигенціи, а вотъ другая, въ которой мы видимъ серьезно уже выраженное сочувствіе народу со всеми его вѣрованіями. Такъ, описывая какой-то церковный праздникъ, Салтыковъ говоритъ:

„И вся эта толпа пришла сюда съ чистымъ сердцемъ, храня во всей ея непорочности душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу Божьяго угодника. Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого неудержимаго стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всеми жизненными обстоятельствами, овѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка. На меня вѣетъ невѣдомою свѣжестью и благоуханіемъ, когда до моего слуха долетаетъ все то же тоскливое голошеніе убогихъ нищихъ:

Придетъ мать—весна красна,
 Лузья, болота разольются;
 Древа листьями одѣнутся,
 И запоютъ птицы райски
 Архангельскими голосами;
 А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
 Меня мать прекрасную покинешь!

— Нѣтъ, не покину!—готовъ я воскликнуть вмѣстѣ съ Осафѣемъ царевичемъ:

Разгуляю я по пустынѣ, во зеленой во дубравѣ,
 Насмотрюсь я во пустынѣ на различные цвѣты".

Результатами этого сочувствія народу, уваженія къ его благодушнымъ типамъ и глубокой скорби при видѣ его многострадальческой жизни и явились такіе рассказы, какъ *Аринушка*, *Старецъ*, *Миша и Ваня*, *Развеселое житье*, въ которыхъ благоговѣнно смолкалъ смѣхъ Салтыкова, и душа его смирялась и умилялась.

VI.

Салтыковъ отнюдь не принадлежитъ къ числу писателей, которые сразу опредѣляются и въ продолженіе многолѣтней литературной дѣятельности носятъ неизмѣнный характеръ относительно формъ и содержанія произведеній. Чуткій къ малѣйшему измѣненію общественныхъ настроеній и вѣяній, Салтыковъ не упускалъ изъ вида ни одного изъ такихъ измѣненій: до самой смерти онъ не переставалъ жить вмѣстѣ со своимъ вѣкомъ и впереди своихъ современниковъ. Поэтому сатиры его сообразно различнымъ поворотамъ русской жизни измѣнялись и по тону, и по содержанію, и ихъ нельзя иначе разсматривать, какъ въ связи съ этими поворотами, дѣля на періоды, соотвѣтствующіе имъ.

Такъ, *Губернскими очерками* исчерпывается періодъ дореформенный; въ очеркахъ этихъ Салтыковъ заплатилъ обильную дань общественному разложенію, какое предшествовало крымской войнѣ. Дальнѣйшія сатиры, слѣдующія за *Губернскими очерками*, носятъ совершенно уже иной характеръ. Въ нихъ сатирикъ отразилъ эпоху «возрожденія», слѣдующую послѣ крымской войны, со всей ея безтолковой суматохой и фразистостью. Соль этихъ сатиръ заключается въ томъ, что, какъ ни много было шума и гама въ то время, какъ ни кричали о прогрессѣ, неустанномъ движеніи впередъ, необходимости существенныхъ измѣненій, эти призывные крики не мѣшали людямъ топтаться на одномъ мѣстѣ; измѣненія были чисто призрачными, а старо-русская жизнь неизмѣнно оставалась тою же самою.

Эта старо-русская жизнь олицетворена Салтыковымъ въ городѣ Глуповѣ, въ которомъ во всякое время, когда угодно, тишина и благораствореніе воздуховъ; и даже среди бѣла дня, когда, какъ извѣстно, въ Вавилонѣ происходило столпотвореніе, Глуповъ откликался на зовъ жизни только тѣмъ, что собаки, спавшія доселѣ у воротъ, свернувшись калачикомъ, стали потягиваться и повилывать хвостами. Таково природное свойство обитателей Глупова, ихъ грѣхъ первородный: не могутъ они шевелиться, отяжелѣли. Начальствующіе отдыхаютъ въ объятіяхъ секретарей, помѣщики—въ объятіяхъ крѣпостного права, купцы—въ объятіяхъ единоторжія и надувательства. И можете себѣ представить, что

должно было сдѣлаться съ Глуповымъ, когда мирное и блаженное существованіе его, заключающееся въ вѣчномъ снѣ и пищевареніи, внезапно нарушилось слухами о «возрожденіи». Эти слухи внесли страшную смуту въ среду «хорошихъ людей» Глупова и произвели всеобщій переполохъ; каждый началъ стонать за свою шкуру и видѣть въ грядущемъ чуть-что не свѣтопреставленіе.

Глуповъ еще загодя блѣднѣлъ и трясся при словѣ *возрожденіе* и все про себя шепталъ: «Господи! ахъ, кабы да мимо!» Еще загодя, при малѣйшемъ шорохѣ, онъ махалъ онучами и шугалъ, какъ шугаетъ баба-птичница, завидѣвъ на небѣ коршуна, кружащагося надъ всполошившимся стадомъ ввѣренныхъ ей цыплятъ. «Чѣмъ наша жизнь не красна?»—говорилъ онъ потихоньку, —«или пуховики у насъ не толсты? или ватрушки наши не сдобны?»

При такихъ условіяхъ развѣ могъ возродиться и исполниться новой жизни Глуповъ? Всѣ измѣненія, какія произошли въ его сонномъ существованіи, заключались лишь въ томъ, что онъ выставилъ цѣлый сонмъ клеветниковъ. Пораженные неожиданными для нихъ явленіями, глуповцы прежде всего искали объяснить ихъ себѣ чисто-внѣшнимъ образомъ. Имъ все казалось, что тутъ дѣйствуютъ какіе-то зачинщики и подстрекатели, безъ тайныхъ козней которыхъ все шло бы, какъ по маслу. Такъ, на примѣръ, господинъ Сидоровъ утверждалъ, что начало всей смуты положилъ Егорка Лысый, а госпожа Антонова божилась и клялась, что перемѣна въ характерѣ сновидѣній ключницы Матрены произошла именно съ тѣхъ поръ, какъ эта подлая тварь снюхалась съ подлецомъ Ионкой. Угаръ Ерыгинъ пошелъ въ этомъ случаѣ еще дальше. Когда до его свѣдѣнія дошелъ слухъ о подобной смутѣ, онъ даже не далъ себѣ труда разобрать, въ чемъ было дѣло, но просто-на-просто приказалъ отодрать пятокъ или десятокъ зачинщиковъ.

„Помни,—говорить при этомъ сатирикъ,—что Глуповъ не можетъ не клеветать, потому что онъ возрождается. Возрожденіе вызвало въ немъ новыя страсти и новыя понятія, но прежде всего вызвало ненависть къ самому возрожденію. Хоть это, повидимому, противорѣчіе, но оно разрѣшается очень просто. Еще не остылъ въ Глуповѣ потъ прежней, горьечной еще жизни; еще не перегорѣлъ внутри его старый хламъ, накопленный тамъ вѣками; онъ все еще прежній, ветхій Глуповъ, который такъ забавлялъ тебя своимъ оригинальнымъ міросозерцаніемъ... Странно было бы, если бы онъ покончилъ со своимъ прошлымъ, не поговоривъ немного, не сневѣжничавъ хоть ради очищенія совѣсти!“

Но не одинъ старый Глуповъ возсталъ противъ реформъ. Самые приверженцы ихъ и пионеры возрождались лишь на словахъ, только и дѣлая, что разсыпаясь въ праздныхъ словоизверженіяхъ. Въ сатирахъ: *Скрежетъ зубовой* и *Новый Нарциссъ или влюбленный въ себя*, Салтыковъ осмѣялъ современныхъ витій, расплывшихся потокомъ либеральныхъ разглагольствованій. Все содержаніе нашего краснорѣчія, по его словамъ,—это, во-первыхъ, стараніе не войти въ слишкомъ явное противорѣчіе съ грамматикой и синтаксисомъ; во-вторыхъ—желаніе убѣдить всѣхъ и каждого, что ничто человѣческое намъ не чуждо; и въ-третьихъ—стремленіе, хотъ какъ-нибудь, хотъ бокомъ, приобщиться къ общему современному направленію идей. Словомъ, чтобы опредѣлить характеръ нашего витійства однимъ терминомъ, можно назвать его размазисто-стыдливо-пустопорожнимъ. Съ такимъ мало разнообразнымъ сбродомъ мы могли съ грѣхомъ пополамъ составлять только вступленія или предис-

словія, но зато въ искусствѣ предисловія въ самое короткое время сдѣлали столько успѣховъ, что едва ли не обогнали на этомъ поприщѣ всѣ народы земного шара.

Такимъ образомъ Глуповъ не умеръ, но и не возродился, а только перемѣнилъ форму, внѣшность, и въ сущности остался тѣмъ же Глуповымъ. вмѣсто староглуповцевъ народилися новоглуповцы, но они отличаются отъ прежнихъ лишь наружностью: прежній «хорошій человѣкъ» былъ неряшливъ и неумытъ, частенько даже несло отъ него словно морскими травами; новоглуповецъ, напротивъ того, безукоризненъ и чистъ, какъ кристалль. Препній былъ невѣжественъ и грубъ, новый утонченъ и образованъ, въ карты же ни-ни, исторій съ рылами, микитками и подсазками удаляется, *bivons* употребляетъ лишь благороднымъ манеромъ, т. е. душитъ шампанское и презираетъ очищенную, и только къ *airons* обнаруживаетъ прежнее ехидное пристрастіе. Зато прямъ, какъ аршинъ, поджаръ, какъ собака, высокоомѣренъ, какъ семинаристъ, дерзокъ, какъ губернаторскій камердинеръ, и загадоченъ, какъ тотъ хвойный лѣсъ, который отъ истоковъ Камы и Вятки тянется вплоть до Ледовитаго океана.

„Въ сущности и старый, и новый глуповецъ,—говорить Салтыковъ,—руководятся однимъ и тѣмъ же правиломъ: „травы не мять, цвѣтовъ не рвать и птицъ не пугать“, но на практикѣ, но въ способѣ проведения этого правила въ жизни между ними замѣчается ошутительная разница. Старый глуповецъ видѣлъ эти слова написанными на доскѣ и выполнялъ ихъ, не разсуждая. Новый глуповецъ не только выполняетъ, но и резонируетъ, не только резонируетъ, но и любитъ самимъ собою. Онъ возводитъ исполненіе правила въ принципъ, и въ этомъ принципѣ находитъ достаточно содержанія для наполненія всей своей жизни. И горе тому, кто затронетъ новоглуповца въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ; горе тому, кто отнесется легко къ этой послѣдней святынѣ его сердца; онъ въ одну минуту назаетъ столько, сколько не успѣли налаетъ его достославные предки въ продолженіе многихъ столѣтій; онъ загрызетъ, онъ докажетъ дѣлому міру, что и въ Глуповѣ могутъ зародиться своего рода Робеспьеры, что и глуповская почва способна производить сорванцовъ исполнительности...

„Глуповское міросозерцаніе, глуповская закваска жизни находятся въ агоніи—это несомнѣнно. Но агонія всегда сопровождается предсмертными корчами, въ которыхъ заключена страшная конвульсивная сила. Представителями этой силы, этихъ ужасныхъ попытокъ древне-глуповскаго міросозерцанія удержаться на старой почвѣ служатъ новоглуповцы. Въ лицѣ ихъ она празднуетъ свою послѣднюю, бессмысленную вакханалію; въ лицѣ ихъ она исчерпываетъ послѣднее свое содержаніе; въ лицѣ ихъ она торжественно и окончательно заявляетъ міру о своей несостоятельности“.

Таковы основные мотивы публицистическихъ сатиръ, какія писалъ Салтыковъ во время реформъ. Это была безпощадная критика общественнаго движенія, проникавшая въ суть исторически-сложившихся основъ русской жизни; она производила отрезвляющее вліяніе на молодые умы, разгоряченные совершавшимися великими событіями и воображавшіе, что русскій прогрессъ безпредѣленъ.

Не ограничиваясь характеристикою современныхъ нравовъ Глупова, Салтыковъ обращается къ исторіи въ намѣреніи прослѣдить развитіе этихъ нравовъ генетически, и вѣнцомъ сатиръ разсматриваемаго нами періода является *Исторія одного города*. Но прежде, чѣмъ мы обратимся къ этому произведенію, обратимъ вниманіе на одно весьма существенное свойство таланта Салтыкова, именно на его страсть къ широчайшимъ обобщеніямъ.

Салтыкова неоднократно обвиняли въ памфлетизмѣ, и рѣдкое произведеніе его обходилось безъ того, чтобы не искали въ немъ изображеній общественныхъ дѣятелей. Обвиненіе это лишено всякаго основанія.

Салтыковъ самъ постоянно отрицалъ, чтобы въ его сатирахъ были выведены лица, на которыя ему указывали, и дѣлалъ это не публично передъ людьми, съ которыми не желалъ быть откровеннымъ, а въ интимныхъ бесѣдахъ. И дѣйствительно, разсматривая его произведенія, мы видимъ часто, что творческій процессъ его начинался отъ одной личности, ею возбуждался и приводился въ движеніе; но никогда онъ на этой конкретной личности не останавливался, а непременно приходилъ къ обобщеніямъ, столь широкимъ, что порою они не въ силахъ были вмѣститься въ одинъ художественный образъ. Тогда творчество Салтыкова, какъ вздувшійся отъ чрезмѣрныхъ дождей потокъ, выходило изъ береговъ художественности, и сатирикъ начиналъ выставлять отвлеченныя, безплотныя категоріи, подводя подъ нихъ явленія самыя разнородныя. Мы видѣли уже подобныя безплотныя обобщенія въ такихъ категоріяхъ, какъ староглуповцы и новоглуповцы. Другой подобнаго же рода примѣръ представляется намъ въ сатирахъ, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ *Въ средѣ умеренности и аккуратности*. Первые шесть главъ этой серіи сатиръ озаглавлены *Господа Молчалины*. По одному заглавію вы можете судить, что Салтыковъ отправляется здѣсь отъ извѣстнаго грибоѣдовскаго типа. Но онъ не останавливается на немъ. У Грибоѣдова Молчалинъ является опредѣленнымъ типомъ пресмыкающагося чиновника-карьериста, и вы не смѣшаете его ни съ Фамусовымъ, ни со Скалозубомъ, ни тѣмъ болѣе—съ Чацкимъ. Салтыковъ же усматриваетъ молчалинскія черты въ большинствѣ общества. Цѣлыя массы людей подобно Молчалину помышляютъ лишь объ устройствѣ семейной обстановки, жертвуя совѣстью и честью, подвергая себя добровольному мученичеству въ видѣ надругательства какого-нибудь самодура. Люди эти говорятъ: «моя хата съ краю,—ничего не знаю», и пусть кровь льется потоками и человѣчество грязнеть въ пучинѣ духовной нищеты,—ни до чего имъ нѣтъ дѣла. Умывая руки въ крови, они утѣшаютъ себя, что они лишь исполнители, творятъ волю посланныхъ ихъ, и представляютъ на каждомъ шагѣ раздвоеніе семейной и общественной нравственности, при чемъ всѣ усилія употребляютъ, какъ бы дѣти не узнали, какой цѣной покупается благосостояніе, и не обратились въ грозныхъ судей своихъ родителей.

„Молчалины,—говоритъ Салтыковъ,—отнюдь не составляютъ исключительной особенности чиновничества. Они кишатъ вездѣ, гдѣ существуетъ заботливость, приверженность, вездѣ, гдѣ чувствуется невозможность скоротать жизнь безъ содѣйствія „обстановки“. Русскія матери (да и никакія въ цѣломъ мірѣ) не обзываются рождать героевъ, а потому масса сыновъ человеческихъ невольнымъ образомъ придерживаются въ жизни той руководящей нити, которая выражается пословицей: „або мѣ стѣны не прошибешь“. И такъ какъ пословица эта, сверхъ того, въ практической жизни подтверждается восклицаніемъ: „въ бараний рогъ согну!“; примѣненіе котораго сопряжено съ очень солидною болью, то поватно, что въ извѣстные историческіе моменты Молчалины должны во всѣхъ профессіяхъ составлять не очень яркій, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно преобладающій элементъ“.

Страсть Салтыкова къ широкимъ обобщеніямъ не слѣдуетъ опускать изъ виду, читая и *Исторію одного города*. Въ произведеніи этомъ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было ищутъ изображеній историческихъ личностей. Но это такое же заблужденіе, какъ и исканіе портретовъ въ прочихъ сатирахъ Салтыкова. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо мы имѣемъ дѣло съ широкими обобщеніями, олицетворяющими въ одномъ образѣ порою цѣлыя эпохи.

Исторія не есть галлерей историческихъ дѣятелей. За послѣдними стоитъ общество, толпа, народъ, которые хотя и не принимаютъ замѣтнаго участія въ исторіи, тѣмъ не менѣ каждый индивидуумъ кладетъ свою лепту, а изъ этихъ лептъ нарастаютъ горы. Каждая эпоха имѣетъ свой характеръ, присущій не однимъ выдающимся дѣятелямъ, но и массамъ. То, что совершалось въ данный историческій моментъ въ Петербургѣ, находило подражателей въ любомъ Глуповѣ. Поэтому въ исторіи Глупова слѣдуетъ видѣть не одно *замаскированіе* русской исторіи, а ея, такъ сказать, *микрокомъ*. Если бы можно было написать исторію любого изъ русскихъ городовъ—Ярославля, Костромы, Кашина или Калязина, со всѣми мелкими подробностями повседневной жизни, навѣрное въ каждомъ городѣ отразилась бы всероссійская исторія. Такимъ образомъ хотя Беневоленскій и напоминаетъ Сперанскаго, а Угрюмъ Бурчеевъ даже по созвучію—Аракчеева, но во время Сперанскаго и Аракчеева каждый городничій походилъ либо на Сперанскаго, либо на Аракчеева, и не изъ одного подражанія, а потому, что каждая эпоха имѣетъ свои преобладающіе типы, и если художнику удастся схватить одинъ изъ нихъ, то выдающаяся историческая личность будетъ въ такой же мѣрѣ походить на него, какъ и масса неизвѣстныхъ современныхъ людей.

Слѣдуетъ къ тому же принять во вниманіе, что въ *Исторіи одного города*, какъ и въ *Помпадурахъ и помпадуришахъ*, стрѣлы Щедрина направляются не на однихъ выводимыхъ градоначальниковъ. Сатирикъ выводитъ ихъ уродливыми, безобразными и карикатурными, вовсе не полагая въ то же время въ нихъ альфу и омегу всѣхъ бѣдъ и золъ русской жизни. Болѣе всего бичуетъ онъ толпу обывателей, забытыхъ, униженныхъ, пресмыкающихся глуповцевъ, чуждыхъ всякой инициативы и самостоятельности и вѣчно являющихся одними и тѣми же безсловесными, подловато-угодливыми Молчалиными. Противъ этой-то азіатской инертности и направлены болѣе всего бичи щедринской сатиры.

VI.

Но вотъ прошли шестидесятые годы со всей ихъ суматохою; совершились реформы; опустились волны общественнаго движенія; началось общее изнеможеніе, разочарованіе, затишье. Но подъ наружнымъ пепломъ наступившей реакціи тлѣлъ жгучій огонь, и невидимо, неслышно совершался экономическій переворотъ, явившійся прямымъ результатомъ совершенныхъ реформъ и особенно освобожденія крестьянъ. Наиболѣе сильное вліяніе эта реформа имѣла на дворянскій классъ, бытъ котораго былъ потрясенъ до самыхъ своихъ основаній. Всѣ прежніе ресурсы безпечальнаго житья исчезли безвозвратно. Приходилось мало того, что устраиваться по новому, но придумывать новыя теоріи для оправданія смысла существованія дворянъ, какъ особеннаго класса. Чуткій въ уловленіи существеннаго нерва каждой эпохи, Салтыковъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ главный вопросъ времени, и направилъ свои перуны въ сбитыхъ съ панталыку культурныхъ людей, стремившихся устроиться по новому, но столь же сытно, весело и безъ труда, какъ жили и прежде.

Произведенія третьяго періода литературной дѣятельности Салтыкова, семидесятыхъ годовъ, и *Господа Ташкентцы*, и *Дневникъ провинціала*

въ Петербургъ, и *Убѣжище Монрепо*, и *Благонамѣренныя рѣчи*, изображаютъ именно культурныхъ людей въ ихъ отыскиваніи новыхъ путей паразитства. Однимъ изъ заурядныхъ въ семидесятые годы путей къ поправленію финансовыхъ обстоятельствъ была тяга въ Ташкентъ, гдѣ мерещились культурнымъ людямъ золотыя горы. Отъ взоровъ Салтыкова не укрылась эта тяга, и онъ мало того, что заклеилъ россійскихъ пионеровъ насажденія въ Азіи европейской цивилизаціи позорнымъ именемъ ташкентцы, но по обыкновенію обобщилъ это прозвище, примѣнивъ его ко всѣмъ культурнымъ людямъ, ничего не имѣющимъ за душою, кромѣ ненасытнаго аппетита,—такимъ образомъ и появилась серія сатиръ подъ заглавіемъ *Господа Ташкентцы*, при чемъ въ введеніи въ эти очерки Салтыковъ говоритъ:

„Нравы создаютъ Ташкентъ на всякомъ мѣстѣ; бываютъ въ жизни обществъ минуты, когда Ташкентъ насильно стучится въ каждую дверь и становится на неизбежную очередь для всякаго существованія. Это въ особенности чувствуется въ эпохи, которыя условлено называть переходными. Можетъ быть, именно чувствуется потому, что въ подобныя минуты рядомъ съ Ташкентомъ уже зарождается нѣчто похожее на гражданственность, нѣчто напоминающее человѣку возможность располагать своими движеніями... Потихоньку, милостивые государи, потихоньку! Можетъ быть, это „нѣчто зарождающееся“, „нѣчто намекающее“ и дѣлаетъ особенно нетерпимую боль, при видѣ все-таки прямо стоящаго Ташкента? Дѣйствительно, все это очень возможно; но что же кому за дѣло до этого? Развѣ объясненія утѣшаютъ кого-нибудь? Развѣ они умаляютъ хотя на каплю переполняющую сердце горечь? Я знаю одно: что никогда, хотя бы въ самыя глухія, печальныя историческія эпохи, нельзя себѣ представить такого количества людей отчаявшихся, людей, махнувшихъ рукою, сколько ихъ водится въ эпохи переходныя. И рядомъ съ этими отчаявшимися—сколько людей, все позабывшихъ, все въ себѣ умертвившихъ... все, кромѣ безконечнаго аппетита!..

„Я, конечно, былъ бы очень радъ, если бы могъ, начиная этотъ рядъ характеристикъ, сказать: „читатель! смотри—вотъ выдыхающій Ташкентъ!“ Но, увы! я не имѣю въ запасѣ даже этого утѣшенія! Конечно, я знаю, что есть какой-то Ташкентъ, который умираетъ, но въ то же время знаю, что есть и Ташкентъ, который нарождается вновь. Эта преемственность Ташкентовъ поистинѣ пугаетъ меня. Вездѣ шаткость, всюду сюрпризы! Я вижу людей, работающихъ въ пользу идей несомнѣнно скверныхъ и пошлыхъ и сопровождающихъ свою работу возгласомъ: „поди! задавлю!“; и вижу людей, работающихъ въ пользу идей справедливыхъ и полезныхъ, но тоже сопровождающихъ свою работу возгласомъ: „поди! задавлю!“ Я не вижу рамокъ, тѣхъ драгоценныхъ рамокъ, въ которыхъ хорошее могло бы упразднить дурное безъ заупрековъ, безъ возгласовъ, обещающихъ задавить. Мнѣ скажутъ на это: всему причиной Ташкентъ древній, Ташкентъ установившійся, окрѣпшій. Пожалуй, я и на это согласенъ. Что Ташкентъ порождаетъ Ташкентъ, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но вѣдь это только доказываетъ, что пессимисты, усматривающіе въ будущемъ достаточно длинный рядъ Ташкентовъ, тоже не совсѣмъ не правы въ своей безнадежности. Утѣшительнаго въ этомъ объясненіи немного“.

Но типы ташкентцевъ далеко не исчерпываютъ собою всѣхъ сбившихся съ пути культурныхъ людей. Ташкентцы, готовые ради снисканія куска пирога совершать какія угодно злодѣяства,—люди энергическіе и хищные, а такихъ всегда бывало меньшинство. Большинство же культурныхъ людей въ теченіе семидесятыхъ годовъ принадлежало къ мягкому и рыхлому типу помѣщиковъ, которые, не думая о завтрашнемъ днѣ, проѣдали послѣднія выкупныя свидѣтельства и, спуская свои наследственные усадьбы Деруновымъ, безслѣдно исчезали во мракѣ нищеты и разоренія. Собирательнымъ типомъ подобныхъ прожигателей жизни является герой *Дневника провинціала*, Прокопъ, необузданный обжора, пьяница и сластолюбецъ, являющійся въ Петербургъ изъ провинціи «прожигать жизнь» и вмѣстѣ съ тѣмъ изыскивать средства для этого прожиганія.

Во второй главѣ *Дневника провинціала* Щедринъ проводитъ знаменательную параллель между жизнерадостностью дѣдушки Матвѣя Ива-

новича и тщетными усилиями «прожигать жизнь» его жалкихъ потомковъ, ни къ чему не приводящими ихъ, кромѣ пресыщенія и разочарованія.

„Мы, потомки дѣдушки Матвѣя Ивановича,—читаемъ мы,—опѣшали и убѣдились, что у насъ отъ нашего права не осталось ни капельки. Собранія наши малолюдны; мы не пикируемъ, потому что и пикироваться на манеръ пращуровъ не имѣемъ повода, а какимъ образомъ пикироваться на новый манеръ, еще не придумали. Съ другой стороны, Палашекъ, потому что это слишкомъ дорого; чтобы повясть хотя призракъ тѣхъ удовольствій, которыми пользовались наши пращуры, мы должны ѣхать въ Петербургъ и тамъ въ складчину, по два рубля съ рыла, облизываться на Шнейдершу, qui se gratte les jambes et les hanches. Но вѣдь Шнейдерша—достояніе общее, а при общедоступности доставляемаго ею удовольствія кто же изъ насъ можетъ сказать: „это моя Шнейдерша!“ какъ, бывало, говаривалъ Матвѣй Ивановичъ: „это моя Палашка!“ Дѣдушкѣ Матвѣю Ивановичу было надъ чѣмъ повластвовать, и онъ понималъ себя въ этомъ отношеніи не пятымъ колесомъ въ колесницѣ и не отставнымъ козы барабанщикомъ. Смотритъ онъ, напримѣръ, на дѣвку Палашку, какъ она кувырается, и въ то же время если не формулируетъ, то всѣмъ существомъ сознаетъ: „я съ этой Палашкой, что хочу, то и сдѣлаю, хочу—косу обстригу, захочу—за Антипку пастуха замужъ выдамъ“...

„Мы, потомки дѣдушки Матвѣя Ивановича, лишены такого сорта оживляющихъ эпизодовъ.—*Мы курицы не можемъ сдѣлать зла, ma parole!* говорилъ мнѣ на дняхъ мой другъ Сенья Бирюковъ:—объясни же мнѣ ради Христа, какого рода роль мы играемъ въ природѣ?“

Таковы темы большинства сатиръ семидесятыхъ годовъ. Въ каждой выставляется пореформенный помѣщикъ въ разныхъ отношеніяхъ къ новой жизни, заставшей его врасплохъ и увлекающей его роковымъ теченіемъ. Здѣсь вы не видите уже желчи и негодованія, преобладавшихъ въ сатирахъ первыхъ двухъ періодовъ. Господствующимъ чувствомъ является ѣдкая горечь, хандра. Скорбь автора носитъ субъективный характеръ. Смѣясь сквозь слезы надъ героями въ ихъ тяжелой борьбѣ съ новыми условіями жизни, авторъ оплакиваетъ и собственную участь, которую раздѣляетъ съ героями, принадлежа къ одной съ ними средѣ. Такія сатиры, какъ *Убѣжище Монрепо*, имѣютъ автобіографическій характеръ, являясь плодами личныхъ опытовъ, выстраданныхъ самимъ авторомъ.

Шедевромъ этого третьяго періода литературной дѣятельности Салтыкова являются *Господа Головлевы*. Многіе ставятъ это произведеніе наравнѣ съ *Мертвыми Душами* по изображенію существенныхъ и самобытныхъ чертъ русской жизни и по типичности выставляемыхъ личностей. Другіе утверждаютъ, что если бы забылись всѣ прочія произведенія Салтыкова, потерявши обаяніе современности, *Господа Головлевы* одни останутся незабвенными, такъ какъ въ нихъ Салтыковъ возвысился надъ преходящими явленіями и дошелъ до высшаго творческаго экстаза общечеловѣческихъ обобщеній. Особенно типъ Иудушки смѣло можно поставить рядомъ съ лучшими типами европейскихъ литературъ, Гартюфомъ, Донъ-Кихотомъ, Гамлетомъ, Лиромъ и т. п.—Самые ожесточенные враги Салтыкова, и тѣ преклоняются передъ этимъ произведеніемъ, объясняя высоту его отсутствіемъ тенденціозности.

На самомъ же дѣлѣ *Господа Головлевы* были навѣяны тѣми же злобами дня: именно тщетными попытками осмыслить праздное существованіе сбитыхъ со всѣхъ прежнихъ путей героевъ дешевой наживы, навязавъ имъ роль охранителей и распространителей сложившейся якобы вѣками своеобразной русской культуры. Отсюда вытекло и прозвище «культурные люди», явившееся какъ разъ въ это время въ московскихъ литературныхъ кружкахъ. Посмѣявшись вдосталь надъ этимъ прозвищемъ

и надъ ролью, какая навязывалась ташкентцамъ и Прокопамъ, Салтыковъ вознамѣрился показать, какова была пресловутая вѣковая «культура», охранить и насаждать которую призывались ташкентцы и Проконы. Результатомъ такого замысла и явились *Господа Головлевы*,— произведение, въ которомъ вы находите изображеніе старинной дореформенной помѣщицкой семьи во всемъ ужасающемъ безобразіи нравственной распущенности, отсутствія духовныхъ интересовъ и полного разложенія подъ личиною цинически-наглаго лицемѣрія. Вотъ какую культуру васъ призываютъ охранять и насаждать,—сказалъ Салтыковъ этимъ своимъ лучшимъ сочиненіемъ.—Однимъ словомъ, *Господа Головлевы* играютъ по отношенію къ прочимъ сатирамъ третьяго періода дѣятельности Салтыкова такую же роль заключительнаго слова и вѣнца, какую занимаетъ *Исторія одного города* по отношенію къ произведеніямъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ.

VIII.

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе на такой элементъ таланта Салтыкова, котораго мы до сихъ поръ не касались еще и который, представляясь не менѣе существеннымъ, чѣмъ сатирической, до сихъ поръ остается мало оцѣненнымъ. Именно—элементъ трагическій. Элементъ этотъ былъ упущенъ изъ виду не только критиками враждебнаго лагеря; но и критики дружественнаго направленія долгое время не замѣчали тѣхъ горькихъ слезъ, какія прорывались порою сквозь смѣхъ Щедрина. Стоитъ вспомнить Писарева съ его «*Цветами невиннаго юмора*».

Это зависѣло отъ того, что въ первые два періода дѣятельности Салтыкова смѣхъ преобладалъ въ его сатирахъ надъ слезами. Съ одной стороны время, крайне оживленное, располагало болѣе къ смѣху, чѣмъ къ плачу. Съ другой стороны и сатирикъ былъ моложе. Понятно, что чѣмъ долѣе живетъ человекъ, глубже всматривается въ жизнь и болѣе выноситъ изъ нея горькихъ опытовъ, тѣмъ болѣе является у него наклоности къ трагизму. Поэтому и у Салтыкова въ позднѣйшихъ сатирахъ, относящихся къ семидесятымъ и восьмидесятымъ годамъ, мы видимъ болѣе трагическихъ элементовъ, чѣмъ въ *Губернскихъ очеркахъ* или *Дневникъ провинціала*.

Этому соответствовалъ и характеръ семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ. Можно было осмѣивать Прокоповъ, пока они обжирались и проѣдали послѣднія выкупныя свидѣтельства, ташкентцевъ, пока они были болѣе смѣшны, чѣмъ страшны, и Молчалиныхъ, пока разладъ словъ и дѣлъ приводилъ ихъ лишь къ смѣшному искаженію образа и подобія Божія. Но въ семидесятые годы стало уже не до смѣху: мрачные тоны жизни ступились. Передъ Прокопами, успѣвшими все проѣсть, разверзлись грозныя пропасти. Ташкентцы начали возбуждать не одинъ смѣхъ, но и ужасъ. Молчалины же познали грозныхъ и нелюдуприятныхъ судей въ лицѣ своихъ подростковъ дѣтей. И вотъ изъ-подъ пера Салтыкова начали выступать безутѣшныя слезы, появился рядъ очерковъ, въ которыхъ черная, какъ ночь, хандра доходитъ мѣстами до безнадежнаго отчаянія. Это не байроновское разочарованіе, не скептической пессимизмъ

современной французской беллетристики. Салтыковъ никогда не доходилъ до потери вѣры въ человѣческую природу вообще, онъ лишь оплакивалъ печальную судьбу своихъ современниковъ, которые влачили жалкое существованіе, ничѣмъ не отличающееся отъ одиночнаго заключенія въ сыромъ, вонючемъ подвалѣ, и, куда ни обертывались, всюду находили подъ ногами разверзшіяся бездны, грозившія безславною и позорною гибелью. Это не трагизмъ высокихъ, титаническихъ страстей и экстраординарныхъ сдѣленій враждебныхъ обстоятельствъ, который читатели созерцаютъ со спокойнымъ духомъ, радуясь за свою участь и соображая, что мало ли чего не бываетъ на свѣтѣ, но они въ своей скромной и незамѣтной жизни, со своей умѣренностью и аккуратностью застрахованы отъ подобныхъ ужасовъ. Салтыковъ раскрываетъ трагическое въ повседневной будничной жизни, сплошь сотканной изъ мелочей и дразгъ, и читатель съ ужасомъ убѣждается, что никто отъ этого трагическаго не застрахованъ.

Такова, напримѣръ, сатира *Похороны*, въ которой раскрывается передъ нами трагизмъ жизни современнаго русскаго писателя. Мало того, что все хватающее васъ за сердце описаніе литературныхъ похоронъ въ цѣломъ исполнено мрачнаго трагизма,—въ рѣдкой фразѣ, взятой въ отдѣльность, не таятся особенная трагедія, не раскрываются передъ вами надрывающіе душу факты, примелькавшіеся намъ въ жизни. Возьмите для примѣра хотя бы такой фактъ, что хоронили Коршунова «на счетъ семидесяти пяти рублей, которые ассигновалъ литературный фондъ, предварительно впрочемъ удостовѣрившись, что покойный пилъ водку только передъ обѣдомъ и «не предаваясь». Обратите вниманіе на хмурое октябрьское небо, на горсть провожавшихъ сотрудниковъ, которымъ *всѣмъ было не по себѣ, всѣ или понуривши голову, какъ будто каждый думалъ: «вотъ скоро надорвусь и я... да и надъ чѣмъ надорвусь!»*

Чувство безочеловѣчной отчужденности и наготы,—читаемъ мы,—овладѣвало всякимъ при взглядѣ на эту бѣдную обетановку. Думалось, что везуть какого-то отщепенца, до котораго никому изъ „публики“ дѣла нѣтъ (а онъ именно для „публики“—то и жилъ, и ради „публики“ безвременно зачахъ и сошелъ въ могилу). Да и своихъ-то не особенно поражала эта потеря, потому что „свои“ уже давно освоились съ могилами. Даже больше чѣмъ просто „отщепенство“ тутъ видѣлось: казалось, что только по ошибочному неизреченному благосердію допущена эта бѣдная церемонія, предметомъ которой служила совершенно особенная и при томъ не вполне безопасная человѣческая разновидность, именуемая русскимъ писателемъ!“

А далѣе затѣмъ сколько надрывающаго душу заключается въ мартирологѣ Коршунова! Каждый средней руки писатель увидитъ здѣсь свою собственную жизнь и вслѣдъ за безсмертнымъ сатирикомъ воскликнетъ въ горькомъ отчаяніи: «Читатель, русскій читатель! Защити!..»

Не менѣе трагиченъ рассказъ *Дворянская хандра*, въ которомъ мы имѣемъ дѣло съ трагедіей современнаго интеллигентнаго культурнаго человѣка. Всю жизнь онъ питался надеждами и всюду «свалился».

„Къ чему я ни примазывался!—говоритъ онъ,—въ какомъ „хорошемъ“ дѣлѣ ни предлагалъ своихъ услугъ! Всѣ тогдашніе вопросы были моими личными кровными вопросами!.. Наконецъ, однако, мы надобно. Года два сряду мы любовались другъ другомъ, на третій—любоваться уже было нечѣмъ. Мы весь свой багажъ разбросали разомъ и ничего не сумѣли подобрать, такъ что Очутились совсѣмъ съ пустыми руками. Все измѣнилось кругомъ насъ: спросъ на наши услуги вдругъ понизился до минимума, снисходительныя улыбки превратились въ откровенно-вислосладкія; одни мы не измѣнились и продолжали высказывать назойливѣйшую готовность идти въ огонь и въ воду. Тогда, чтобы отдѣлаться отъ насъ, потребовалось употребить насилие... Что было потомъ, лучше не вспоминать.. замѣна вчерашняго лихорадочнаго „сованія“ сегодняшнимъ оцѣпенѣніемъ, это болѣе нежели неожиданность: это полный переворотъ. Нить жизни порвана, привычки нарушены, всѣ планы, всѣ стремленія, все, чѣмъ жилъ человѣкъ,—все

разомъ упразднено. Сколько могучаго презрѣнія долженъ почувствовать человекъ къ самому себѣ въ минуту совершенія этого переворота! Вѣдь, онъ все тотъ же: дѣятельный, преданный, одушевленный, и вдругъ... За что?.. за что? поймите, какаѣ масса безпомощности, самоуничтоженія, напрасныхъ укоровъ, безсильнаго ропота слышится въ одномъ этомъ вопрѣсѣ!..

И вотъ культурному человеку осталось лишь возвратиться въ дѣдовскую усадьбу и поселиться въ ней навсегда, но не затѣмъ, чтобы просвѣщать, распространять здравыя понятія о платежѣ недоимокъ или хозяйничать,—просто чувствовалась потребность за-живо имѣть гробъ. И современная усадьба своимъ разрушеніемъ, заброшенностью и безжизненнымъ уединеніемъ вполне соотвѣтствовала понятію о гробѣ.

Замуравливаніе себя за-живо въ гробъ интеллигентнымъ, культурнымъ человекомъ, познавшимъ свою ненужность въ жизни, и составляетъ содержаніе этого поистинѣ гробового разсказа. Всего ужаснѣе здѣсь та пропасть, которая отдѣляетъ подобнаго живого мертвеца отъ крестьянъ, окружающихъ гробъ его.

„Я изнываю отъ тоски,—говоритъ онъ,—отъ неудовлетворенной жажды поступковъ, наконецъ, отъ стыда, а мужикъ думаетъ: „вотъ оно хорошее-то житье!“ и думаетъ правильно, потому что его-то собственное житье ужъ таково, что даже суздальскимъ богомазамъ,—этимъ присяжнымъ изобразителямъ адскихъ мученій,—и тѣмъ не найти красокъ, чтобы достойнымъ образомъ воспроизвести это житье! Собственно говоря, только это вѣчноприсущее сравненіе между его гробомъ и моимъ и напоминаетъ ему обо мнѣ. Во всемъ остальномъ—ему до меня дѣла нѣтъ. Ни совѣтовъ ему моихъ не нужно, ни сочувствія. Въ томъ дѣлѣ, которое сопровождаетъ его жизненную агонію, я никакихъ поученій дать ему не могу, да и онъ самъ эти поученія встрѣтитъ съ нетерпѣніемъ, скажетъ: „уйди! не мѣшай!“ Что же касается до сочувствія, то и тутъ послѣдуетъ тотъ же отвѣтъ: „уйди! не мѣшай!“ Онъ не приметъ его за провію только потому, что вообще ничего неправаго, иносказательнаго не разумѣетъ, а просто-на-просто подумаетъ, что мое сочувствіе есть обыкновенное интеллигентное „сованіе“, только на этотъ разъ ужъ совсѣмъ неумѣстно-примѣненное. „И безъ тебя тошно,—а ты лѣзешь!“ Да лучше уже не „соваться“ и сидѣть смиренно въ своемъ собственномъ гробу и потихоньку умирать!“

Развѣ это не самая ужасная трагедія, присущая массѣ интеллигентныхъ, культурныхъ людей? *Лишніе люди*—это вѣчная болячка русской жизни.

Наконецъ, вотъ вамъ и чиновничья трагедія въ разсказѣ *Большое мѣсто*. Старики Разумовъ, чиновникъ средней руки, всю жизнь теръ трудовую лямку, наконецъ вышелъ въ отставку съ хорошей пенсіей и чиномъ тайнаго совѣтника, но не совсѣмъ по своей охотѣ,—его скovyрнулъ съ мѣста новый начальникъ Губошлеповъ безъ всякаго повода, просто такъ, чтобы показать, что онъ человекъ «системы». Разумовъ вернулся на родину, купилъ домикъ на Прохожей улицѣ, устроилъ, ухитилъ себя гнѣздо на славу и думалъ: «Вотъ теперь-то начнется настоящій покой!». И дѣйствительно «покой» начался, но не совсѣмъ тотъ, на который рассчитывалъ Разумовъ. Начался «покой» одиночнаго заключенія, подавляющій, преисполненный безразсвѣтной мглы,—тотъ «покой», который, однажды захвативъ человека, окружаетъ его непроницаемой стѣной, безъ дверей, безъ оконъ. Сидитъ человекъ за этой стѣной и ни о чемъ другомъ не мыслить, какъ лишь о томъ, что и въ немъ самомъ, и внѣ его все кончилось...

Но главная трагедія въ жизни Разумова заключается въ сынѣ Степанѣ, котораго онъ любилъ, лелѣялъ и тщательно воспитывалъ, потому что въ немъ видѣлъ единственную радость и счастье своей жизни. И вдругъ въ этомъ сынѣ ему пришлось найти грознаго судію всего его служебнаго поприща. Онъ былъ увѣренъ, что онъ «мухи не обидѣлъ» въ продолженіе

всей своей службы и всегда дѣлалъ «дѣло» по «сущей совѣсти». Но въ массѣ «клочковъ», которые ежедневно перебиралъ Разумовъ, было достаточно такихъ, которые для однихъ оканчивались нравственной обидой, для другихъ—матеріальными ущербами. Конечно, эти ущербы и обиды въ мнѣніи Разумова прикрывались представленіемъ о «вышемъ интересѣ» («такъ быть должно»), но бѣда состояла въ томъ, что онъ принималъ это представленіе на вѣру и даже не пытался анализировать его составныя части. Едва ли впрочемъ слова эти значили что-нибудь больше простого «приказанія».

Это раздвоеніе официальнаго и частнаго человѣка не обошлось даромъ Разумову. Оно привело сына его Степу къ тому, что въ одинъ прекрасный день передъ юношей встала слѣдующая дилемма: порвать или со своими кровными убѣжденіями, или съ отцомъ. Но любовь отца, ласки, которыя онъ всю жизнь рассыпалъ передъ сыномъ, его отеческія заботы и попеченія о единственномъ дѣтищѣ,—все это дѣлало разрывъ слишкомъ жестокимъ и невозможнымъ. И, чтобы вырваться изъ этого лабиринта, Степѣ открылась одна дорога: самоубійство.

Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ уже не такую безкровную трагедію, какъ предыдущія, а настоящую—кровоавую. Передъ нами раскрывается одно изъ тѣхъ многочисленныхъ юныхъ самоубійствъ, которыя въ продолженіе послѣднихъ 20 лѣтъ составляли самое заурядное явленіе жизни, и когда читаете вы эту трагедію, вамъ не до смѣха.

Мы указали лишь на три наиболѣе рѣзкіе образца трагическаго элемента въ сатирахъ Салтыкова. Но ими не исчерпываются проявленія этого элемента, и читатель самъ безъ труда въ обилии найдетъ ихъ въ произведеніяхъ двадцати послѣднихъ лѣтъ Салтыкова.

IX.

Сатиры Салтыкова, написанныя въ теченіе восьмидесятихъ годовъ, составляютъ четвертый и послѣдній періодъ его литературной дѣятельности. Характеръ этихъ произведеній, въ свою очередь, отличается отъ прежнихъ, что обусловливается опять-таки духомъ времени и возрастомъ автора. Восьмидесятые годы были временемъ полнаго общественнаго затишья; жизнь начала однообразно и монотонно течь день за днемъ, бѣдная выдающимися событіями. Ничто уже въ такой степени не волновало, не увлекало, не выводило изъ себя, какъ прежде. Понятно, что и характеръ, и тонъ сатиръ Салтыкова значительно измѣнились: на мѣсто саркастичнаго, желчнаго смѣха прежнихъ произведеній, является теперь величаво-эпическое, степенное созерцаніе, исполненное то глубокой скорби, то восторженнаго пагоса. Передъ вами уже не юноша и не человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, котораго все волнуетъ и возмущаетъ и который къ тому же живетъ въ такую горячую эпоху, когда событія быстро спѣшатъ одно за другимъ, и онъ едва успѣваетъ отзываться на нихъ въ фельетонахъ, ловящихъ настоящій моментъ. Бывали годы, когда написанная въ мартѣ мѣсяцѣ сатира Щедрина въ сентябрѣ являлась чѣмъ-то опоздавшимъ. Совсѣмъ не то мы видимъ теперь; не спѣшила общественная жизнь, не для чего было спѣшить и умудренному опытомъ старцу.

Уже одно то обстоятельство, что вниманіе его вмѣсто того, чтобы по-

глотаться новыми фактами, привлекалось повторяющимися изо дня въ день, привычными, придавало сатирамъ его восьмидесятихъ годовъ еще болѣе обобщающій характеръ. Сатирикъ еще болѣе чѣмъ прежде началъ постигать значеніе въ жизни мелочей и трагическое вліяніе ихъ на судьбу человѣка.

„Ахъ, эти мелочи!—воскликаетъ теперь сатирикъ,—какъ честочный зудень впиваются онѣ въ организмъ человѣка и точать, и жгутъ его. Сколько всевозможныхъ „союзовъ“ опутало человѣка со всѣхъ сторонъ... Сколько каждый индивидуумъ ухитряется придумать лично для себя всякихъ стѣсненій!.. И всему этому, и пришедшему извнѣ, и придуманному ради удовлетворенія личной мнительности, онъ обязывается послужить, т. е. отдать всю жизнь. Нѣтъ мѣста для работы здоровой мысли, нѣтъ свободной минуты для плодотворнаго труда... Мелочи, мелочи—заполнили всю жизнь!“

И вотъ Салтыковъ пишетъ рядъ скорбныхъ рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ *Мелочи жизни*, въ которыхъ показываетъ трагическое значеніе въ жизни мелочей на герояхъ, взятыхъ изъ разнородныхъ слоевъ общества, начиная съ великосвѣтскихъ питомцевъ привелегированныхъ заведеній и кончая мужикомъ и городскимъ пролетаріемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ творческая фантазія Салтыкова начинаетъ созерцать жизнь въ ея общихъ и существенныхъ элементахъ, присущихъ не одной русской жизни, а общечеловѣческихъ. Результатомъ такихъ созерцаній и являются «Сказки», въ которыхъ Салтыковъ выступаетъ сатирикомъ человѣческой жизни въ ея вѣковомъ укладѣ и обнаруживаетъ глубокое знаніе человѣческаго сердца, ставящее его на одномъ ряду съ величайшими писателями Европы.

Сказки Салтыкова можно раздѣлить на три разряда. Однѣ изъ нихъ заключаютъ фабулы, взятая изъ русской дѣйствительности, безъ всякихъ иносказаній. Таковы: *Обманщикъ газетчикъ и легковѣрный читатель*, *Иерушечнаго дѣла лодички*, *Недреманное око*, *Дуракъ*, *Сосѣди*, *Деревенскій пожаръ*, *Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прожормилъ*. Другія носятъ характеръ животнаго эпоса, басни; наконецъ, двѣ сказки, *Христовая ночь* и *Рождественская сказка*,—преисполнены религіознаго пафоса и представляютъ своего рода profession de foi автора. Эти двѣ сказки заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что составляютъ противоположный полюсъ относительно всѣхъ остальныхъ. Если бы онѣ не были написаны, остальные сказки давали бы поводъ предполагать, что Салтыковъ подъ конецъ жизни едѣлся скептикомъ и пессимистомъ, утратилъ вѣру въ людей и въ возможность торжества правды, и въ основѣ жизни поставилъ неумолимо жестокой законъ борьбы за существованіе, признавши его фатальную и жестокую неизбѣжность. Такъ, напримеръ, возьмите вы хотя бы такія соображенія въ сказкѣ *Блудный волкъ*:

„Однако жъ не по своей волѣ волкъ такъ жестокъ, а потому что комплекція у него каверзная; ничего онъ кромѣ мясного ѣсть не можетъ. А чтобы достать мясную пищу, онъ не можетъ иначе поступать, какъ живое существо жизни лишитъ. Однимъ словомъ, *обязывается* учинять злодѣйство, разбой.“

„Нелегко ему пропитаніе его достается. Смерть-то, вѣдь, никому не сладка, а онъ именно только со смертью ко всякому лѣзетъ. Поэтому кто посылитъ, самъ отъ него обороняется, а иного, который самъ защищаться не можетъ, другіе обороняютъ. Частенько-таки волкъ голодный ходить, да еще съ помѣтными боками вдобавокъ. Сидеть онъ въ ту пору, подниметъ рыло къверху и такъ прозвательно воетъ, что на верету кругомъ у всякой живой твари отъ страха да отъ тоски душа въ пятки уходитъ. А волчица его еще тоскливѣе подвываетъ, потому что у нея волчата, а накормить ихъ нечѣмъ.“

„Нѣтъ того звѣря на свѣтѣ, который не ненавидѣлъ бы волка, не проклиналъ бы его. Стономъ стонетъ весь лѣсъ при его появленіи: „Проклятый волкъ! убійца! душегубъ!“ И бѣжить онъ впередъ да

впередъ, голову повернуть не смѣетъ, а вдогонку ему: „разбойникъ, живорѣзь!“ Уволокъ волкъ съ мѣсяцъ тому назадъ у бабы овцу—баба-то и о сю пору слезъ не осушила: „проклятый волкъ! душегубъ!“ А у него съ тѣхъ поръ маковой росинки въ пасти не было: овцу-то сожралъ, а другую зарѣзать не пришлось... И баба воетъ, и онъ воетъ... Какъ тутъ разберешь?“

„Говорятъ, что волкъ мужика обездоливаетъ; да, вѣдь, и мужикъ тоже обозлится, куда лють бываетъ! И дубьемъ-то онъ его бьетъ, и изъ ружья въ него палитъ, и волчьи ямы роетъ, и капканами ставитъ, и облавы на него устраиваетъ. „Душегубъ! разбойникъ!“ только и раздается про волка въ деревняхъ: „последнюю корову зарѣзали, остатнюю овцу уволокъ!“ А чѣмъ онъ виноватъ, коли иначе ему прожить на свѣтѣ нельзя?“

„И убьешь-то его, такъ проку отъ него нѣтъ. Мясо—негодное, шкура—жесткая, не грѣетъ. Только и корысти-то, что вдоволь надъ нимъ, проклятымъ, потѣшишься, да на вилы живьемъ подымешь: „пускай, гадина, капля по каплѣ кровью исходить!“

„Не можетъ волкъ, не лишая живота, на свѣтѣ прожить,—вотъ въ чемъ бѣда! Но, вѣдь, онъ того не понимаетъ. Если его злодѣемъ зовутъ, такъ, вѣдь, и онъ зоветъ злодѣями тѣхъ, которые его преслѣдуютъ, увѣчатъ, убиваютъ. Развѣ онъ понимаетъ, что своею жизнью другимъ жизнямъ вредъ наноситъ? Онъ думаетъ, что живетъ—и только всего. Лошадь тяжести возитъ, корова даетъ молоко, овца—волну, а онъ разбойничаетъ, убиваетъ. И лошадь, и корова, и овца, и волкъ—всѣ живутъ, каждый по своему.“

Та же философія фатальности взаимнаго пожирания еще болѣе ярко выставляется въ сказкѣ *Карась-идеалистъ*, который жестоко посярмляется со своими мечтами о томъ, что справедливость восторжествуетъ, сильные не будутъ тѣснить слабыхъ, богатые—бѣдныхъ, объявится такое общее дѣло, въ которомъ всѣ рыбы своей интересъ будутъ имѣть, и каждая свое дѣло будетъ дѣлать, и онъ такія слова знаетъ, что любая щука отъ нихъ въ одну минуту въ карася превратится. Въ отвѣтъ на всѣ его мечты ершъ окачиваетъ его холодной водой, развивая ту же философію, какую мы видимъ въ *Бѣдномъ волкѣ*.

„Слушай, дурья порода!—говоритъ онъ:—ѣдятъ-то развѣ „за что“? Развѣ потому ѣдятъ, что казнить хотятъ? ѣдятъ потому, что ѣсть хочется, только и всего. И ты, чай, ѣшь: не попусту носомъ-то въ нѣръ роешься, а ракушекъ вылавливаешь. Имъ, ракушкамъ, жить хочется, а ты, простофиля, ими мамонъ съ утра до вечера набиваешь. Сказывай, какую такую онъ вину передъ тобою сдѣлалъ, что ты ихъ ежеминутно казнишь? Помнишь, какъ ты намердился говорить: „Вотъ кабы всѣ рыбы между собою согласились!“ А что, если бы ракушки между собою согласились,—сладко ли бы тебѣ, простофиля, тогда было?“

Вопросъ былъ такъ прямо и такъ неприятно поставленъ, что карась сконфузился и слегка покраснѣлъ.

— Но ракушки, вѣдь, это... пробормоталъ онъ смущенно.

— Ракушки—ракушки, а караси—караси. Ракушками караси лакомятся, а карасями—щуки. И ракушки ни въ чемъ неповинны, и караси не виноваты, а и тѣ, и другіе должны отвѣтъ держать. Хоть это лѣтъ обь этомъ думай, а ничего другого не выдумаешь...

И, какъ-бы въ доказательство этой жестокой правды, карась былъ проглоченъ щукой, едва лишь произнесъ свое завѣтное слово: «Знаешь ли ты, что такое добродѣтель».

Совершенно противоположную философію содержать *Христова ночь* и *Рождественская сказка*. Здѣсь на-смѣну жестокой правды борьбы за существованіе и взаимной вражды является вѣковѣчная правда божественной любви, и авторъ проникается ею до глубины души. Такъ, въ сказкѣ *Христова ночь* представляется пасхальная ночь. Передъ вами тоскливый сѣверный ландшафтъ, въ которомъ авторъ обращаетъ вниманіе на печать сиротливости, заброшенности и убожества, лежащую и на застывшей равнинѣ, и на безмолвствующемъ проселкѣ; все сковано, безпомощно и безмолвно, словно задавлено невидимой, но грозной кабалой. И вдругъ вся окрестность внезапно ожила при звонѣ колоколовъ и безчисленныхъ огней, озарившихъ шпили церквей. По дорогѣ потянулись вереницы деревенскаго люда; впереди шли люди сѣрые, замученные

жизнью и нищетою; за ними, поодаль, слѣдовали въ праздничныхъ одеждахъ деревенскіе богачи, кулаки и прочіе властелины деревни. Но вскорѣ толпы утонули въ глубинѣ проселка, замеръ въ воздухѣ послѣдній ударъ призывнаго благовѣста, и все опять торжественно смолкло. Глубокая тайна почувалась въ этомъ внезапномъ перерывѣ начавшагося движенія, какъ будто за наступившимъ молчаніемъ надвигалось чудо, долженствующее вдохнуть жизнь и возрожденіе. И точно: не успѣлъ еще заалѣть востокъ, какъ желаемое чудо совершилось. Воскресъ поруганный и распятый Богъ! воскресъ Богъ, къ Которому искони огорченные и негодующія сердца вопіютъ: «Господи! поспѣшай!»

Воскресшій Богъ сначала благословилъ землю и воды, звѣрей и птицъ и сказалъ имъ, что Онъ принесъ весну, тепло и свѣтъ, что Онъ напоятъ и напоитъ птицъ и звѣрей и наполнитъ природу ликованіемъ. «Вы не судимы,—обратился Онъ къ тварямъ,—ибо выполняете лишь то, что вамъ дано отъ начала вѣка...»

Благословивши природу, Воскресшій обратился къ людямъ. Первыми вышли навстрѣчу къ Нему люди плачущіе, согбенные подъ игомъ работы и загубленные нуждою. И когда Онъ сказалъ имъ: «миръ вамъ!»—то они наполнили воздухъ рыданіями и пали ницъ, молчаливо прося объ избавленіи. И вотъ Онъ привѣтствовалъ ихъ за то, что они чистыми сердцами беззавѣтно увѣровали въ Него потому только, что проповѣдь Его заключаетъ въ себѣ правду, безъ которой вселенная представляетъ собою вмѣстелище погубленія, адъ кромѣшный. Люби Бога и люби ближняго, какъ самого себя,—вотъ эта правда во всей ея ясности и простотѣ, и она наиболѣе доступна не богословамъ и начетчикамъ, а именно имъ, простымъ и удрученнымъ сердцамъ. Они вѣрятъ въ эту правду и ждутъ ея пришествія. И вотъ Спаситель возвѣстилъ имъ, что хотя никто не предвидитъ впередъ, когда пробьетъ ихъ часъ, но онъ уже приближается. Пробьетъ этотъ желанный часъ и явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма. И они свергнутъ съ себя иго тоски, горя и нужды, которое удручаетъ ихъ.

Затѣмъ, увидѣвши толпу богатѣевъ, мироѣдовъ, жестокихъ правителей, татей и т. п., Спаситель остановился и передъ ними, и, порицая ихъ за то, что зло наполнило все содержаніе ихъ жизни, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возвѣстилъ, что и передъ ними Онъ открылъ путь ко спасенію. Этотъ путь—судъ ихъ собственной совѣсти. Она раскроетъ передъ ними прошлое ихъ во всей его наготѣ; она вызоветъ тѣни погубленныхъ ими и поставитъ ихъ на стражѣ у изголовья ихъ. Скрежетъ зубовой наполнитъ дома ихъ, жены не признаютъ мужей, дѣти—отцовъ. Но когда сердца ихъ засохнутъ отъ скорби и тоски, когда ихъ совѣсть переполнится, какъ чаша, не могущая вмѣстить переполняющей ее горечи,—тогда тѣни погубленныхъ примирятся съ ними и откроютъ имъ путь ко спасенію. Не будетъ тогда ни татей, ни душегубцевъ, ни мздоимцевъ, ни ханжей, ни неправедныхъ властителей, и все одинаково возвеселятся за общою трапезою обитали Его.

Наконецъ Спаситель, увидя повѣсившагося въ отчаяніи предателя, повелѣлъ ему сойти съ дерева и, предавши проклятію, обрекъ его на вѣчное странствіе. И ходитъ онъ поднесъ по землѣ, разѣвая смуту, измѣну и рознь.

Такою же философіею проникнута и *Рождественская сказка*. Философія эта, обнаруживая сокровенные идеалы Салтыкова, служитъ прекраснымъ противовѣсомъ тому ложному пониманію евангельскаго ученія, какое обнаруживали въ послѣднее десятилѣтіе нѣкоторые наши писатели. Здѣсь мы видимъ не проповѣдь мертвѣго застоя, рабскаго уничтоженія и оправданія пассивнаго отношенія къ господствующему злу тою противостественною теоріею, будто страданіе очищаетъ нашу душу, и посему каждый смертный безропотно долженъ переносить иго его. Напротивъ того, великое ученіе представляется здѣсь именно въ такомъ видѣ, какъ понимаетъ его народъ, а народъ понимаетъ его, конечно, лучше, чѣмъ всѣ наши суетные умники. Въ этой солидарности съ народомъ относительно пониманія ученія Христова заключается, между прочимъ, значеніе Салтыкова, какъ писателя поистинѣ народнаго.

Пошехонскою стариною заканчивается дѣятельность Салтыкова. Въ этомъ предсмертномъ произведеніи Салтыковъ словно будто очистился, отрѣшился отъ всѣхъ преходящихъ злобъ дня и суетъ и, углубившись въ давно прошедшіе годы, въ величаво спокойной, исполненной высокохристіанской любви и гуманности эпопей воспроизвелъ помѣщичій бытъ эпохи крѣпостнаго права, какъ до сихъ поръ никто еще его не воспроизводилъ. Эта полу-автобіографическая, полу-художественная хроника находитъ себѣ блѣдное подобіе развѣ что въ *Семейной хроникѣ* С. Аксакова, но, конечно, у благодушнаго С. Аксакова вы не встрѣтите и тѣни ни того глубокаго проникновенія въ основы изображаемаго быта, ни того знанія человѣческаго сердца, ни той горькой и неліцепріятной правды.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

I. Николай Герасимовичъ Помяловскій. Его дѣтство, воспитаніе и семинарскіе годы.—II. Остальные годы его жизни.—III. Характеристика его сочиненій: *Очерки бурсы*, *Мѣщанское счастье*, *Молотовъ*, *Братъ и сестра*, *Поръчане*.—IV. Возникновеніе идеалистической школы беллетристики *Русскаго Слова*, причины ея развитія и особенности ея. Алексѣй Константиновичъ Шеллеръ. Главные факты его жизни.—V. Характеристика его произведеній.—VI. Николай Федотовичъ Бажинъ. Игнатій Васильевичъ Федоровъ (Омулевскій).—VII. Константинъ Михайловичъ Станюковичъ. Дмитрій Константиновичъ Гирсъ. Иванъ Афонасьевичъ Кущевскій.

I.

Изъ молодыхъ беллетристовъ-публицистовъ демократическаго лагеря первое мѣсто безспорно занимаетъ Николай Герасимовичъ Помяловскій. Онъ былъ петербуржець. Отець его, дьяконъ мало-охтенской кладбищенской церкви, былъ человѣкъ кроткій и гуманный, такъ что въ родительскомъ домѣ Помяловскій не испыталъ и тѣни деспотизма, и тѣмъ тяжелѣе было переносить ему иго бурсы. Родился онъ въ 1835 г. Первыми товарищами дѣтства его были охтяне, съ которыми онъ участвовалъ на разныхъ сходкахъ и играхъ. Близость рѣки и рыболовный промыселъ охтянъ рано развили въ Помяловскомъ любовь къ рыбной ловлѣ, которую онъ сохранилъ до смерти. Цѣлыми днями проводилъ онъ на гонкахъ съ удочкой въ рукахъ или на тоняхъ, толкуя съ пріятелями-рыболовами. Съ сверстниками сходилъ мало и больше придерживался взрослыхъ.

Мальчикъ былъ здоровый, бойкій и смышленный. Не мало вліяли на него кладбище, гробы, покойники, погребальныя шествія, пѣніе панихидъ, и, конечно, этимъ впечатлѣніямъ онъ былъ обязанъ мрачно-скептическимъ гамлетизмомъ, который подъ кличкою «кладбищенство» изобразилъ въ одномъ изъ героевъ своихъ, Череванинѣ.

Грамотѣ выучилъ Помяловскаго самъ отецъ. Потомъ онъ былъ отданъ въ какую-то дешевую школу на Охтѣ, но пробылъ въ ней не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Когда же мальчику минуло восемь лѣтъ, отецъ отдалъ его въ Александро-Невское духовное училище, и начались для него долгіе годы той каторги, какую онъ изобразилъ потомъ въ своихъ *Очеркахъ бурсъ*. Наибольшее автобиографическое значеніе имѣетъ четвертый очеркъ, *Бѣгуны и спасенные*, гдѣ, подъ именемъ Карася, авторъ изобразилъ самого себя. По этому очерку можно судить, сколько мученій перенесъ новичекъ въ первые дни своего пребыванія въ бурсѣ, когда товарищи старались обколотить его, запугать и превратить въ бурсака. Плохо пришлось бы ребенку, если бы за него не вступился и не принялъ его подъ свое покровительство нѣкій Силычъ, находившійся въ дружбѣ со старшимъ братомъ Помяловскаго. Подъ этой защитой Помяловскій могъ встать на ноги, оглядѣться и мало-по-малу самъ превратился въ бурсака. Крайне впечатлительный по природѣ, подъ гнетомъ вѣчнаго мордобитія и общаго безначалія, онъ сдѣлался осмотрителемъ, недоувѣрчивъ и на каждого глядѣлъ какъ на разбойника, могущаго придушить его. Учиться сталъ онъ плохо, и въ слѣдующемъ классѣ просидѣлъ вмѣсто двухъ четырехъ года. Учителя сперва жестоко сѣкли его, а потомъ и сѣчь перестали. Всего Помяловскаго высѣкли въ бурсѣ, по его словамъ, четыреста разъ, такъ что впослѣдствіи онъ частенько задавалъ вопросъ: «пересѣченъ я или недосѣченъ?» Кроме того, ему чуть не каждый день приходилось стоять на колѣняхъ, быть безъ обѣда и пр. Но онъ мужественно выносилъ всѣ эти мученія, а учиться все-таки не сталъ. Съ поркой онъ потомъ свыкся, колѣнъ не жалѣлъ: «на этихъ мѣстахъ,—говаривалъ онъ,—у меня слоновая кожа выросла, потѣшайся, сколько хочешь, мнѣ все равно»; но одного наказанія выносить онъ не могъ—неувольненія въ городъ: съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ всегда субботняго дня, и начальство пользовалось этимъ средствомъ, чтобы заставить его учиться.

Восемь лѣтъ пробылъ Помяловскій въ училищѣ и въ 1851 году перешелъ въ Александро-Невскую семинарію. Здѣсь онъ имѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшую обстановку: болѣе сносную одежду и столъ, и розги лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Семинарская схоластика не особенно увлекла живого мальчика, зато тѣмъ болѣе пристрастился онъ къ книгамъ, читая все, что ни попадалось подъ руки, начиная съ сонника и пѣсенника до романовъ Воскресенскаго. Въ старшемъ классѣ былъ затѣянъ наиболѣе дѣльными товарищами рукописный журналъ, который назывался *Семинарскимъ листкомъ* и выходилъ разъ въ недѣлю тетрадами отъ 3-хъ до 5-ти листовъ мелкаго писма. Большая часть статей въ *Листкѣ* принадлежала Помяловскому, который помѣщалъ ихъ подъ псевдонимомъ «Тамбовскій Семинаристъ». Уже тогда обнаружилась у него склонность къ широкимъ и всеобъемлющимъ планамъ. Такъ, онъ рассчитывалъ, что *Листокъ* черезъ весь курсъ пройдетъ, что общими силами издатели выяснятъ идеалъ семинариста, узнаютъ свои силы,

заведутъ корреспондентовъ во всѣхъ другихъ семинаріяхъ. Эти мечты оправдывались тѣмъ общимъ оживленіемъ, какое охватило весь классъ: товарищи выписали въ складчину газету; по ночамъ устраивались домашніе театры, танцы, музыка и попойки. Но это продолжалось недолго. Произошла какая-то исторія, вслѣдствіе которой было исключено восемь человѣкъ лучшихъ и наиболѣе воспріимчивыхъ товарищей. Прочіе упали духомъ: на всѣхъ нашла апатія. *Листокъ* тоже началъ падать и на 7-мъ выпускѣ прекратился. Въ этомъ выпускѣ Помяловскій помѣстилъ начало своего разсказа *Машиловъ*, который произвелъ большое впечатлѣніе на классъ и обнаружилъ впервые въ авторѣ проблески недюжиннаго таланта.

Въ 1857 году Помяловскій кончилъ курсъ семинаріи, ничего не вынеся изъ четырнадцатилѣтняго ученія, кромѣ множества текстовъ, безсвязныхъ отрывковъ разныхъ наукъ, блужданія въ схоластико-мистическихъ умствованіяхъ, мрачнаго озлобленія и ожесточенія послѣ всѣхъ перенесенныхъ истязаній и несправедливостей и гибельной привычки къ вину. По окончаніи курса онъ поселился у матери и принялся за обученіе маленькаго брата. «Самъ погибъ,—говорилъ онъ,—но брату погибнуть не дамъ и въ бурсу не пущу! Я разскажу ему все, до чего додумался: человѣкомъ, можетъ быть, сдѣлаю!» Съ жаромъ ухватился онъ за эту мысль, сталъ читать педагогическія сочиненія, ломая голову надъ разными теоріями воспитанія. Пересматривая критически учебники и не видя въ нихъ настоящаго смысла, онъ началъ самъ писать учебникъ географіи и написалъ по этому предмету до десяти листовъ. Въ свободное время онъ поглощалъ всевозможные книги и журналы, занимался частными уроками, участвовалъ въ хорѣ любителей въ Симеоновской церкви, ѣздилъ съ причтомъ о рождествѣ и о пасхѣ славить Христа, читалъ съ дьячками по покойникамъ и проч.

Между прочимъ, написалъ онъ нѣсколько педагогическихъ статей и беллетристическихъ очерковъ. Одинъ изъ этихъ очерковъ *Вуколь* онъ снесъ въ редакцію *Журнала для воспитанія* Чумикова. Очеркъ былъ напечатанъ подъ всевдонимомъ Герасимова, и Чумиковъ пригласилъ Помяловскаго сотрудничать въ журналѣ. Поощренный успѣхомъ, Помяловскій вскорѣ напечаталъ и другой свой очеркъ *Долбня*, но онъ не жаловалъ этого очерка, считалъ его неудавшимся.

II.

Прошло два года съ окончанія курса, а Помяловскій все еще оставался безъ мѣста. Родственники, не придававшіе значенія его литературнымъ занятіямъ, уговаривали его пристроиться хоть на дьяконское мѣсто, чтобы имѣть возможность поддерживать семейство. Помяловскій не выразилъ особенно энергическаго протеста, и родные отыскали ему невѣсту съ дьяконскимъ мѣстомъ, но невѣста, прослышавъ, что женихъ попиваетъ, отказала ему. Ему отыскали другую невѣсту въ Царскомъ Селѣ и уговорили отправиться на смотрины. Жениха снарядили въ дорогу, одѣли его во фракъ и отправили къ царскосельскому вокзалу, но съ половины дороги онъ сбѣжалъ. Невѣста подождала его нѣсколько времени и дала слово другому. Болѣе его не тревожили. Да и самъ онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ менѣе и менѣе призванія къ духовному званію.

Умственное развитіе направляло его совѣмъ въ другую сторону. Проводя дни и ночи за книгами, съ особеннымъ вниманіемъ читалъ онъ *Современникъ*, каждой книжки ожидая какъ праздника. Статьи Чернышевскаго и Добролюбова перечитывалъ по нѣскольку разъ, вдумываясь въ каждую фразу, но особенно сильнымъ толчкомъ въ развитіи былъ обязанъ университету. Весь Петербургъ въ то время ломился въ двери университета и наполнялъ его аудиторіи. Общимъ теченіемъ былъ увлеченъ и Помяловскій: тоже пошелъ послушать. Попалъ онъ на лекцію Стасюлевича, когда тотъ читалъ о значеніи библейскихъ пророковъ въ исторіи развитія человѣчества. Какъ шальной вернулся онъ съ лекціи. Наплывъ новыхъ свѣдѣній, новыя мысли, свѣжій, свободный говоръ университетской молодежи,—все это глубоко потрясло чуткую натуру Помяловскаго, и онъ сдѣлался ревностнымъ посѣтителемъ университета. Такая страшная борьба началась въ головѣ его, что онъ ходилъ какъ полупомѣшанный, не ѣлъ, не спалъ, исхудалъ, ослабѣлъ; его никто не могъ узнать. Съ большимъ рвеніемъ принялся онъ поглощать книги, съ цѣлью разрѣшить во что бы то ни стало проклятыя сомнѣнія, но не легко было отдѣлаться ему отъ мистицизма, глубоко вѣдрившагося въ немъ долгими годами семинарскаго воспитанія. Приходилось разбивать пунктъ за пунктомъ, и каждая мысль отрывалась съ болью послѣ жестокой, усиленной борьбы. Зато, когда борьба совершилась, и новыя идеи одолѣли, съ жаромъ кинулся Помяловскій въ водоворотъ общественнаго движенія, которое было въ то время въ самомъ разгарѣ. Въ октябрѣ 1860 года съ компаніей студентовъ-пріятелей поступилъ онъ преподавателемъ въ воскресную школу на Шлисельбургской дорогѣ, при чемъ по своей увлекающейся натурѣ не замедлилъ весь уйти въ это дѣло, и подобно тому, какъ при изданіи семинарскаго *Листка*, и теперь началъ строить широчайшіе планы. Онъ мечталъ, что всѣ воскресныя школы соединятся между собою, заведутъ отдѣльные листокъ, гдѣ будутъ печататься болѣе замѣчательные факты, приемы преподаванія, статистическія и этнографическія свѣдѣнія, наконецъ будутъ издаваться отдѣльныя брошюры, практическія компіляціи изъ болѣе полезныхъ и интересныхъ для народа книгъ, изъ которыхъ составится потомъ и народная бібліотека, и проч.

Оригинальный методъ преподаванія Помяловскаго обратилъ на себя вниманіе Тимаева, наблюдавшаго за преподаваніемъ въ школѣ по порученію попечителя учебнаго округа. Тимаевъ познакомилъ юношу съ инспекторомъ Смольнаго института, Ушинскимъ, и тотъ предложилъ ему уроки въ институтѣ. Назначена была пробная лекція. Помяловскій прочелъ ее удачно, при чемъ требовалъ, чтобы воспитанницы не имѣли при себѣ экземпляровъ *Дѣтскаго міра*, а разсказывали прочитанное изъ этой книги со словъ учителя. Но, придя на слѣдующій урокъ, онъ увидѣлъ, что книги розданы воспитанницамъ на руки, и онѣ вызубрили урокъ слово въ слово. Помяловскій повторилъ свое распоряженіе; на третьей лекціи—опять то же самое. Говорилъ онъ объ этомъ Ушинскому,—не помогло, и Помяловскій больше на лекцію не пошелъ, несмотря на то, что плата за урокъ ему обѣщана была хорошая, а онъ нуждался до того, что приходилось зарабатывать деньги перепискою.

Это бѣдственное матеріальное положеніе прекратилось лишь съ появленіемъ въ февральской книжкѣ *Современника* 1861 года *Мѣщанскаго*

счастія. Произведеніе это сразу выдвинуло Помяловскаго въ ряды лучшихъ беллетристовъ, привлекиши вниманіе публики и критики въ лицѣ Д. И. Писарева, посвятившаго ему одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ статей *Романъ кисейной барышни*. Помяловскій познакомился съ Чернышевскимъ и прочими членами редакціи, приобрѣлъ много и другихъ литературныхъ знакомствъ; его хвалили, льстили ему въ глаза. Къ сожалѣнію, получивши за повѣсть такія деньги, какихъ у него до того времени никогда не было въ рукахъ, Помяловскій съ толпою пріятелей съ радости закутилъ до бѣлой горячки и долженъ былъ поступить въ Обуховскую больницу, гдѣ, пролежавъ около мѣсяца, началъ писать повѣсть *Молотовъ*, которая была напечатана въ октябрьской книжкѣ *Современника* за 1861 годъ. Повѣсть эта довершила извѣстность и репутацію автора. Онъ завелъ обширный кругъ знакомства; редакціи наперерывъ приглашали его къ себѣ; ему пришлось даже побывать въ нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, отъ которыхъ впрочемъ онъ скоро отшатнулся по своей слишкомъ несвѣтской и мрачной бурсацкой натурѣ.

Матеріальное положеніе его, въ свою очередь, улучшилось. Онъ сталъ получать опредѣленное денежное обезпеченіе отъ редакціи *Современника*; впрочемъ, это не избавило его отъ нужды: онъ мало дорожилъ деньгами и не зналъ имъ цѣны. Получивъ гонораръ, онъ торопился скорѣе истратить его; давалъ нищимъ по пяти рублей, извозчикамъ по три; подвернется пріятель, — хоть все бери, а потомъ самъ идетъ доставать рублишко въ долгъ. Сойдясь съ массою пишущей братіи, онъ и здѣсь не замедлилъ проявить свою организаторскую жилку, неоднократно сказывавшуюся въ немъ въ созидаціи широкихъ замысловъ. Такъ, онъ проповѣдывалъ идею общиннаго литературнаго труда, мечталъ организовать общество писателей для изслѣдованія разныхъ сторонъ общественнаго быта. «Я, — говорилъ онъ, — на примѣръ, возьму на свою долю всѣхъ Петербургскихъ нищихъ, буду изучать ихъ бытъ, привычки, языкъ, побужденія къ ремеслу и все это описывать въ точныхъ картинахъ; другой возьметъ мелочныя лавочки для такихъ же изученій, третій — пожарную команду и т. д. Всѣ добытыя свѣдѣнія будемъ помѣщать въ особомъ, реальномъ журналѣ, устроенномъ на общихъ началахъ, и изъ этихъ свѣдѣній, взятыхъ цѣликомъ изъ жизни, впоследствии явится довольно полная картина нашего Петербургскаго быта». Сочувствіе къ этому проекту Помяловскій встрѣтилъ во многихъ, но далѣе сочувствія дѣло не пошло.

Вообще въ послѣдніе два года жизни, какъ бы предчувствуя близкую смерть, Помяловскій обнаруживалъ необычайную энергію въ разнородной дѣятельности: посѣщалъ публичныя лекціи, участвовалъ въ литературныхъ чтеніяхъ, ѣздилъ въ воскресную школу, гдѣ одно время былъ даже распорядителемъ по педагогической части, спорилъ въ комитетѣ воскресныхъ школъ, принималъ участіе въ составленіи букваря для этихъ школъ и проч. Онъ даже пробовалъ быть критикомъ и по смерти Добролюбова принялся было по предложенію редакціи *Современника* за разборъ романа Ахшарумова *Чужое имя*, но не кончилъ этого разбора.

Въ то же время не съ меньшей энергіею занимался онъ своими беллетристическими работами, обезсмертившими его имя. Такъ, въ теченіе тѣхъ же двухъ лѣтъ онъ написалъ *Очерки бурсы*, *Поръчане*, обдумывалъ

и набросалъ нѣсколько сценъ большого романа *Братъ и сестра*. Пережитый имъ въ жизни романъ натолкнулъ его на планъ романа *Каникулы* или *Гражданскій бракъ*, въ которомъ онъ намѣревался изобразить невинную, нѣсколько экзальтированную дѣвушку, попавшую въ общество людей въ родѣ Ситниковыхъ и Кукшиныхъ. Эти люди отуманили ее напыщенными фразами, не давъ никакого положительнаго понятія о жизни, и соблазнили ее вступить въ такъ называемый гражданскій бракъ. Помяловскій былъ намѣренъ показать тотъ грязный цинизмъ, какой прикрывали эти мнимые прогрессисты своими громкими фразами.

— На насъ клеветаютъ,—говорилъ онъ,—и наша честь требуетъ, чтобы съ молодого поколѣнія сняли то пятно, которое кладутъ на него эти лица. Всякая сила вызываетъ непременно множество бездарныхъ подражателей, однако по этимъ бездарностямъ общество судить объ оригиналахъ и пріобрѣтаетъ недовѣрчивость къ нимъ. Надо доказать имъ, что они—не наши, что наши стремленія—не тѣ. Трудна эта задача, но я возьмусь за нее потому, что она—дѣло чести нашей.

Но и этимъ всѣмъ не ограничивались литературные замыслы Помяловскаго. По цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ онъ отъ родныхъ и знакомыхъ, проживая на Сѣнной, въ центрѣ петербургскихъ трущобъ, въ отвратительныхъ катакомбахъ, съ нищими, при одномъ рассказѣ о которыхъ ужасъ бралъ его пріятелей. Онъ знакомился и кутилъ съ этими лицами, изучалъ ихъ съ психологической точки зрѣнія, испытывалъ ихъ прошлое, попадалъ вмѣстѣ съ пріятелями даже на съѣзжую.

— Зато,—говорилъ онъ,—такими пейзажиками я до того укрѣпилъ свои нервы, что могу спокойно смотрѣть на самый отвратительный цинизмъ и анализировать его. Это, братъ, очень поучительно. Вотъ уже я выставлю эти картины напоказъ нашему обществу,—пусть полюбуются.

И онъ задумывалъ написать романъ, въ которомъ предполагалъ изобразить свои наблюденія надъ подонками петербургскаго населенія.

Но дни его были сочтены. Удивительно, какъ онъ могъ обнаружить такую энергическую дѣятельность среди почти безпробуднаго запоя. Надо замѣтить при этомъ, что пьянство его носило мрачный характеръ. Вино нисколько не веселило его и не разсѣвало гнетущей тоски, которою былъ преисполненъ этотъ надломленный и ожесточенный человекъ. «Желчными, глубоко рвущими сердце страданіями,—по словамъ біографа его, Н. А. Благовѣщенскаго,—выражалось его опьяненіе, такъ что, глядя

Н. Г. Помяловскій.

на эти муки, и жалко, и страшно становилось за него. Бывало начнет онъ будто нарочно представлять передъ собой непріятныя для него личности и припоминаетъ все зло, какое нанесли они ему. Съ дьявольскимъ наслажденіемъ онъ разбиралъ эти призраки, призывалъ на нихъ всевозможныя проклятія, силился вѣрить, что они рано или поздно будутъ отомщены...

— Проклятые!—шепчетъ онъ бывало, задыхаясь отъ злости.—Какъ я васъ ненавижу! о, какъ страшно я васъ ненавижу! Вы отравили всю жизнь мою, вы разбили лучшія мои надежды!—И не плачетъ онъ: выраженіе лица сдержанное, тяжело спокойное, а у самого слезы такъ и льются... Въ эти минуты съ трудомъ можно было удержать его отъ скандала; онъ готовъ былъ сейчасъ же бѣжать и метить... Тяжело было глядѣть на эти страданія, на эти холодныя, нелегко выдавливаемые слезы»...

При такой жизни, представлявшей горящую съ двухъ концовъ свѣчю, силы Помяловскаго были настолько надломлены, что достаточно было ничтожнаго повода для смертнаго исхода. Въ сентябрѣ 1863 года послѣ сильнаго припадка *delirium tremens*, продолжавшагося нѣсколько дней, у него открылась какая-то опухоль и затѣмъ образовался нарывъ, по вскрытіи котораго въ клиникѣ медико-хирургической академіи обнаружилась гангрена, и 5-го октября 1863 года его не стало.

III.

Преждевременная смерть Помяловскаго была невознаградивою потерей въ русской литературѣ, такъ какъ, не боясь власти въ преувеличеніе, мы можемъ смѣло сказать, что въ лицѣ Помяловскаго литература наша потеряла крупный талантъ, который не замедлил бы наложить печать могучаго вліянія на беллетристику интеллигентнаго быта и дать ей направленіе болѣе правильное, чѣмъ какое она приняла вскорѣ послѣ его смерти.

Когда говорятъ о Помяловскомъ, то на первый планъ ставятъ его *Очерки бурсы*, и было время, когда его иначе и не называли, какъ авторомъ *Очерковъ бурсы*. Но считать эти очерки шедевромъ Помяловскаго и полагать въ нихъ главное его литературное достоинство неправильно. Это заблужденіе произошло отъ того, что «Очерки», произведя на общество потрясающее впечатлѣніе крупнаго скандала, отодвинули на второй планъ прочія произведенія Помяловскаго. Чтобы понять сенсацію ихъ, нужно взять въ соображеніе, что они явились въ самый разгаръ общественнаго движенія, когда рядомъ съ прочими вопросами на первый планъ былъ поставленъ вопросъ педагогическій, когда рушилась цѣлкомъ старая система воспитанія, основанная на отупляющей долбнѣ и деморализующихъ тѣлесныхъ истязаніяхъ, когда вмѣстѣ съ гимназіями преобразовывались и корпуса, и институты. И вдругъ молодой беллетристъ, самъ прошедшій каторгу семинарскаго курса, въ рядѣ картинъ, исполненныхъ яркихъ, поразительныхъ красокъ и неотразимаго реализма, раскрылъ передъ обществомъ ту горькую истину, что сословіе, которое по самому своему призванію должно было подавать примѣръ христіанскаго смиренія, кротости и любви по отношенію къ малымъ, ихъ же цар-

ствіе небесное, напротивъ того, далеко превзошло въ безчеловѣчной жестокости и черствости гражданскихъ педагоговъ дореформенной эпохи. И къ тому же дѣло шло здѣсь не о какой-нибудь провинціальной глуши, а объ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся у всѣхъ на виду въ столицѣ. Понятно, что «Очерки» произвели впечатлѣніе бомбы, внезапно упавшей среди смятенной толпы. Тѣмъ не менѣе главное литературное значеніе Помяловскаго заключается все-таки не въ нихъ, а въ прочихъ произведеніяхъ его.

Таковы повѣсти: *Мѣщанское счастье* и *Молотовъ*. Въ этихъ повѣстяхъ въ лицѣ Молотова впервые выступилъ передъ нами новый только-что народившійся герой времени, интеллигентный разночинецъ, на смѣну всѣмъ прежнимъ, принадлежавшимъ къ дворянской средѣ. Но мало того, что герой этотъ появился въ повѣстяхъ Помяловскаго за два года до Базарова и типовъ романа *Что дѣлать?*—но никогда потомъ не изображался онъ съ такимъ живымъ чутьемъ, глубокимъ пониманіемъ, трезвою и нелицеприятною правдою. Впослѣдствіи беллетристика наша раздвоилась въ пониманіи этого типа, и въ то время какъ писатели одного лагеря начали топтать его въ грязь, другіе, напротивъ того, идеализировали и расписывали самыми радужными красками. Даже Тургеневу своего Базарова удалось какъ-то сразу и возвысить, и унижить паче мѣры.

Молотовъ является единственнымъ ни въ какую сторону не утрированнымъ мыслящимъ пролетаріемъ-разночинецъ шестидесятыхъ годовъ. Авторъ не скрылъ его истинныхъ достоинствъ, въ видѣ выносливости въ борьбѣ съ нищетою и невзгодами жизни, несокрушимой энергіи и стойкости въ стремленіи выбиться въ люди и завоевать прочное независимое положеніе. Но не скрылъ онъ и недостатковъ новаго героя, являющихся результатами вліянія среды и общественнаго положенія его, каковы,—щепетильная плебейская гордость, обнаруживающаяся то въ застынности, замкнутости и недовѣрїи къ людямъ, то въ напускной развязности и чрезмѣрной грубости; наконецъ, въ преждевременной разсудочности, расхолаживающей молодые горячіе порывы и придающей юношѣ видъ резонирующаго старца. Послѣдній недостатокъ особенно обнаружился въ Молотовѣ въ той черствости, съ какою онъ отнесся къ любви кисейной барышни. Наконецъ, какъ результатъ усталости послѣ длиннаго ряда годовъ, исполненныхъ тяжелой борьбы, мы видимъ въ Молотовѣ стремленіе отдохнуть подъ мирнымъ кровомъ мѣщанскаго счастья, признавши въ себѣ единственное призваніе *честно наслаждаться жизнью*,—результатъ, заставившій Помяловскаго воскликнуть въ концѣ повѣсти: «Эхъ, господа, что-то скучно!..»

Рядомъ съ Молотовымъ парадируетъ Череванинъ. Въ этомъ типѣ авторъ вывелъ тотъ второй элементъ разночинства, который онъ носилъ въ себѣ рядомъ съ молотовскимъ. Писатели наши, выводившіе героевъ времени, обыкновенно какъ бы раздваивались въ своихъ произведеніяхъ, олицетворяя свою среду и время въ двухъ противоположныхъ типахъ, элементы которыхъ лежали въ самой натурѣ творцовъ. Такъ, Ленскій стоитъ рядомъ съ Онѣгинымъ, Круциферскій—съ Бельтовымъ, Грушницкій—съ Печоринимъ. Такъ же относится и Череванинъ къ Молотову. Въ противоположность активной жизнерадостности послѣдняго, Череванинъ съ его мрачнымъ кладбищенствомъ представляется олицетвореніемъ пас-

сивнаго гамлетизма. Это тотъ самый бѣсъ развѣдающаго анализа, который мѣшалъ Помяловскому отдаться подобно Молотову непосредственно влеченіямъ жизни и подтачивалъ его силы, заставляя въ винѣ топить мучительную тоску, навѣваемую его кладбищенскими внушеніями.

Если примемъ во вниманіе отрывки изъ задуманнаго романа *Братъ и сестра*, исполненные такой же трезвой правды и столь же глубокаго анализа, то намъ станетъ совершенно понятенъ незамѣнимый пробѣлъ, какой образовался въ нашей литературѣ вслѣдствіе преждевременной смерти Помяловскаго. Это былъ единственный въ то время талантъ, который обладалъ всѣми свойствами для того, чтобы изобразить рядъ современныхъ новыхъ типовъ въ истинномъ свѣтѣ, въ безпристрастной, трезвой правдѣ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ увлекъ бы за собой на этотъ путь всѣхъ молодыхъ беллетристовъ. Съ утратой этой силы беллетристика не была въ состояніи удержаться на этомъ пути и ударилась, съ одной стороны, въ идеализацію, съ другой—въ карикатурность, и люди шестидесятыхъ годовъ остались безъ такихъ современныхъ имъ портретовъ, которые были бы вполне на нихъ похожи.

Многознаменателенъ созданный передъ смертью планъ романа *Гражданскій бракъ*. Мысль отдѣлить пшеницу отъ плевелъ и рядомъ съ истинными поборниками прогресса разоблачить пустозвонныхъ фразеровъ и растлѣнныхъ баричей, прикрывавшихъ глубокую деморализацію подъ блестящею внѣшностью передовыхъ идей,—была безспорно блестящая мысль. Исполненіе ея представляло насущную потребность момента, и, конечно, не въ примѣръ было бы плодотворнѣе, если бы за олицетвореніе этой мысли принялся писатель прогрессивнаго лагеря и къ тому же обладавшій талантомъ, преисполненнымъ такого трезваго реализма, какъ Помяловскій. Но смерть помѣшала ему исполнить это важное дѣло, и за него принялись писатели враждебныхъ лагерей, смѣшавшихъ плевелы съ пшеницею и начавшихъ забрасывать грязью всѣхъ передовыхъ людей безразлично.

Въ заключеніе слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одинъ рассказъ, правда, неоконченный, но, въ свою очередь, свидѣтельствующій о крупномъ талантѣ Помяловскаго,—именно *Поръчане*, изображающій бытъ и нравы охтянъ. Помяловскій, какъ мы видѣли изъ его біографіи, никогда не былъ въ деревнѣ и народа не изучалъ; тѣмъ не менѣе такой это былъ могучій талантъ, что и въ пригородныхъ охтянахъ онъ сумѣлъ прозрѣть тѣ народныя черты и тотъ духъ, какой присущъ всѣмъ русскимъ людямъ безъ исключенія, и рассказъ Помяловскаго производитъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы читаете какую-то былинку. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что и беллетристика народнаго быта утратила въ лицѣ Помяловскаго одного изъ своихъ крупнѣйшихъ представителей.

IV.

Главная причина того, что публицистическая беллетристика демократическаго лагеря въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сошла съ реальнаго пути и ударилась въ идеализацію, заключалась въ томъ индивидуально-нравственномъ характерѣ, который, какъ мы уже неоднократно говорили, приняло общественное движеніе тотчасъ же по совершеніи главныхъ ре-

формъ, когда вниманіе общества перестало исключительно поглощаться политическими вопросами.

Вмѣсто того, чтобы заниматься изслѣдованіемъ условій и порядковъ общей жизни, на первый планъ начали ставить личное поведеніе отдѣльнаго индивидуума, умственное и нравственное содержаніе его, сообразно которому интеллигентные люди раздѣлились на два философо-моральные лагеря,—старого и молодого поколѣнія. Подъ новыми людьми начали подразумѣвать не просто только приверженцевъ новыхъ идей, а осуществителей въ личной жизни новыхъ нравственныхъ идеаловъ, и въ то время, какъ Чернышевскій представилъ образцы этихъ новыхъ идеаловъ въ герояхъ своего романа *Что дѣлать?*—Писаревъ, въ свою очередь, началъ пропагандировать своихъ трезвыхъ реалистовъ въ образѣ Базарова.

Подъ влияніемъ этого индивидуально-нравственного броженія, и преимущественно статей Писарева, и образовалась группа молодыхъ беллетристовъ-идеалистовъ, подвизавшаяся преимущественно на страницахъ *Русскаго Слова* и *Дѣла*. Во всѣхъ ихъ произведеніяхъ, романахъ, повѣстяхъ, этюдахъ и очеркахъ вы найдете одно и то же мировоззрѣніе: населеніе всего земного шара раздѣляется рѣзкою демаркаціонною линіей на двѣ половины: съ одной стороны, тонущій въ грубомъ невѣжествѣ, задавленный и ограбленный народъ, съ другой—филистерство, начиная съ растлѣннаго барства и кончая буржуазією и кулачествомъ. Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ враждебныхъ элементовъ стоятъ доблестные носители новыхъ идей, воплощенные идеалы, призванные спасти народъ изъ когтей филистеровъ или погибнуть. При этомъ одни изъ беллетристовъ, согласно съ Писаревымъ, полагали, что воплощенные идеалы образуются исключительно путемъ умственного развитія и изученія естественныхъ наукъ; другіе же считали ихъ избранными натурами, которыя отъ рожденія предопредѣлены быть носителями новыхъ идей, а потому съ первыхъ шаговъ выдѣляются отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Одни, вѣрные романтическимъ традиціямъ, думали, что пользоваться благосостояніемъ и наслаждаться счастьемъ могутъ лишь филистеры; избранныя же природы и носители идеаловъ непременно должны терпѣть, страдать и гибнуть. Другіе полагали напротивъ того, что избранные люди имѣютъ право наслаждаться жизнью; они должны лишь смѣло прервать со всѣми предразсудками, сплотиться въ дружный союзъ, изолироваться отъ непросвѣщенныхъ филистеровъ и преподать пошлой толпѣ внушительные примѣры истиннаго и разумнаго счастья.

Наиболѣе выдающимся по таланту и плодовитымъ представителемъ этой беллетристической школы является Александръ Константиновичъ Шеллеръ, болѣе извѣстный публикѣ подъ псевдонимомъ А. Михайлова.

А. К. Шеллеръ родился 30-го іюня 1838 года въ С.-Петербургѣ. Отецъ его былъ эстонецъ изъ Аренсбурга, съ дѣтства попалъ въ столицу, воспитывался въ театральномъ училищѣ и былъ камеръ-музыкантомъ при императорскихъ театрахъ. Будучи человѣкомъ образованнымъ, онъ позаботился и сыну дать основательное образованіе. А. К. Шеллеръ воспитывался сначала дома, подъ надзоромъ нѣжно любимой матери, потомъ кончилъ курсъ въ Анненской школѣ, и въ 1857 году поступилъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и оставался до осени

1861 года, т. е. до закрытія университета. Во время университетскаго курса Шеллеръ около года провелъ за границу въ качествѣ домашняго секретаря графа Ѳ. М. Апраксина, и этимъ временемъ воспользовался для пополненія и усовершенствованія образованія.

По выходѣ изъ университета, Шеллеръ заплатилъ дань общему увлеченію педагогіей и основалъ школу для бѣдныхъ дѣтей, въ которой дѣти учились за ничтожную плату, 90 копеекъ въ мѣсяцъ. Учениковъ набралось до сотни, и школа успѣшно существовала до конца 1863 года, когда, вмѣстѣ съ поворотомъ въ правительственныхъ сферахъ, ознаменовавшимся прежде всего закрытіемъ воскресныхъ школъ, учебное начальство отнеслось недовѣрчиво и къ школѣ Шеллера,—она должна была видоизмѣниться и утратила свой первоначальный строй.

Годы 1863-й и 64-й Шеллеръ провелъ за границей, тщательно заботясь о пополненіи образованія и занимаясь изученіемъ социальныхъ вопросовъ, которые въ то время занимали передовые умы. Писать онъ началъ рано. Первые стихи были имъ написаны еще отрокомъ. Въ печати же появился онъ впервые въ 1863 году, когда въ октябрьской книжкѣ *Современника* были напечатаны четыре его стихотворенія. Затѣмъ, въ *Современникѣ* же, въ 1864 г., былъ напечатанъ первый романъ его *Гнильи болота*, обратившій на себя общее вниманіе. Въ 1865 году появился въ *Современникѣ* второй романъ *Жизнь Шупова*, и хотя романъ этотъ менѣе понравился публикѣ и обнаружилъ недостатки, свойственные всѣмъ произведеніямъ Шеллера, тѣмъ не менѣе извѣстность его была упрочена. Онъ былъ приглашенъ къ участию въ *Русскомъ Словѣ* въ качествѣ редактора по иностранному отдѣлу; а послѣ закрытія *Русскаго Слова* принялъ на себя общую редакцію *Дѣла* и посвятилъ этому журналу лучшіе годы своей жизни до октября 1877 г. Въ этотъ же періодъ Шеллеръ временно принималъ участіе въ редактированіи *Недѣли*, послѣ того какъ этотъ журналъ перешелъ въ руки г-жи Конради. Здѣсь, между прочимъ, были помѣшены его очерки подъ общимъ названіемъ: *Пролетаріатъ во Франціи*, изданные впоследствии отдѣльной книгой. Съ 1877 года Шеллеръ принялъ на себя редактированіе *Живописнаго Обозрѣнія*.

Эти редакторскія работы не мѣшали ему выпускать одинъ романъ за другимъ. Таковы были: *Въ разбродѣ*, *Господа Обносковы*, *Старья гнѣзда*, *Хлѣба и зрѣлицъ*, *Безпечальное жительство*, *Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ*, *Чужіе грѣхи*, *Надъ обрывомъ*, *И молотомъ*, и *золотомъ*, *Пророкъ*, *На разныхъ берегахъ*, *Мужъ и жена*, *Первая любовь*, *Голь*, *Лычкины* и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ Шеллеръ заниматься вопросами социальными и педагогическими, и результатами этихъ занятій былъ рядъ публицистическихъ и историческихъ статей, каковы: *Ассоціаціи во Франціи*, *Германіи и Англіи*, *Образованіе въ Европѣ и Америкѣ*, *Наши дѣти* (всѣ эти статьи помѣщены были въ *Дѣлѣ*), *Смутное время анабаптизма (Русская мысль 1885 г.)* и *Секты въ Америкѣ (Живописное Обозрѣніе 1886 г.)*. Неоконченнымъ по независящимъ отъ автора причинамъ остался трудъ его *Народное образованіе въ Россіи*, доведенный до 1812 года. Но главнымъ трудомъ, которому Шеллеръ посвящалъ свои досуги, слѣдуетъ считать *Исторію коммунизма*, надъ

которой онъ работалъ много лѣтъ сряду, предполагая издать его въ трехъ объемистыхъ томахъ.

Не оставлялъ онъ и стихотворныхъ работъ, при чемъ хотя и не обнаруживалъ особенно сильнаго стихотворнаго таланта, во всякомъ случаѣ многія изъ его стихотвореній не лишены поэтичности и общественнаго смысла. Особенно полезенъ онъ былъ, какъ хорошій переводчикъ западныхъ поэтовъ, при чемъ любимѣйшимъ поэтомъ его, изъ котораго онъ болѣе всего переводилъ, былъ венгерскій поэтъ Петефи. Умеръ А. К. Шеллеръ 21-го ноября 1900 года.

V.

Романы Шеллера, при всемъ честномъ и безкорыстномъ увлеченіи автора передовыми идеями вѣка, носятъ одинъ существенный недостатокъ, свойственный школѣ беллетристовъ-публицистовъ, воспитанныхъ критикою Писарева: они страдаютъ книжностью. Это кабинетные труды, искусственно надуманные, сочиненные по шаблонамъ, созданнымъ западной и русской беллетристикой. Такъ, напримѣръ, въ Шеллерѣ замѣтно увлеченіе англійскими романистами, особенно Диккенсомъ, и вы найдете въ его романахъ дѣйствующія лица, сцены и драматическія положенія, скомпанованныя по образцу романовъ Диккенса. Въ большинствѣ его романовъ парадируютъ неизмѣнно однѣ и тѣ же стереотипныя личности. Таковы, напримѣръ, злодѣй романа, высокій, смуглый, съ оловянными, леденящими глазами, помѣщикъ-крѣпостникъ и деспотъ, отъ котораго въ ужасѣ разбѣгаются домашніе, какъ только онъ входитъ въ комнату; онъ разлучаетъ влюбленныхъ другъ въ друга дворовыхъ, вгоняетъ въ гробъ жену и чуть не застѣкаетъ розгами идеальнаго героя романа. Злодѣйка романа является въ видѣ бабушки или тетюшки, съ княжескимъ гербомъ на каретѣ, занятая родословной, бредящая свѣтскими приличіями и презирающая чернь. Своимъ тлетворнымъ вліяніемъ она готова погубить героя, сдѣлать изъ него свѣтскаго шалопая; когда же герой, вопреки всѣмъ этимъ усиліямъ, озаряется свѣтомъ прогресса, бабушка, разорившаяся и всѣми забытая, умираетъ на рукахъ тѣхъ, которыхъ она прежде презирала. Далѣе слѣдуетъ комиссаріатскій чиновникъ — взяточникъ и низкопоклонникъ, пресмыкающійся передъ высшими, надменный съ низшими, помышляющій лишь о чинахъ, наградахъ и взяткахъ, и кончающій тѣмъ, что попадаетъ подъ судъ послѣ крымской кампаніи, лишается состоянія и начинаетъ злобно шипѣть противъ молодого поколѣнія и новыхъ порядковъ; петербургская кумушка—мѣщанка или чиновница низшаго сорта, подобоострастная ко всѣмъ, имѣющимъ вѣсь и деньги, жадная къ подаркамъ, готовая ограбить наслѣдниковъ умершаго богатаго родственника, безчеловѣчная къ дочери или невѣсткѣ и склонная въ каждомъ движеніи и шагѣ молодого человѣка или дѣвушки подозревать грязныя побужденія; свѣтскій шалопай, паркетный шаркунъ, любитель пикниковъ и рысаковъ, кончающій разореніемъ отца, воровствомъ, тюрьмою или самоубійствомъ. Къ этимъ главнымъ слѣдуетъ присоединить нѣсколько второстепенныхъ типовъ, столь же однообразныхъ и стереотипныхъ; таковы, напримѣръ,

пошлые учителя стараго времени, неизмѣнно въ каждомъ романѣ таскающіе за волосы учениковъ, изрыгающіе ругательства, въ родѣ «ослы», «сволочь» и пьющіе горькую; либеральные учителя новаго

А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

пошиба, устремляющіе героевъ на путь прогресса; нѣмцы, являющіеся сухими, бездушными формалистами, и проч., и проч.

Но значеніе романовъ Шеллера заключается вовсе не въ художественномъ изображеніи современной дѣйствительности съ какихъ-нибудь

еще нетронутых отрицательныхъ сторонъ, а въ рядѣ представленныхъ имъ идеальныхъ типовъ молодого поколѣнія. Правда, типы эти въ свою очередь страдаютъ книжностью, надуманностью, отсутствіемъ живыхъ и реальныхъ красокъ. Въ сущности, если хотите, во всѣхъ романахъ его повторяются, подъ различными наименованіями, два типа этого рода: типъ пробивающагося въ люди бѣднаго, но честнаго разночинца и типъ кающагося дворянина, попадающаго въ среду новыхъ людей и подъ ихъ вліяніемъ свергающаго съ себя ветхаго челоуѣка и превращающагося въ идеальнаго прогрессиста. Но какъ ни стереотипны безконечныя варіаціи этихъ двухъ типовъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ-то и заключается то неотъемлемое и большое вліяніе, какое романы Шеллера оказывали на юныхъ читателей, со времени ихъ появленія и до нашего времени. Молодежь, въ извѣстномъ возрастѣ, органически нуждается въ идеальныхъ образахъ, въ поэзіи или беллетристикѣ, которыми она увлекалась бы, какъ образцами для подражанія. Къ сожалѣнію, реальная литература наша бѣдна идеальными типами въ шиллеровскомъ духѣ. Романы Шеллера до нѣкоторой степени восполняютъ этотъ существенный недостатокъ, въ чемъ и заключается причина той популярности, какую они сохраняютъ среди учащейся молодежи до нашего времени. Недаромъ одна только буква отличаетъ фамилію Шеллера отъ знаменитаго нѣмецкаго писателя-идеалиста. Онъ дѣйствительно является въ своемъ родѣ нашимъ Шиллеромъ, конечно, не по силѣ своего таланта, а по тому духу, которымъ преисполнены произведенія его.

VI.

Николай Ѳеодоровичъ Бажинъ родился въ Вяткѣ 23-го іюня 1843 года. Отецъ его былъ военный, влѣдствіе чего и сынъ учился въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго вышелъ въ 1862 г. Писать началъ девяти лѣтъ патріотическіе стихи. Печататься началъ въ 1864 г., когда въ *Русскомъ Словѣ* были помѣщены повѣсти его *Степанъ Рулевъ*, за подписью Холодовъ. Затѣмъ послѣдовали: *Чужіе между своими*, *Житейская школа*, *Скорбная элегія* и *Три семьи*,—все эти повѣсти были напечатаны въ *Русскомъ Словѣ* за 1865 г., занявши 8 книжекъ журнала.—Затѣмъ Бажинъ перешелъ въ *Дѣло*, гдѣ продолжалъ печатать романы и повѣсти (*Изъ огня да въ полымя* 1867 г., *Исторія одного товарищества* 1869 г. и пр.). Кромѣ того, въ 1879 году онъ велъ въ *Дѣлѣ* библиографическій отдѣлъ и писалъ *Очерки современной журналистики* за подписью — *инъ*, а съ 1880 по 1887 годъ былъ редакторомъ беллетристическаго отдѣла въ этомъ журналѣ.

Кроя своихъ героевъ по образцу писаревского Базарова, идеализируя ихъ и восторгаясь ими не менѣе прочихъ беллетристовъ этой школы, Бажинъ внесъ въ свои произведенія еще одинъ элементъ, чуждый его товарищамъ, именно—карамзинскую сантиментальность, чѣмъ особенно отличаются позднѣйшія его повѣсти, помѣщенные въ *Дѣлѣ*.

Въ этихъ рассказахъ, описывая злосчастіе своихъ скорбныхъ героевъ, которые не могутъ шага сдѣлать въ жизни безъ того, чтобы съ ними не приключилось какихъ-нибудь самыхъ ужасныхъ неприяностей, авторъ такъ и заливаема слезами отъ первой страницы до послѣдней.

Иннокентій Васильевичъ Оедоровъ, болѣе извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Омупевскій, прежде всего замѣчательнъ тѣмъ, что это былъ единственный писатель въ Россіи, родившійся въ Камчаткѣ, въ Петровскомъ портѣ. Отецъ его служилъ исправникомъ. Родился онъ въ 1835 г. Мальчику было семь лѣтъ, когда отецъ въ 1842 г. переѣхалъ съ семействомъ въ Иркутскъ. Онъ былъ человекъ зажиточный, купилъ въ Иркутскѣ доходный домъ на Большой улицѣ и, сверхъ того, получалъ порядочную пенсію отъ своей камчатской службы. Мальчикъ былъ отданъ въ Иркутскую гимназію, но курса не кончилъ и, вышедши изъ шестого класса, опредѣлился на службу. Но недолго пришлось ему и служить. Началась эпоха возрожденія, и шумъ движенія, дойдя и до мѣстъ столь отдаленныхъ, какъ Иркутскъ, увлекъ юношу въ Петербургъ, гдѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ опредѣлился онъ въ С.-Петербургскій университетъ вольнослушателемъ по юридическому факультету. Но лекціи въ университетѣ Омупевскій слушалъ не болѣе одного или двухъ лѣтъ, и въ 1860 году является уже сотрудникомъ *Искры* и другихъ сатирическихъ листковъ. Началась для него кочующая и бездомная жизнь литературнаго богемы. Онъ скитался по Россіи, служилъ даже нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій въ Вяткѣ при губернаторѣ. Отецъ сначала поддерживалъ его существованіе небольшими высылками денегъ, но, видя, что сынъ бросилъ университетъ и закружился, прекратилъ субсидіи и началъ принимать мѣры черезъ знакомыхъ, чтобы вытребовать сына обратно въ Иркутскъ, что и удалось ему сдѣлать въ 1863 г. Проживя два года вновь подъ родительскимъ кровомъ, Омупевскій написалъ нѣсколько незначительныхъ очерковъ, которые были напечатаны въ сборникѣ Н. С. Шукіна подъ заглавіемъ *Сибирскіе рассказы*, участвовалъ въ какой-то мѣстной газеткѣ *Амуръ*. Въ началѣ 1865 г. Омупевскій снова уѣхалъ въ Петербургъ, и этотъ годъ былъ расцвѣтомъ его литературной дѣятельности. Въ *Русскомъ Словѣ* въ то время печатался его романъ *Шагъ за шагомъ* (изданный потомъ отдѣльно въ 1870 году подъ заглавіемъ *Свѣтловъ*), а затѣмъ начался печататься новый романъ *Попытка не пытка*, но не суждено было автору кончить послѣдняго, такъ какъ въ жизни его произошелъ переломъ, оборвавшій только-что разгорѣвшуюся дѣятельность. Привлеченный къ отвѣтственности за какія-то неосторожныя выраженія, Омупевскій долго содержался въ крѣпости, а потомъ по рѣшенію суда—въ Литовскомъ замкѣ. Не успѣлъ онъ оправиться отъ долгаго заключенія, какъ въ 1874 году его постигла глазная болѣзнь, и онъ едва не ослѣпъ. Всѣ эти передряги повергли его въ нищету, доходившую нерѣдко до голода. Къ тому же и родители его въ это время обнищали. Домъ, составлявшій главный ресурсъ ихъ доходовъ, сгорѣлъ въ 1868 году и они переселились въ маленькій домикъ, который купили гдѣ-то на окраинѣ города.

Въ 1879 году, вскорѣ послѣ женитьбы, Омупевскій отправился на родину, узнавъ о смерти отца, но дома ему предстояло страшное зрѣлище: онъ вѣхалъ въ Иркутскъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда весь городъ былъ объятъ пламенемъ. Отъ родительскаго домика не осталось и слѣда; едва отыскалъ онъ мать свою, но вскорѣ разошелся съ нею и нанялъ за 10 рублей крошечную комнатку съ тоненькою перегородкою, за которою вѣчно бранились хозяева. Здѣсь съ беременной женой, а затѣмъ съ

ребенкомъ онъ проживалъ безъ всякихъ средствъ. Потрясенный всѣми этими невзгодами, въ отчаяніи онъ запилъ и дошелъ до такого болѣзненнаго состоянія, что попалъ въ Кузнецовскую больницу. Оправившись кое-какъ, онъ продалъ мѣсто, гдѣ стоялъ сгорѣвшій домикъ его родителей, и уѣхалъ навсегда въ Петербургъ. Здѣсь, тщетно борясь съ недугомъ и съ безысходною нищетою, онъ умеръ 26-го декабря 1883 года.

Сибиряки чтятъ въ лицѣ Омуревскаго сибирскаго поэта. Но стихотворенія его, изданныя передъ самой смертью автора, въ концѣ 1883 года, подъ заглавіемъ *Пѣсни жизни*, при всей поэтичности нѣкоторыхъ изъ нихъ, лишены оригинальности и не представляютъ ничего выдающагося, и для русской публики Омуревскій памятникъ лишь какъ авторъ романа *Свѣтловъ*. Романъ этотъ наполовину автобіографическій: авторъ изобразилъ въ немъ воспоминанія первыхъ лѣтъ жизни до выхода изъ гимназіи. Въ свое время романъ произвелъ большую сенсацію, и молодежь зачитывается имъ до сего дня наравнѣ съ романами Шеллера. Герой романа, Свѣтловъ, его пріатели и пріятельницы, при всей идеализаціи и скроенности по обычному шаблону того времени, подкупаютъ юныхъ читателей тѣмъ подмывающимъ энтузіазмомъ, какой находятъ и въ романахъ Шеллера. Чѣмъ-то бодрящимъ, зовущимъ впередъ, сулящимъ въ будущемъ нѣчто радужно-свѣтлое, вѣетъ на васъ отъ каждой страницы романа.—Какъ-то не вѣрится, чтобы такой романъ могъ написать целовѣкъ, прожившій столь несчастную жизнь. Понятно то обаяніе, какое имѣетъ этотъ романъ до сего дня.

VII.

Константинъ Михайловичъ Станюковичъ родился въ Севастополѣ въ 1844 г., въ дворянскомъ семействѣ. Отецъ его былъ адмиралъ. Образование Станюковичъ получилъ сначала въ Пажескомъ корпусѣ, потомъ—въ Морскомъ. Въ 1860 году онъ посланъ въ кругосвѣтное плаваніе и пробылъ въ плаваніи три года. Въ 1863 году начальникъ эскадры Тихаго океана послалъ его изъ Сингапура въ С.-Петербургъ къ генералъ-адмиралу и морскому министру курьеромъ съ бумагами, и вернулся такимъ образомъ изъ кругосвѣтнаго плаванія Станюковичъ черезъ Китай и Сибирь.

Черезъ годъ по возвращеніи изъ плаванія молодой мичманъ, желая посвятить себя литературѣ, подалъ въ отставку. Его не выпускали безъ согласія отца; между тѣмъ старый адмиралъ, мечтавшій, что сынъ сдѣлаетъ такую же карьеру, какъ и отецъ, не соглашался, и только послѣ рѣшительной телеграммы сына отвѣчалъ лаконической телеграммой: «Противъ теченія плыть не могу. Согласенъ». Тогда только Станюковича уволили съ чиномъ лейтенанта.

Съ 1865 по 1866 годъ Станюковичъ былъ сельскимъ учителемъ во Владимірской губерніи, въ селѣ Чаадаевѣ, Муромскаго уѣзда. Отправился онъ туда, желая ближе познакомиться съ народнымъ бытомъ. Въ 1867 году онъ женился.

Литературную дѣятельность Станюковичъ началъ въ 1863 году *Очерками морского быта*, помѣщенными въ *Морскомъ Сборникѣ*. Затѣмъ онъ

началь помѣщать рассказы и очерки въ другихъ журналахъ—въ *Эпоху*, *Искру*, *Будильникъ*, и писалъ фельетоны общественной жизни въ *Женскомъ Вѣстникѣ* и газетѣ *Гласность*.

Въ 1871 г. написалъ комедію *На то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ*. Пропущенная цензурою, одобренная и взятая актеромъ Зубровымъ для бенефиса, пьеса эта была запрещена по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ наканунѣ самаго представленія, 27-го октября 1871 г. вслѣдствіе того, что въ ней усмотрѣнъ памфлетъ противъ желѣзнодорожниковъ, и носились слухи, что запрещеніе состоялось вслѣдствіе особенныхъ стараній нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ дѣльцовъ. Два раза потомъ возобновлялись просьбы о допущеніи пьесы на сцену, но оба раза напрасно. Пьеса была напечатана въ 1872 г. въ *Дѣлѣ*.

Тамъ же были напечатаны романы Станюковича: *Безъ исхода* (1873 г.), *Два брата* (1880 г.), *Омутъ* (1881 г.) и пьеса *Родственники* (1878 г.). Съ 1876 г. по 1884 г. Станюковичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ *Дѣла*, гдѣ писалъ фельетоны подъ названіемъ *Картинки общественной жизни* и *Письма знатныхъ иностранцевъ* подъ псевдонимомъ *Откровеннаго писателя*. Съ 1877 по 1878 г. помѣщалъ фельетоны въ газетѣ *Новости* подъ псевдонимомъ *Пименъ*. Затѣмъ перешелъ въ газету *Молва* (1879 г.) и *Порядокъ* (1880—1881 гг.); въ *Молвѣ*, между прочимъ, напечатанъ былъ романъ его *Наши нравы*.

Съ 1881 года онъ былъ соредакторомъ въ журналѣ *Дѣло*; въ слѣдующемъ году взялъ журналъ въ аренду, а въ 1883 г. приобрѣлъ его въ собственность. Но въ 1885 г. былъ отправленъ въ Томскую губернію.

Въ Томской губерніи Станюковичъ не прерывалъ литературной дѣятельности. Такъ, въ *Вѣстникѣ Европы*, *Сѣверномъ Вѣстникѣ* и *Русской Мысли* были напечатаны его *Морскіе рассказы*. Въ то же время онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ *Сибирской газеты*, гдѣ, между прочимъ, былъ напечатанъ романъ его *Не столь отдаленный мѣста*. Въ 1888 г. онъ вернулся изъ ссылки. Умеръ въ 1903 году 7 мая.

Что касается до характера его произведеній, то лишь первыя изъ нихъ (*Безъ исхода*, *Два брата*) можно причислить къ тенденціозной беллетристикѣ *Русскаго Слова*. Впослѣдствіи онъ освободился отъ вліянія этой школы и вступилъ на путь реальной беллетристики, чуждой идеализаціи и подгонки фактовъ дѣйствительности подъ излюбленныя тенденціи. Особенное достоинство имѣютъ его *Морскіе рассказы*, исполненные живого бытового интереса и рельефно, мастерски очерченныхъ типовъ русскихъ моряковъ.

То же слѣдуетъ сказать и о Дмитріи Константиновичѣ Гирсѣ (род. въ 1836 году, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, состоялъ въ военной службѣ; въ 1878 и 1879 годахъ издавалъ газету *Русская Правда*, умеръ въ 1886 году декабря 2-го). Литературную извѣстность онъ получилъ въ 1868 году, когда въ *Отечественныхъ Запискахъ* началъ печататься романъ его *Старая и юная Россія*, который произвелъ большую сенсацию. Но Гирсъ не могъ кончить своего очень широко задуманнаго романа, многіе годы тщетно трудясь надъ нимъ и возбуждая нелѣпые толки своей неудачей. Произошло же это по той простой причинѣ, что, когда Гирсъ началъ свой романъ, онъ находился еще подъ сильнымъ вліяніемъ критики Писарева и задумалъ свой романъ въ духѣ той же

тенденціозной школы *Русскаго Слова*. Но онъ былъ слишкомъ художникъ, чтобы быть въ состояніи вполнѣ подчинить творчество проводимымъ тенденціямъ, и уже въ *Старой и юной Россіи*, рядомъ съ ходульною тенденціозностью, въ родѣ, напримѣръ, героя романа,—новаго человѣка въ духѣ писаревского Базарова, строго располагающаго по часамъ всѣ свои занятія и отправленія,—вы встрѣтите нѣсколько живыхъ бытовыхъ чертъ русской жизни. Но по мѣрѣ того, какъ онъ продолжалъ свой романъ, онъ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ вліянія школы, и, наконецъ, ему стало невыносимо подчинять свое творчество подъ заранѣе придуманный планъ романа. Работа неминуемо должна была опостылѣть. Онъ пережилъ ее.

Тогда Гирсъ снова принялся за бытовые рассказы въ родѣ тѣхъ *Записокъ военного*, которыми онъ началъ свое литературное поприще на страницахъ *Русскаго Вѣстника*. Таковы были: *Калифорнскій рудникъ*, *Подъ дамкловымъ мечемъ* и пр. Въ рассказахъ этихъ обнаруживается недюжинный талантъ, и они въ свое время читались публикою съ большимъ интересомъ.

VIII.

Куцевскій Иванъ Афанасьевичъ родился въ 1847 г. въ Красноярскѣ; воспитывался въ мѣстной гимназіи. Въ 1866 году пріѣхалъ въ Петербургъ и долго здѣсь бѣдствовалъ, помѣщая рассказы въ *Искрѣ*, *Петерб. Листкѣ* и пр. Голодъ часто заставлялъ его браться за физическій трудъ. Такъ, однажды, перевоза съ судна тачку съ грузомъ, онъ упалъ въ Неву, едва спасся, простудился, захворалъ и долженъ былъ лечь въ больницу. Здѣсь онъ задумалъ большой романъ, при чемъ, чтобы приобрѣсть чернила и бумагу, принужденъ былъ продавать больнымъ свои порціи мяса. При такихъ условіяхъ былъ написанъ извѣстный романъ его *Николай Негоревъ, или благополучный россиянинъ*. Напечатанный въ 1871 году въ *Отеч. Запискахъ*, онъ вышелъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1872 году. Романъ этотъ вполнѣ оригинальный, тѣмъ не менѣе напоминаетъ нѣсколько въ одномъ отношеніи Молотова Помяловскаго,—именно вполнѣ безпристрастнымъ отношеніемъ къ поколѣнію молодежи 60-хъ годовъ, чуждымъ какъ идеализаціи Шеллера, Омулевскаго и Бажина, такъ и того карикатурнаго шаржа, какой мы видимъ въ нигилистахъ реакціонныхъ беллетристовъ. Подобно Молотову, Негоревъ изъ отрицателя и прогрессиста превращается въ сытаго и вседовольнаго буржуа, и это превращеніе составляетъ всю суть романа, при чемъ наиболѣе яркими красками изображены училищные годы героя.

Послѣдующія произведенія Куцевскаго, каковы: *Хайдаковъ*—очеркъ изъ жизни сибирской горнозаводской промышленности (*Отеч. Записк.* 1876 г.), *Маленькіе рассказы, очерки, картинки и легкіе наброски* (С.-Петербургъ, 1876 г.), *Неизданные рассказы* (С.-Петербургъ, 1882 г.) не оправдали возлагавшихся на него надеждъ по своей посредственности. Умеръ онъ въ 1876 году, борясь съ нищетою и топя въ винѣ неудачу своей жизни.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

I. Общая характеристика тенденціозной беллетристики либеральнаго лагеря. Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.—II. Евгений Львовичъ Марковъ.—III. Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко.—IV. Сергій Николаевичъ Терпигоревъ. Илья Александровичъ Саловъ.—V. Николай Дмитріевичъ Ахшарумовъ. Николай Александровичъ Лейкинъ.

I.

Тенденціозные беллетристы либеральнаго лагеря не могли составить особенной беллетристической школы; среди нихъ не явилось ни одного столь крупнаго таланта, который выдѣлился бы своею оригинальностью и увлекъ бы за собою прочихъ писателей одного лагеря. Къ тому же умѣренно-либеральная, беллетристика была уже создана школою беллетристовъ сороковыхъ годовъ, большинство которыхъ были именно умѣренные либералы, и послѣдующимъ писателямъ этого лагеря, явившимся на литературное поприще въ теченіе шестидесятихъ годовъ, оставалось только поддерживать традиціи беллетристовъ сороковыхъ годовъ, приурочивъ ихъ къ потребностямъ новаго времени и строго согласовавъ съ либеральными принципами.

Такъ и поступили либеральные беллетристы шестидесятихъ годовъ.—Произведенія ихъ и по формамъ, и по развитію сюжетовъ, и по преобладающимъ типамъ остаются вѣрны школъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, и въ особенности слѣдуютъ по стопамъ Тургенева: та же склонность къ сельскимъ пейзажамъ, тотъ же психическій анализъ, то же стремленіе въ фокусъ романа поставить болѣе или менѣе увлекательный женскій типъ и сюжетъ произведенія развить въ видѣ турнира нѣсколькихъ соискателей руки и сердца идеальной красавицы. Но въ то же время у либеральныхъ беллетристовъ шестидесятихъ годовъ вы не встрѣтите уже ни разлагающагося скептицизма, ни реакціонной нетерпимости беллетристовъ сороковыхъ годовъ.—Вѣря въ торжество своихъ принциповъ, либеральные беллетристы шестидесятихъ годовъ свѣтло смотрятъ вокругъ себя и на будущее, и произведенія ихъ поэтому исполнены жизнерадостности. Относясь отрицательно ко всему отжившему и реакціонному, они съ соболѣзнованіемъ смотрятъ на противоположныя крайности и далеки отъ того, чтобы набрасываться на эти крайности съ такимъ ожесточеніемъ, какъ ихъ предшественники: они относятся къ нимъ снисходительно или какъ къ увлеченіямъ незрѣлой юности, или какъ къ печальнымъ результатамъ вѣками накопившагося ожесточенія.—Героями ихъ являются не безхарактерные и не изнѣженные баричи, Рудины и Обломовы, а просвѣщенные питомцы высшихъ учебныхъ заведеній, обладающіе лоскомъ свѣтскаго воспитанія, энергичскіе административные, земскіе или сельскохозяйственные дѣятели, мудрость которыхъ заключается въ томъ, что, вѣрные либеральнымъ принципамъ, они ловко умѣютъ пройти между сциллою и харибдою двухъ крайнихъ лагерей и въ концѣ романа въ равной степени восторжествовать и надъ правыми, и надъ лѣвыми. Героиня романа, изображаемая со всѣми обольстительными атрибутами тургеневскихъ женщинъ, отдаетъ имъ вмѣстѣ съ пальмою первенства руку и сердце и всѣ свои помыслы.

Самымъ талантливымъ и плодовитымъ беллетристомъ этого лагеря является Петръ Дмитриевичъ Боборыкинъ. Онъ родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 15-го августа 1836 года въ богатой дворянской семьѣ и, живя при матери въ домѣ дѣда, получилъ вполне дворянское воспитаніе, т. е. съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ уже иностранные языки и упражнялся въ музыкѣ. Поступивъ въ Нижегородскую гимназію, при блестящихъ способностяхъ онъ

П. Д. Боборыкинъ.

все время былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, при чемъ уже во время гимназическаго курса обнаружился въ немъ беллетристическій талантъ, и одинъ изъ его рассказовъ обратилъ на даровитаго юношу вниманіе гимназическаго начальства, какъ на обещающаго въ будущемъ нѣчто недюжинное.

По окончаніи гимназическаго курса въ 1853 году, Боборыкинъ поступилъ въ Казанскій университетъ на камеральный отдѣлъ юридическаго факультета. Здѣсь онъ увлекся естественными науками, особенно химіей,

а со второго курса началъ работать въ химической лабораторіи, подъ руководствомъ А. М. Бутлерова. Въ то же время онъ перевелъ извѣстный нѣмецкій учебникъ химіи Лемана, изданный года три спустя М. О. Вольфомъ. Увлеченіе химіею побудило Боборыкина перейти въ Дерптскій университетъ, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ онъ прослушалъ полный курсъ медицинскаго факультета, кромѣ того успѣлъ составить учебникъ къ физиологической химіи и перевести вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Бакстомъ руководство физиологіи Дондерса.

Боборыкину оставалось лишь сдать экзаменъ на степень доктора, что онъ не замедлил бы сдѣлать, но творческій даръ вдругъ измѣнилъ весь путь его жизни. Несмотря на всѣ ученныя занятія, онъ успѣлъ написать три драмы: *Фантазеръ*, *Ребенокъ* и *Одноворецъ*. Послѣдняя была напечатана въ 1860 году въ *Библіотекѣ для Чтенія*, и этотъ успѣхъ такъ вскружилъ голову двадцати-четыреох-лѣтняго юноши, что онъ бросилъ медицину и университетъ, и въ декабрь 1860 года пріѣхалъ въ Петербургъ, рѣшившись посвятить всѣ силы литературѣ. Здѣсь первымъ дѣломъ онъ записался вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій университетъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ приготовился къ экзамену на полученіе степени кандидата административныхъ наукъ. Вскорѣ затѣмъ Боборыкинъ получилъ въ наслѣдство имѣніе въ Нижегородской губерніи, что доставило ему возможность приобрести въ 1863 году въ собственность журналъ *Библіотеку для Чтенія*. Это былъ рискованный шагъ, вполне извиняемый молодостью Боборыкина (ему было въ это время 27 лѣтъ), отозвавшійся въ послѣдующей жизни его. *Библіотека для Чтенія* въ это время была журналомъ умирающимъ, съ ограниченнѣмъ числомъ подписчиковъ; она переходила отъ одной редакціи къ другой и потеряла всякій *raison d'être*. Если тщетныя усилія такого опытнаго журналиста, какъ Дружининъ, и обаяніе такого громкаго имени, какъ Писемскій, не были въ состояніи поднять журналъ, то что же могъ сдѣлать молодой писатель, въ то время мало еще извѣстный, мало опытный въ журнальномъ дѣлѣ, и къ тому же въ такое время, когда *Современникъ* подавлялъ всю журналистику, и съ нимъ не въ состояніи была выдержать борьбу даже такая прочно-установившаяся фирма, какъ *Отечественныя Записки* подъ редакціею Дудышкина? При такихъ условіяхъ Боборыкину пришлось не болѣе трехъ лѣтъ издавать и редактировать *Библіотеку для Чтенія*, и затѣмъ навѣки похоронить журналъ Сенковского. Единственную пользу этого дѣла извлекъ для себя Боборыкинъ развѣ ту, что его литературная репутація окончательно упрочилась, да и этимъ онъ былъ обязанъ не столько самому издательству, сколько помѣщенію на страницахъ *Библіотеки* двухъ своихъ романовъ: *Въ путь-дорогу* и *Земскія силы*, при чемъ послѣдній романъ не былъ оконченъ вслѣдствіе прекращенія журнала. Но зато вся тяжесть журнальнаго банкротства легла на Боборыкина, и въ продолженіе десяти лѣтъ пришлось ему раздѣливаться съ долгами путемъ тяжелыхъ литературныхъ трудовъ, и лишь полученное въ 1873 году послѣ смерти отца новое наслѣдство освободило его отъ послѣдствій крушенія *Библіотеки для Чтенія*.

Вызванная этою невзгодою жизни необходимость писать какъ можно болѣе и скорѣе обратилась въ привычку, и Боборыкинъ поражаетъ своихъ современниковъ количествомъ и разносторонностью своихъ

литературныхъ трудовъ: онъ является не только творцомъ объемистыхъ романовъ, но и драматургомъ, и театральнымъ критикомъ, и корреспондентомъ-публицистомъ. Страсть къ театру побудила его, не ограничиваясь писаніемъ пьесъ и рецензій, выступать неоднократно лекторомъ по декламации, и въ 1872 году онъ издалъ трактатъ о театральномъ искусствѣ. Но, принимая во вниманіе столь обильную и разнородную производительность Боборыкина, было бы ошибочно предполагать, чтобы онъ былъ осѣдлымъ и усидчивымъ кабинетнымъ труженикомъ, дни и ночи проводящимъ надъ работой. Напротивъ того, обладая впечатлительнымъ и живымъ темпераментомъ, Боборыкинъ отличается крайнею подвижностью: онъ рѣдко проживаетъ въ одномъ городѣ болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, всю жизнь проводя въ вѣчныхъ разъѣздахъ и путешествіяхъ.

Эти свойства характера и условія жизни отражаются и въ произведеніяхъ Боборыкина. Онъ является не художникомъ-творцомъ, строго обдумывающимъ свои произведенія и тщательно ихъ отдѣлывающимъ, а фельетонистомъ, вѣчно торопящимся написать къ извѣстному сроку столько-то листовъ или строкъ. Вы не найдете у него ни серьезно обдуманныхъ и строго исполненныхъ и законченныхъ сюжетовъ, ни широкихъ типовъ и обобщеній. Читая романы Боборыкина, вы путаетесь въ массѣ вставныхъ эпизодовъ среди несмѣтной толпы выведенныхъ на сцену лицъ, изъ которыхъ половина для развитія сюжета ненужна, и въ заключеніе всего дѣйствіе романа обрывается порой вслѣдствіе совершенно неожиданныхъ случайностей, производя такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ не зналъ, какъ свести концы съ концами и отдѣлаться отъ читателей, и прибѣгнувъ къ первой пришедшей въ голову развязкѣ. Въ то же время дѣйствующія лица произведеній Боборыкина являются фотографическими снимками съ живыхъ лицъ, при чемъ авторъ безъ церемоніи выводитъ своихъ знакомыхъ и лица общезвѣстныя со всею обстановкою ихъ жизни, такъ что въ каждомъ романѣ его кто-нибудь узнается.

Но надо отдать справедливость Боборыкину, никто изъ современныхъ русскихъ писателей не способенъ въ такой степени схватить настоящій моментъ жизни, именно тотъ живой нервъ, который играетъ и бьется сегодня. Въ этомъ отношеніи Боборыкинъ по самой природѣ созданъ быть фельетонистомъ. Въ каждомъ романѣ его изображается то, чѣмъ живетъ общество наше сегодня, и рядъ произведеній его можетъ служить художественною лѣтописью вѣяній, какія переживаетъ наше общество.

Не имѣя возможности перечислить всѣ произведенія Боборыкина, упомянемъ лишь о наиболѣе выдающихся и въ свое время понравившихся публикѣ. Таковы: *Жертва вечерняя*, *Солидные добродѣтели*, *Дѣльцы*, *Докторъ Цибулька*, *Въ усадьбѣ и на порядкѣ*, *Китай-городъ*, *Изъ новыя*, *На ущербѣ*, *Василій Теркинъ*, *Перевалъ*, *Ходокъ*, *Княгиня*, *По новому*, *Тяга*.

II.

Менѣе талантливымъ и плодовитымъ, но не менѣе типичнымъ представителемъ либерально-тенденціозной беллетристики является Евгений Львовичъ Марковъ. Онъ родился въ 1835 г. въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, и въ свою очередь принадлежитъ къ старинному дво-

рянскому роду. Отецъ его былъ воспитанникомъ извѣстной муравьевской «Школы колонновожатыхъ», послужившей началомъ Военной академіи, служилъ въ свитѣ Александра I, былъ товарищемъ Пестеля, Муравьева, Бобрицевыхъ-Пушкиныхъ и друг. декабристовъ; мать—дочь суворовскаго генерала Фонъ-Гана. Марковъ воспитывался въ Харьковской, а потомъ въ Курской гимназіи. Кончивъ затѣмъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1857 году, въ теченіе двухъ лѣтъ онъ путешествовалъ за границу, слушая лекціи въ заграничныхъ и русскихъ университетахъ. Затѣмъ занялся педагогическою дѣятельностью: въ теченіе полуторыхъ лѣтъ былъ учителемъ и 4 года занималъ мѣсто инспектора въ Тульской гимназіи, съ 1865 же и по 1870 г.—директора Симферопольской гимназіи. Проведя затѣмъ годъ за границей, онъ посвятилъ себя земской дѣятельности, поселившись въ деревнѣ и разнообразя свою деревенскую жизнь ежегодными путешествіями по Россіи, за границей и въ болѣе отдаленныя страны; такъ, между прочимъ, онъ путешествовалъ по Египту, Сиріи и Америкѣ.

Въ качествѣ земскаго дѣятеля онъ былъ избираемъ и губернскимъ, и уѣзднымъ гласнымъ, былъ предсѣдателемъ земской управы въ своемъ уѣздѣ и непремѣннымъ членомъ по крестьянскому управленію. Между прочимъ, онъ является однимъ изъ главныхъ основателей въ Курскѣ земской учительской школы и реального училища. Въ 1881 и 82 годахъ онъ былъ приглашенъ правительствомъ къ участию въ «комиссіяхъ свѣдущихъ людей» по вопросамъ питейному и переселенческому, и по окончаніи работъ комиссіей былъ назначенъ въ числѣ шести человекъ защищать проектъ комиссіи передъ государственнымъ совѣтомъ. Въ послѣднее время онъ занималъ мѣсто управляющаго дворянскимъ и крестьянскимъ банкомъ въ Воронежѣ. Умеръ 17-го марта 1903 года.

Литературный талантъ пробудился въ Марковѣ очень рано, и уже десяти лѣтъ онъ писалъ стихи. Печататься же началъ съ 1858 г., когда въ *Русскомъ Вѣстникѣ* появились маленькій рассказъ его *Ушанъ* и полемическая статья противъ профессора Ешевскаго. Литературная дѣятельность его, хотя и далеко не столь плодovitая, какъ Боборыкина, въ свою очередь разносторонняя: не ограничиваясь одною беллетристикою, онъ писалъ и критическія, и публицистическія статьи, и очерки путешествій (каковы: *Очерки Крыма, Кавказа*, а также очерки путешествій по Швеціи, Италіи, Востоку и пр.). Изъ большихъ критическихъ этюдовъ извѣстны—о Тургеневѣ, гр. Л. Толстомъ, Некрасовѣ, Островскомъ, Достоевскомъ, Добролюбовѣ, Эм. Золя, Додэ, Гейне, Ауэрбахѣ и пр. Съ 1876 по 1880 г. Евг. Марковъ принималъ дѣятельное участіе въ *Голосѣ* въ качествѣ критика и публициста, а съ 1879 по 1881 г. вѣлъ критическій отдѣлъ въ *Русской Рѣчѣ*.

Въ качествѣ критика, не отличаясь особенною широтою воззрѣній, онъ оставался вѣрнымъ старымъ эстетическимъ теоріямъ чистаго искусства, при чемъ столь фанатично исповѣдывалъ свои эстетическія теоріи, что дошелъ до полнаго отрицанія Некрасова, природное дарованіе котораго и чутье народнаго духа были, по его мнѣнію, заглушены вредными вліяніями политическихъ кружковъ, въ которыхъ онъ вращался.

Въ качествѣ романиста онъ болѣе всего извѣстенъ романомъ *Черноземный поля*, напечатаннымъ въ *Дѣлѣ* въ теченіе 1876 и 1877 годовъ. Позже были написаны имъ менѣе обратившіе на себя вниманіе — *Берегъ моря*

и *Барчуки*. Евг. Марковъ до извѣстной степени почвенникъ, проводящій ту мысль, что городская жизнь портитъ людей, нравственно калѣчитъ и растрѣвываетъ, и лишь возвращеніе въ деревню или въ родную усадьбу, въ среду народа и на лоно природы, можетъ спасти человѣка, возстановить равновѣсіе его силъ и дать имъ благотворный исходъ. Мысль эта является основою беллетристическихъ произведеній Евг. Маркова. Такъ, въ *Черноземныхъ поляхъ* героемъ въ лицѣ Суровцева является одинъ изъ тѣхъ прекраснодушныхъ, гуманныхъ и либерально-энергическихъ помѣщиковъ, какіе парадируютъ во всѣхъ беллетристическихъ произведеніяхъ этого лагеря. Нѣтъ сомнѣнія, что и по характеру, и по обстоятельствамъ жизни Суровцевъ напоминаетъ нѣсколько самого автора; подобно автору романа онъ проходитъ сквозь строй ученой и общественной дѣятельности: сначала читаетъ лекціи, потомъ служитъ по земству, выводитъ оспу изъ уѣзда, чуть не сгораетъ во время пожара. Наконецъ, терпитъ фіаско въ своей земской дѣятельности и благодушно успокаивается на скромномъ сельскохозяйственномъ трудѣ, оказываніи посильной помощи окружающему сельскому люду, и тѣхъ наслажденій природою и любовью съ избранницею сердца. Наденькой, которая, въ свою очередь, отличается тѣмъ, что возросла и воспиталась на родной почвѣ, въ деревнѣ, въ спасительныхъ традиціяхъ старорусской жизни, въ сферѣ практическаго добра и дѣятельной любви; однимъ словомъ, — это роскошный самородокъ, благоухающій сельскій цвѣтокъ, исполненный богатыхъ силъ и жизни, свободно расцвѣтшій на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, подъ горячими лучами солнца, въ отличіе отъ тѣхъ мажорныхъ, но хилыхъ и тщедушныхъ оранжерейныхъ растений, какія произрастаютъ въ городскихъ теплицахъ. Такова философія *Черноземныхъ полей*, этого шедевра Маркова, проводимая и въ прочихъ произведеніяхъ его. Главный недостатокъ всѣхъ его произведеній заключается въ чрезмѣрной растянутости при крайней бѣдности сюжета и отсутствіи быстроты и живости въ его развитіи. Большой любитель сельской природы, Марковъ черезчуръ уже злоупотребляетъ обиліемъ пейзажей, къ тому же при своемъ прекраснодушіи часто вдается въ сантиментальность и тогда начинаетъ напоминать Карамзина чувствительно-торжественнымъ тономъ и риторико-напыщеннымъ языкомъ.

III.

Василій Ивановичъ Немировичъ - Данченко родился на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, въ 1848 году. Дѣтство провелъ онъ, слѣдуя за отцомъ въ его военныхъ походахъ, въ горахъ Дагестана, гдѣ тогда кипѣла война, и въ Грузіи, гдѣ находился полкъ его отца. Затѣмъ въ юномъ возрастѣ судьба кинула его изъ жаркаго юга на Сѣверный океанъ, Мурманъ, Норвегію, Лапландію, Бѣлое море. И всю дальнѣйшую жизнь ему пришлось проводить въ непрестанныхъ странствіяхъ. Въ 1875 году онъ объѣхалъ Волгу и Каспійское море, а на возвратномъ пути поднялся по Камѣ въ Пермскую губернію, гдѣ по рѣкѣ Косвѣ, Чусовой и другимъ изслѣдовалъ глухія захолустья Урала. Въ 1876 г. онъ посѣтилъ нѣсколько монастырей и описалъ ихъ своеобразный бытъ. Въ слѣдующемъ году Немировичъ-Данченко отправился на театръ военныхъ дѣйствій корреспондентомъ и

оставался тамъ до конца военныхъ дѣйствій, принявши участіе въ дѣлахъ при Парапанѣ, въ бомбардированіи Журжева, въ переходѣ черезъ Дунай у Зимницы, въ дѣлахъ 9-го, 10-го и 11-го августа на Шипкѣ, 30-го августа подъ Плевной, 12-го октября подъ Кадыкіюемъ, въ дѣлахъ на Зеленыхъ горахъ въ отрядѣ Скобелева, въ зимнемъ переходѣ черезъ Балканы, въ сраженіи подъ Шипкою 28-го декабря, въ занятіи Адрианополя

В. И. Немировичъ-Данченко.

и т. д., до Санъ-Стефано. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ онъ оказалъ большую храбрость, за что сверхъ другихъ отличій получилъ солдатскій георгіевскій крестъ. Послѣ войны, вернувшись въ Петербургъ, онъ не долго усидѣлъ на мѣстѣ и отправился сначала въ Крымъ и на Кавказъ, потомъ—въ Грецію и Европейскую Турцію, при чемъ вторично объѣхалъ Болгарію и Сербію, на нѣсколько мѣсяцевъ поселился въ Венгріи, на обратномъ пути еще разъ объѣхалъ Румынію. Въ 1881 г. Немировичъ-Данченко посѣтилъ Египетъ, въ 1882 году—Адриатическое поморье. Вслѣдъ затѣмъ онъ путешествовалъ по Испаніи и Марокко, Италіи и Алжиру,

по Голландіи и пр. И по сей день ведетъ онъ все ту же кочевую жизнь, разъѣзжая по бѣлу-свѣту, и рѣдко останавливается гдѣ-бы то ни было на одинъ, на два мѣсяца.

Вниманіе публики впервые привлекъ онъ, какъ путешественникъ, своими статьями въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1874 года, подъ заглавіемъ *За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, очерки Мурманскаго берега*. Въ томъ же году въ *Вѣстникъ Европы* появились его *Соловки*, описаніе нравовъ и быта иноковъ Соловецкаго монастыря; эти интересные очерки, въ которыхъ Соловецкій монастырь представляется въ видѣ своеобразной религіозно-промышленной общины, упрочили извѣстность Немировича-Данченко. Затѣмъ появились его путевые очерки: *Лапландія и лапландцы, Страна холода, По Волгѣ*. Но наиболѣе прославили его военныя корреспонденціи, помѣщавшіяся во время войны въ разныхъ газетахъ и затѣмъ изданныя подъ заглавіемъ *Годъ войны*. Переведенная на все европейскіе языки, книга эта пользуется европейской извѣстностью. Изъ позднѣйшихъ его путевыхъ очерковъ извѣстны: *Даль* (поѣздка по Югу), *Въ гостяхъ* (поѣздка по Кавказу), *Послѣ войны* (поѣздка по Болгаріи), *Святые горы, Крестьянское царство*.

Во всѣхъ этихъ путевыхъ очеркахъ Немировичъ-Данченко является увлекательнымъ рассказчикомъ, умѣющимъ подчеркивать все существенное и завлекать читателей разнообразіемъ содержанія, владѣющимъ горячимъ воображеніемъ и прекраснымъ языкомъ. Особеннымъ мастерствомъ отличаются его пейзажи, блестящіе живыми, яркими красками, вскрешающіе природу во всѣхъ ея особенностяхъ, какъ роскошнаго, пламеннаго юга, такъ и холоднаго, безжизненнаго сѣвера.

Сверхъ путевыхъ очерковъ Немировичъ-Данченко написалъ рядъ романовъ, повѣстей и мелкихъ рассказовъ для дѣтей, для народа, святочныхъ и т. п. Таковы романы его: *Гроза, Плевна и Шипка, Впередъ, Цари биржи, Кулисы, Въ ежовыхъ рукавицахъ, Монахъ, Исповѣдь женщины, Семья богатырей* и пр.

Романы Немировича-Данченко читаются съ интересомъ и не лишены художественныхъ достоинствъ, но имъ вредитъ излишняя пылкость воображенія, приводящая автора къ преувеличеніямъ, пересаливаніямъ и мелодраматическимъ эффектамъ.

Гораздо выше и въ художественномъ, и въ идейномъ отношеніи его мелкіе рассказы изъ народнаго и военнаго быта, изданные въ 1889 году подъ заглавіемъ *Незамѣтные герои*, а также среди *Святочныхъ рассказовъ* его, изданныхъ въ 1890 г., такія вещи, какъ *Забитый рудникъ, Махмудкины дѣти, Богданъ Шипкинъ*. Захватывающею за сердце задушевностью, гуманностью и глубокою реальною правдою рассказы эти составляютъ украшеніе нашей литературы.

Наконецъ, замѣчательнѣе Немировичъ-Данченко и какъ поэтъ. Стихотворенія его, появлявшіяся въ продолженіе всей его литературной дѣятельности въ періодическихъ изданіяхъ и изданныя потомъ отдѣльно, замѣчательны тѣмъ, что Немировичъ-Данченко—одинъ изъ немногихъ поэтовъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, которые остались вѣрны лучшимъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ. Стихотворенія Немировича-Данченко, исполненныя серьезнаго идейнаго содержанія, чужды какъ безцѣльной содерцательности, такъ и малодушнаго пессимизма.

IV.

Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ, извѣстный публикѣ подѣ псевдонимомъ *Сергѣй Атава*, родился 12-го мая 1841 г. въ селѣ Никольскомъ, Тамбовской губ., Усманскаго уѣзда. Родители его были дворяне. Отецъ его, Николай Николаевичъ, былъ человекъ образованный, гуманный, имѣлъ большую библиотечку, выписывалъ новыя книги и журналы. Дѣтскіе годы Терпигорева прошли въ деревенской глуши. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ подѣ наблюденіемъ отца и гувернеровъ, француза и нѣмца, приглашенныхъ для практики въ языкахъ. Шутя выучившись чтенію и письму, мальчикъ проводилъ цѣлыя часы въ кабинетѣ отца, читая безъ разбора все, что попадалось на глаза. Кончивъ затѣмъ курсъ Тамбовской

С. Н. Терпигоревъ.

гимназіи, въ 1860 году Терпигоревъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ, но ему не удалось прослушать курса, такъ какъ послѣ студенческихъ безпорядковъ онъ былъ высланъ изъ Петербурга въ 1862 году. Къ этому же времени относится и начало его литературной дѣятельности. Вмѣстѣ съ поступленіемъ въ университетъ, пристроился онъ къ выходившей въ то время два раза въ недѣлю газетѣ А. С. Героглифова *Русскому Міру*, гдѣ, въ концѣ 1861 года въ № 100, была помѣщена повѣсть его *Черствая доля*, написанная еще въ гимназическіе годы. Въ слѣдующемъ году въ прилагавшемся при *Русскомъ Мірѣ* юмористическомъ листкѣ *Гудокъ* было напечатано нѣсколько обличительныхъ ста-

теекъ Терпигорева по поводу безобразій, творившихся на его родинѣ, а въ 1862 году былъ напечатанъ въ *Русскомъ Мірѣ* маленькій отрывокъ изъ большаго неудавшагося романа *Красныя Талы*.

Разказомъ изъ *Записокъ неудавшагося чиновника*, напечатаннымъ въ № 1 и 2 *Русскаго Слова* 1863 года, закончился первый періодъ литературной дѣятельности Терпигорева. Послѣ высылки изъ Петербурга, въ продолженіе 20 лѣтъ вель онъ скитальческую жизнь, во время которой онъ писалъ и печатался лишь урывками. Такъ, въ теченіе 60-хъ годовъ онъ высылалъ въ *Голосъ* Краевскаго корреспонденціи изъ родного края, вслѣдствіе которыхъ нажилъ немного друзей и очень много враговъ. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1869—1870 гг. появились двѣ его вещи: небольшой очеркъ *Въ степи* и комедія *Слѣзніе*. Подѣ обоими произведе-

ніями былъ подписанъ псевдонимъ *С. Атава*. Наконецъ, въ 1880 году началось печатаніе въ январской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* капитальное произведеніе его: *Оскуднѣніе, очерки, замѣтки и размышленія тамбовскаго помѣщика*. Очерки эти имѣли такой успѣхъ, что, несмотря на появленіе ихъ въ отдѣльномъ изданіи тотчасъ же послѣ печатанія въ столь распространенномъ журналѣ, какъ *Отечественныя Записки*, въ одинъ годъ были распроданы, и въ слѣдующемъ 1882 году явилось новое изданіе, разошедшееся съ небольшою быстротою. Причина такого успѣха очерковъ Терпигорева заключалась какъ въ недюжинномъ талантѣ автора, полномъ живой изобразительности и юмора, такъ и въ томъ, что они какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали назрѣвшей злобѣ дня. Въ то время только-что успѣлъ выясниться и завладѣть умами тревожный вопросъ о дворянскомъ обѣднѣніи. Мы видѣли, что и Салтыковъ въ теченіе семидесятихъ годовъ посвящалъ свои произведенія тому же вопросу. Тѣ же печальные факты борьбы за существованіе цѣлаго сословія, которые у Салтыкова выразились въ широкихъ обобщеніяхъ, Терпигоревъ изобразилъ въ конкретныхъ, фотографическихъ очеркахъ. Достоинство этихъ очерковъ заключается въ ихъ искренности и правдивости. Они производятъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы бесѣдуете съ кающимся дворяниномъ, который, не щадя живота, ни своего, ни присныхъ, съ полною откровенностью исповѣдуется передъ вами во грѣхахъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ отцовъ и дѣдовъ. Въ изображеніяхъ различныхъ способовъ и попытокъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и открыть новые источники беззаботнаго и привольнаго существованія безъ труда, читатели усмотрѣли цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ скандаловъ, которые у всѣхъ были на глазахъ и въ свѣжей памяти, что еще болѣе увеличивало интересъ очерковъ и обуславливало ихъ успѣхъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого успѣха Терпигоревъ былъ приглашенъ М. М. Стасюлевичемъ писать воскресные фельетоны въ только-что начавшей издаваться имъ новой газетѣ *Порядокъ*; но, недолго оставаясь сотрудиникомъ этой газеты, Терпигоревъ перешелъ въ *Новое Время*, гдѣ, до самой своей смерти, 13 іюня 1895 года, онъ каждое воскресенье писалъ небольшие фельетоны, изрѣдка помѣщалъ отдѣльныя статьи въ *Нови*, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* и пр., продолжая все ту же скандальную хронику дворянскаго легкомыслія до и послѣ реформъ. Разказы свои Терпигоревъ время отъ времени собиралъ въ отдѣльныя изданія: такъ, въ 1885 году вышла *Желтая книга—сказаніе о новыхъ княгиняхъ и старыхъ князьяхъ*, позже—*Пестрядь*, *Потревоженные тѣни* и проч. Не ограничиваясь однимъ современно-общественнымъ значеніемъ, разказы Терпигорева, безъ сомнѣнія, перейдутъ въ потомство и будутъ цѣниться имъ, какъ важный историческій мемуаръ, знакомящій съ помѣщичьими нравами XIX вѣка.

Илья Александровичъ Саловъ родился 6-го апрѣля 1835 года въ городѣ Пензѣ, на Московской улицѣ. Дѣтство провелъ онъ въ родовомъ имѣніи отца, Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, въ селѣ Никольскомъ. Первыми учителями его были приходскій дьяконъ Ласточкинъ, затѣмъ учитель краснослободскаго уѣзднаго училища. Кромѣ нихъ были наняты и иностранцы для языковъ—дядька Андрей Карловичъ Трухмеллеръ, нѣмецкій колонистъ Саратовской губерніи, и французъ мосье Поле.

Десяти лѣтъ И. А. Саловъ былъ отданъ въ Пензенскую гимназію, гдѣ наибольшее вліяніе на юношу оказалъ учитель русской словесности Егоръ Карловичъ Р—ъ, который, помимо обычныхъ уроковъ, читалъ съ воспитанниками русскихъ классиковъ и познакомилъ ихъ, между прочимъ, съ Тургеневымъ, оказавшимъ наибольшее вліяніе на талантъ Салова.

Но Салову не пришлось кончить курсъ гимназіи. Внезапный пожаръ, во время котораго сгорѣлъ весь собранный хлѣбъ, повелъ за собою полное разореніе матери его. Никольское было продано за долги, и мать съ дѣтьми принуждена была ѣхать въ Петербургъ, потомъ въ Москву. Здѣсь она приобрѣла на послѣднія крохи маленькое имѣніице, а сыновья, въ томъ числѣ и Саловъ, принуждены были поступить на службу въ канцелярію московскаго губернатора. Уже на школьной скамьѣ Саловъ пописывалъ. На службѣ онъ попалъ въ театральныя кружки (П. Ив. Владиславскій, Ѡ. М. Рудневъ, П. Н. Баташовъ), подъ вліяніемъ котораго занялся переводомъ французскихъ мелодрамъ. Такъ, первая пьеса, переведенная имъ въ сотрудничествѣ съ Владиславскимъ, драма въ 5 дѣйствіяхъ *Ницца*, была поставлена на Императорской сценѣ въ 1854 г. Затѣмъ въ сотрудничествѣ съ Владиславскимъ же Саловъ перевелъ мелодраму *Слѣпой*, которая шла въ бенефисъ Самарина въ 1860 году. Между тѣмъ случайно познакомился онъ съ М. Н. Катковымъ, который только что начиналъ издавать *Русскій Вѣстникъ*. Это знакомство побудило Салова снести въ редакцію Р. В. два разсказа, написанные имъ еще въ Никольскомъ—*Путиловскій регентъ* и *Забытая усадьба*. Оба эти разсказа были напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Вслѣдъ затѣмъ появился въ *Современникѣ* разсказъ *Лѣсникъ* и *Мертвое тѣло*—въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Наибольше выдающимися произведеніями его являются—*Мельница купца Чесалкина*, *Грызуны*, *Аспидъ*, *Арендаторъ*, *Ольшанскій баринъ*, *Иванъ Огородниковъ*, *Четыре времени года*, *Двѣими грезы* и пр. Умеръ И. А. Саловъ 24 декабря 1902 г.

Будучи однимъ изъ самыхъ талантливыхъ беллетристовъ нашего времени, Саловъ отличается тѣмъ, что, усвоивъ характеръ тургеневскихъ произведеній, остался наиболѣе вѣренъ школѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Такъ, наприимѣръ, одною изъ обычныхъ формъ во многихъ его повѣстяхъ являются похождения охотника, подвергающагося во время скитаній всевозможнымъ встрѣчамъ и приключеніямъ. Вы не найдете у него претензій на высшее художественное творчество, обобщающее и проникающее въ глубокіе тайники жизни. Это безпретенціозный разсказчикъ-фотографъ, изображающій все, что ему бросается въ глаза и поражаетъ его въ деревенской жизни. Рисуя послѣднюю во всемъ обаяніи, какое производятъ красоты природы въ соединеніи съ прелестями лѣтняго деревенскаго *far-niente*, въ контрастѣ съ этою мирною идиллическою стороною, И. Саловъ раскрываетъ передъ нами всю возмутительную неурядицу людскихъ отношеній, характеризующую наше безотрадное время. Передъ вами безконечной вереницей тянутся современные герои деревенской безтолочи въ видѣ мироѣдовъ, проходимцевъ, безсердечныхъ пауковъ, разставляющихъ сѣти черствой наживы, и вы слышите одни жалобные стоны несчастныхъ мухъ, попадающихъ въ эти сѣти. Обиженная, ободранная, голодающая деревня, обветшала усадьба съ заколоченными окнами, поруганная женщина, разбитая и стертая съ лица земли чья-нибудь молодая

жизнь, и надъ всѣмъ этимъ плотоядный, дикій и наглый хохоть разжирѣвшаго Колупаева—вотъ обычные, преобладающіе мотивы разсказовъ И. Салова.

Мрачное, безотрадное впечатлѣніе, производимое разсказами И. Салова, еще болѣе усугубляется фотографичностью его таланта. Вы видите рядъ снимковъ съ конкретной дѣйствительности, несомнѣнно вѣрныхъ и живыхъ; они возмущаютъ васъ до послѣдней крайности, но тщетно ждете вы, чтобы авторъ освѣтилъ ихъ философскимъ анализомъ, чтобы вы могли видѣть какъ причины раскрывающихся передъ вами явленій, такъ и исходъ изъ нихъ,—какой бы ни было, но непременно исходъ. Вы точно ходите по больничной палатѣ, смотрите, какъ вокругъ васъ люди корчатся и стонутъ въ ужасныхъ мученіяхъ, и между тѣмъ не знаете, будетъ ли конецъ этимъ мукамъ, и какой именно—выздоровленіе или смерть.

Къ довершенію всего у Салова есть еще одна особенная манера, которою онъ усугубляетъ мученія своихъ читателей: въ моментъ повѣсти, когда разыгрывается трагедія и читатель весь поглощенъ жалостью и ужасомъ, вдругъ авторъ пускается въ изображеніе идиллическихъ сторонъ деревенской жизни. Тамъ гдѣ-нибудь, за горою, человѣка душатъ и онъ бьется въ предсмертныхъ судорогахъ, а авторъ ведетъ читателя на рыбную ловлю и показываетъ, какъ кротко луна смотритъ въ тихое, зеркальное озеро, какъ купаются въ немъ плакуція вербы, застывшія въ безмолвномъ снѣ, какъ радостно сверкаетъ разведенный костеръ, а возлѣ костра ожидается рыболововъ неизмѣнная водочка съ закусточками, и при этомъ ведутся тихіе разговоры съ анекдотами о всякаго рода необыкновенныхъ происшествіяхъ. Саловъ въ этомъ отношеніи въ своемъ родѣ жестокой талантъ.

V.

Николай Дмитріевичъ Ахшарумовъ родился въ Петербургѣ, 3-го декабря 1819 г., воспитывался въ Царскосельскомъ лицей, гдѣ кончилъ курсъ въ 1839 г. и поступилъ на службу въ канцелярію военного министерства. Въ 1845 году вышелъ въ отставку и посѣщалъ сначала университетъ, затѣмъ рисовальные классы Академіи художествъ. Литературную дѣятельность Ахшарумовъ началъ подъ псевдонимомъ Чернова повѣстью *Двойникъ*, напечатанною въ № 1 *Отечественныхъ Записокъ* 1850 года. Изъ дальнѣйшихъ произведеній его наиболѣе выдаются: *Чужое имя*, романъ (Р. В., 1861 г.), *Мудреное дѣло* (*Эпоха*, 1864 г.), *Натурица* (*От. Зап.*, 1866 г.), *Гражданинъ лѣса* (*Вс. Тр.*, 1867 г.), *Концы въ воду* (*От. Зап.*, 1872 г.) и пр. Умеръ 18 августа 1893 г.

Являясь сверстникомъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, Ахшарумовъ значительно отличается отъ нихъ по характеру и строю своихъ произведеній. Вы не найдете у него ни той простоты сюжетовъ, ни той художественности, какими отличаются беллетристы сороковыхъ годовъ. Сюжеты романовъ и повѣстей Ахшарумова затѣйливы, запутаны, мелодраматичны; иногда въ основѣ ихъ лежитъ уголовный процессъ (*Концы въ воду*); иногда же авторъ вдается въ фантастичность (*Двойникъ*, *Натурица*). Журналы съ охотою помѣщали произведенія Ахшарумова, такъ какъ и до сихъ поръ еще многіе читатели любятъ въ романѣ сказочную занимательность сюжета; но особеннаго значенія романы Ахшарумова никогда не имѣли и яркаго слѣда въ литературѣ они не представляютъ.

Ахшарумовъ написалъ, кромѣ того, массу критическихъ статей, въ которыхъ онъ ратовалъ за чистое искусство, начиная съ первой своей статьи *Порабощеніе эстетики* и кончая безцвѣтными и вялыми статьями во *Всемирномъ Трудѣ*.

Николай Александровичъ Лейкинъ вышелъ изъ купеческой среды. Его родъ состоитъ въ петербургскомъ купечествѣ съ 1871 года и ведетъ свое начало изъ Любимскаго уѣзда, Ярославской губ. Отецъ Лейкина, Александръ Ивановичъ, торговалъ шелковыми товарами въ Гостиномъ дворѣ; мать—Любовь Ивановна Иванова, происходила изъ крестьянскаго

Н. А. Лейкинъ.

сословія, и оба они были образованные люди. Отецъ цитировалъ даже строфы изъ *Евгенія Онѣгина* и *Горя отъ ума*, мать любила романы Диккенса. Лейкинъ родился въ Петербургѣ 8-го декабря 1841 года и воспитаніе получилъ въ Реформатскомъ училищѣ, курсъ котораго кончилъ въ 1858 году съ прекраснымъ знаніемъ нѣмецкаго языка и съ любовью къ естественно-научнымъ занятіямъ. Нѣмецкимъ языкомъ онъ владѣлъ настолько, что въ училищѣ сочинялъ пьески по-нѣмецки (также и на русскомъ), которыя и разыгрывались на ученическихъ спектакляхъ. По выходѣ изъ училища Лейкинъ помогалъ отцу въ торговлѣ, служилъ приказчикомъ и въ кладовой иностранныхъ товаровъ Боненблюста, а затѣмъ—въ петербургскомъ страховомъ обществѣ пять лѣтъ. Послѣ этого онъ предался литературѣ, которую любилъ съ дѣтства. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Лейкина было стихотвореніе *Кольцо*, появившееся въ *Русскомъ Мирѣ* Героглифова, а затѣмъ появился рассказъ *Гробовщикъ* въ *Петербургскомъ Вѣстникѣ* за 1861 г. Затѣмъ Лейкинъ началъ сотрудничать въ *Искрѣ*. Это сблизило его съ Курочкиными, Василиемъ и Николаемъ, и Курочкины, въ особенности же Николай, имѣли благотворное вліяніе на развитіе таланта Лейкина. Конечно, этому вліянію былъ обязанъ Лейкинъ тѣмъ, что на всю жизнь остался безукоризненно честнымъ писателемъ, направлялъ свой юморъ лишь на обличенія темныхъ сторонъ русской жизни, невѣжества и самодурства, и ни разу не обмолвился ни однимъ фальшивымъ звукомъ.

образованные люди. Отецъ цитировалъ даже строфы изъ *Евгенія Онѣгина* и *Горя отъ ума*, мать любила романы Диккенса. Лейкинъ родился въ Петербургѣ 8-го декабря 1841 года и воспитаніе получилъ въ Реформатскомъ училищѣ, курсъ котораго кончилъ въ 1858 году съ прекраснымъ знаніемъ нѣмецкаго языка и съ любовью къ естественно-научнымъ занятіямъ. Нѣмецкимъ языкомъ онъ владѣлъ настолько, что въ училищѣ сочинялъ пьески по-нѣмецки (также и на русскомъ), которыя и разыгрывались на ученическихъ спектакляхъ. По выходѣ изъ училища Лейкинъ помогалъ отцу въ торговлѣ, служилъ приказчикомъ и въ кладовой иностранныхъ товаровъ Боненблюста, а затѣмъ—въ петербургскомъ

Кромѣ *Искры*, Лейкинъ печатался и въ прочихъ періодическихъ журналахъ того времени, какъ-то: въ *Библіотекѣ для Чтенія* Боборыкина, въ *Современникѣ* Некрасова и въ *Отечественныхъ Запискахъ* Краевского. Къ этому періоду относятся два крупныя его произведенія: *Апраксинцы* и *Биржевыя артельщики*. Въ 1869 г. Лейкинъ сотрудничалъ въ *Петербургскомъ Листкѣ*, гдѣ помѣстилъ повѣсть *Кусокъ хлѣба*, а въ 1871 г. въ журналѣ *Библіотека* появился одинъ изъ лучшихъ его романовъ *Христовъ невѣста*. Вскорѣ послѣ того онъ перешелъ въ *Петербургскую Газету*, гдѣ, помимо сценъ, фельетоновъ и маленькихъ рассказовъ, Лейкинъ печаталъ рядъ историческихъ изслѣдованій о народныхъ праздникахъ. Сверхъ упомянутыхъ нами заслуживаютъ вниманія слѣдующія его произведенія: *Наши забавники*, юмористическіе рассказы, *Шуты гороховые*, картинки съ натуры, *Неунывающіе россияне*, рассказы и картинки съ натуры, *Стукинъ и Хрустальниковъ*, романъ изъ жизни биржевыхъ дѣятелей, *Сатуръ и Нимфа*, тоже романъ, и пр.

Не малое вліяніе на развитіе таланта Лейкина имѣли комедіи Островскаго: подъ ихъ впечатлѣніемъ Лейкинъ выступалъ обличителемъ гостинодворскаго и апраксинскаго темнаго царства въ pendant замоскворѣцкому. Но у Лейкина вы не найдете того глубокаго проникновенія въ изображаемый бытъ, какъ у Островскаго: драматической стороны этого быта для Лейкина не существуетъ. Это талантъ по преимуществу комическій. Лейкинъ изображаетъ однѣ смѣшныя стороны купеческихъ нравовъ, обращая главное вниманіе на внѣшнюю ихъ грубость и некультурность. Главный же недостатокъ Лейкина заключается въ отсутствіи чувства художественной мѣры: онъ слишкомъ злоупотребляетъ врожденнымъ остроуміемъ и комизмомъ, утрируя, пересаливая, впадая въ балаганный шаржъ и грубую карикатурность. Очень часто выѣзжаетъ исключительно на одномъ коверканьи иностранныхъ словъ и названій его невѣжественными героями.

Не мало мѣшаетъ правильному развитію и проявленію таланта Лейкина необычная плодовитость его. Не считая десяти пьесъ, которыя съ успѣхомъ шли на императорскихъ и частныхъ театрахъ, число его произведеній превышаетъ семь тысячъ. Эта поистинѣ чудовищная производительность не мѣшала Лейкину въ одно время съ успѣхомъ подвизаться на сценѣ въ качествѣ актера подъ псевдонимомъ Водянова. Сверхъ того, онъ издавалъ и редактировалъ сатирической журналъ *Осколки* и, состоя гласнымъ въ думѣ, принималъ участіе въ различныхъ комиссіяхъ. Понятно, что ему не доставало времени ни обдумывать, ни обрабатывать свои произведенія, а оставалось валить съ плеча, до дна исчерпывая одинъ и тотъ же источникъ—правы купечества Гостинаго и Апраксина дворовъ. Понятно, что изо дня въ день, изъ года въ годъ вы находите у Лейкина неизмѣнно одни и тѣ-же лица самодуровъ-тятенекъ, ихъ полоумныхъ и забытыхъ половинокъ, придурковатыхъ сынковъ, кутилъ и развратниковъ исподтишка, и купеческихъ дочекъ, вѣчно сидящихъ у косящатаго окошечка и дѣлающихъ глазки проѣзжающимъ мимо офицерамъ. Все отличіе одного рассказа отъ другого заключается въ томъ, что тѣ-же неизмѣнныя личности изображаются, смотря по временамъ года и злобамъ дня, то на гуляньѣ, то на крестинахъ, то на свадьбѣ, то на масляницѣ на блинахъ, то на художественной выставкѣ, то въ заграничномъ путешествіи и т. п. Тѣмъ не менѣе нельзя отказать Лейкину въ самобытномъ

и оригинальномъ талантѣ. Онъ создалъ свой собственный комическій юморъ, который умереть вмѣстѣ съ нимъ и тѣми правами, изображенію которыхъ онъ посвятилъ свою дѣятельную жизнь. Умеръ въ 1906 г.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

I. Общая характеристика реакціонной беллетристики и ея шаблоны.—II. Викторъ Петровичъ Ключниковъ.—III. Николай Семеновичъ Лѣсковъ.—IV. Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій.—V. Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ. Василій Григорьевичъ Авѣенко. Константинъ Федоровичъ Головинъ. Василій Петровичъ Авенаріусъ.

I.

Реакціонная беллетристика возникла въ 1862 году вмѣстѣ съ первыми симптомами реакціи, обнаружившимися послѣ студенческихъ исторій 1861 года, пожаровъ 1862 года и польскаго возстанія. Первыми образцами этой беллетристики русская литература была обязана той же плеядѣ сороковыхъ годовъ, отъ которой ведетъ свое начало и либеральная беллетристика. Починъ принадлежитъ Тургеневу съ его *Отцами и дѣтьми*; вслѣдъ затѣмъ выступилъ Писемскій со своимъ *Взбаломученнымъ мормемъ*; затѣмъ Достоевскій провель консервативно-реакціонныя идеи въ романахъ *Преступленіе и наказаніе* и *Бѣсы*; наконецъ Гончаровъ—въ своемъ *Обрывѣ*.

Отчасти подъ вліяніемъ этихъ литературныхъ корифеевъ, отчасти подъ давленіемъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливающейся реакціи, мало-по-малу образовалась цѣлая школа реакціонной беллетристики, не замедлившая выработать для своихъ романовъ шаблонъ, соответствовавшій проводимымъ этою школою идеямъ.—При этомъ беллетристы реакціоннаго лагеря, подвизавшіеся по большей части на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, до такой степени все подъ-рядъ пѣли въ одинъ голосъ и оставались вѣрными своему шаблону, что нѣтъ ничего легче начертать стереотипный планъ, подъ который подойдутъ большинство реакціонныхъ романовъ, вышедшихъ въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ.

Такъ, въ романахъ реакціоннаго лагеря аристократическіе и дворянскіе классы рисуются, конечно, уже въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Въ нихъ однимъ полагается залогъ спасенія распатаннаго общества, поскольку они остаются вѣрными исконнымъ, старо-русскимъ культурнымъ традиціямъ. Представители же движенія, увлекшіеся новыми идеями шестидесятыхъ годовъ, изображаются безшабашными отрицателями-нигилистами, которые отвергаютъ религію, семью, собственность, государство, нагло смѣются надъ всемъ святымъ и завѣтнымъ и ради матеріальныхъ выгодъ готовы на всякое преступленіе.

На первомъ планѣ въ каждомъ реакціонномъ романѣ рисуется герой-охранитель—красивый, статный, съ изысканно свѣтскими манерами. Если онъ не князь и не графъ, то во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ очень древнему дворянскому роду, и рѣдкій романъ обходится безъ главы, посвященной характеристикѣ предковъ и разбору по листочкамъ

генеалогическаго древа героя. Характера герой долженъ быть гордаго, непреклонно-твердаго, храбро-отважнаго, немного пожалуй вспыльчиваго. Убѣжденіями проникнуть онъ, конечно, ужъ самыми благоразумными и спасительно-консервативными, и всѣ силы души его стремятся къ борьбѣ съ неправдою и зломъ на охраненіе коренныхъ основъ религіи, нравственности, семьи, собственности, въ особенности же окраинъ Россійской имперіи.

Еще до служебнаго поприща онъ начинаетъ спасать отечество въ либеральной гостиниѣ губернскаго города, разразившись тирадой о паденіи современныхъ нравовъ, о томъ, что лягушки никогда не могутъ замѣнить того божественнаго упоенія, какое возбуждается сонатой Бетховена, сыгранной прекрасными пальчиками, и что наши предки тоже были скептиками, но скептицизмъ не мѣшалъ имъ цѣнить изящное и любить родину паче жизни. Подобная рѣчь возбуждаетъ смѣхъ въ легкомысленныхъ либералахъ, но чьи-нибудь глубокія синія очи затуманиваются темной задумчивостью подѣ обаяніемъ рѣчи героя и загораются живымъ участіемъ, когда герою мимоходомъ среди споровъ удастся сбить съ толку отрицающаго гимназиста или до такой степени опшшить и сконфузить хвастливаго пана Бзексержинскаго, что панъ, схвативши конфедератку, быстро улепетываетъ, кипя злобой и обѣщаясь мстить герою до смерти.

Затѣмъ герой опредѣляется на государственную или земскую службу въ качествѣ мирового посредника, судебного слѣдователя или чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, и здѣсь начинается уже серьезная борьба героя со зломъ, угрожающимъ основамъ и окраинамъ. Зло это представляется въ двоякомъ видѣ: 1) въ видѣ коварной польской интриги, осуществленной въ образѣ пана Бзексержинскаго, который подѣ предлогомъ служенія отчизнѣ на самомъ дѣлѣ только и помышляетъ, какъ бы ехидно отомстить герою романа за понесенную въ присутствіи синеокой дѣвы обиду; 2) въ видѣ многоглавой гидры нигилизма, которая изображается въ романахъ не иначе, какъ панурговымъ стадомъ саврасовъ безъ узды, возмущающихъ крестьянъ, подсовывающихъ въ карманы героя возмутительныя прокламаціи, посягающихъ, наконецъ, на самую жизнь героя,—и все это подѣ влияніемъ все той же польской интриги. Въ борьбѣ со всѣми этими исчадіями ада герой бываетъ оклеветанъ и попадаетъ подѣ судъ; его отравляютъ, нѣсколько разъ истекаетъ онъ кровью отъ ранъ, но въ концѣ концовъ выходитъ сухимъ изъ воды, побѣдя и посрамя польскую интригу и панургово стадо нигилизма. Варіаціями слушаютъ современныя событія, которыя стоятъ на первомъ планѣ. Если авторъ главное вниманіе обращаетъ на польскую интригу, онъ посылаетъ героя въ западный край геройствовать на славу; если же романистъ напирается на панургово стадо, то герой ѣдетъ въ Петербургъ въ разгаръ движенія шестидесятихъ годовъ и вращается здѣсь въ студенческихъ, нигилистическихъ или литературныхъ кружкахъ; или же отправляется за границу, сталкивается тамъ съ русскими эмигрантами и на обратномъ пути спасаетъ отъ гибели какого-нибудь юнца, выбросивши за бортъ парохода пукъ прокламацій, которыя юный спутникъ везъ неблагоприятно въ отечество.

Вперемежку между общественными подвигами идутъ любовныя приключенія героя, обладающаго, между прочимъ, и даромъ покорять жен-

скія сердца. Женщины взапуски влюбляются въ него съ первой встрѣчи, и герой переживаетъ три вида любви. Одна имѣетъ игривый и скабрешный характеръ; предметомъ ея является или роскошная губернаторша, опутывающая героя чарами кокетства, или супруга закадычнаго друга, съ которой герой, не любящій осквернять чужихъ супружескихъ ложей, вовсе не предполагаетъ сходиться близко, но ему приходится ночевать съ ней въ двухъ смежныхъ комнатахъ, и неожиданно онъ дѣлается жертвою ея страстности. Другая любовь вспыхиваетъ внезапно, какъ ураганъ, доводитъ героя до высшаго экстаза страстности и повергаетъ его въ крайнее изнеможеніе и нравственное ослѣпленіе, это—любовь къ юной полькѣ, сестрѣ пана Бзексержинскаго, или къ россиянкѣ, жаждущей широкаго простора жизни, уносящейся въ волны нигилизма и гибнущей кровавой смертью. Наконецъ, третья любовь, постепенно развивающаяся, неслышная, незамѣтная сначала, но впоследствии самая глубокая, истинная и безконечная, это—любовь къ той синеокой дѣвѣ, которая, въ pendant герою, представляетъ собою типъ коренной русской женщины, стремящейся къ семейному очагу, свято охраняющей основы и неспособной къ мишурнымъ увлеченіямъ и легкомысленнымъ отрицаніямъ. Съ этой во всѣхъ отношеніяхъ идеальной своей суженой герой почиваетъ отъ всѣхъ тревоженій и, уставши охранять отечество собственной грудью, посвящаетъ остатокъ дней воспитанію въ деревенской тиши новыхъ будущихъ охранителей.

Къ этому ко всему слѣдуетъ присоединить лакейскую страсть изображать въ обольстительномъ свѣтѣ великосвѣтскіе нравы, балы, рауты, придворные выходы и приемы, парадные обѣды, пирушки золотой молодежи и пр., и пр.,—страсть, побудившая Достоевскаго, со словъ Ив. Панаева, обозвать писателей этого рода «коленкоровыхъ манишекъ безпощадными Ювеналами».

II.

Но прежде чѣмъ реакціонный романъ застылъ въ подобномъ шаблонѣ, онъ пережилъ переходный періодъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, составляющій мостъ отъ реакціонныхъ романовъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ къ беллетристичѣ *Русскаго Вѣстника* семидесятыхъ годовъ. Прогрессивныя идеи шестидесятыхъ годовъ не сразу уступили свое господство реакціоннымъ. Было время, когда люди, склонившіеся на путь реакціи, все еще оставались до извѣстной степени вѣрны идеямъ шестидесятыхъ годовъ и ратовали во имя этихъ самыхъ идей не противъ движенія, а тѣхъ некрасивыхъ формъ, какія оно иногда принимало въ дѣствіе того, что весьма многіе не понимали идей, которыми увлеклись, не доразвилились еще до нихъ или же были слишкомъ искалѣчены дурными условіями прежнихъ порядковъ.

Первымъ обличителемъ демократовъ съ ихъ же точки зрѣнія явился Викторъ Петровичъ Ключниковъ. Родомъ изъ дворянъ, онъ родился 10-го марта 1841 года въ Смоленской губерніи, въ Гжатскомъ уѣздѣ. Дѣтство провель въ Москвѣ. Воспитывался первоначально въ частномъ пансіонѣ; затѣмъ въ 1851 году поступилъ въ 4-ю Московскую гимназію, преобразованную въ это время изъ бывшаго Дворянскаго института. Въ теченіе гимназическаго курса пользовался руководствомъ нѣкоторыхъ членовъ

кружка Станкевича, напимѣръ, поэта Красова, преподававшего русскую словесность, и др. Кончивши гимназическій курсъ съ золотой медалью, Ключниковъ въ 1857 году поступилъ въ Московскій университетъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. По окончаніи курса въ 1861 г. со степенью кандидата, Ключниковъ уѣхалъ въ свое имѣніе Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда, гдѣ провелъ лѣто и осень вмѣстѣ съ дядей, потомъ сороковыхъ годовъ, И. П. Ключниковымъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на ходъ его развитія. Въ 1862 году, вернувшись въ Москву, онъ поступилъ на службу въ 8-й департаментъ Правительствующаго сената. Прослуживъ здѣсь около года помощникомъ секретаря, Ключниковъ занялся педагогическою дѣятельностью, а затѣмъ вскорѣ оставилъ службу и посвятилъ себя литературѣ. Въ 1864 году былъ напечатанъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* первый романъ его *Марево*, обратившій на себя вниманіе публики и доставившій автору извѣстность. Послѣ того Ключниковъ занялся при редакціи *Русскаго Вѣстника* переводами, преимущественно съ англійскаго языка (такъ, большая часть романа Диккенса *Нашъ общій другъ* переведена имъ). Въ 1866 году напечатанъ былъ имъ въ *Литературной Библіотекѣ* второй романъ *Большіе корабли*, мало обратившій на себя вниманія.

Въ концѣ 1868 года Ключниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ по приглашенію покойнаго издателя *Зари*, В. В. Каширева, и состоялъ постояннымъ сотрудникомъ этого журнала до 1870 года, когда былъ утвержденъ редакторомъ только-что основаннаго журала *Нива*. Съ этого времени Ключниковъ окончательно отдался редакторской дѣятельности: до 1876 года въ журналѣ *Нива*, а затѣмъ по составлявшемуся подъ его редакцію *Всенаучному (энциклопедическому) словарю*. Въ 1880 г. Ключниковъ вернулся въ Москву и былъ сотрудникомъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Съ 1883 по 1886 г. завѣдывалъ *Русскимъ Вѣстникомъ*, а съ 1887 года снова сталъ редакторомъ *Нивы* и оставался имъ до смерти своей, послѣдовавшей 7-го ноября 1892 года. Сверхъ вышеупомянутыхъ романовъ, нѣсколькихъ мелкихъ разсказовъ и статей, преимущественно по искусству, Ключниковъ написалъ двѣ повѣсти для дѣтей: *Другая жизнь* (1865 г.) и *Государь-отрокъ* (1880 г.).

Въ произведеніяхъ Ключникова отразилось воспитаніе въ идеалистическомъ духѣ людьми сороковыхъ годовъ. Вѣрный идеямъ этой эпохи, онъ тѣмъ не менѣе не могъ оцѣнить движеніе шестидесятыхъ годовъ, вышедшее прямо изъ сороковыхъ годовъ, такъ какъ въ движеніи этомъ искалъ не одного осуществленія завѣтныхъ стремленій своихъ отцовъ и дальнѣйшаго развитія ихъ идей, а идеальныхъ людей, у которыхъ дѣло ни на одну іоту не расходилось бы съ словомъ, и въ каждомъ своемъ поступкѣ они осуществляли бы свои идеалы и принципы. Отсутствие такихъ воплощенныхъ идеаловъ въ жизни и привело Ключникова къ полному отрицанію всего движенія шестидесятыхъ годовъ. Такъ, въ романѣ *Марево* героиня Нина является дочерью одного изъ передовыхъ людей сороковыхъ годовъ, вокругъ котораго, по словамъ автора, какъ вокругъ центра, группировалось все мыслящее въ Россіи. Непонятый своимъ вѣкомъ, не найдя никакого исхода своимъ стремленіямъ, человекъ этотъ зачахъ и умеръ на рукахъ дочери, въ которую вложилъ весь пылъ своихъ неудовлетворенныхъ, осмѣянныхъ стремленій: «Если ты пойдешь по

пути, завѣщанному тебѣ отцомъ, ты будешь его мстителемъ, потому что въ тебя вложены великія силы... Если ты пойдешь противъ отца, я не осужу тебя; свобода прежде всего; но неужели моя Нина пойдетъ противъ отца?..»

И вотъ Нина вступаетъ въ вихрь современнаго движенія и въ толпу приверженцевъ его не изъ одного увлеченія модными идеями, а ради исполненія завѣщанія отца, какъ мстительница за его погубленную жизнь; но рядъ тяжкихъ опытовъ приводитъ ее къ горькому разочарованію и убѣжденію, что движеніе представляется маревомъ, миражемъ, а поборники его—рядъ вопіющихъ противорѣчій высокихъ идей съ дрянными или низкими поступками.

„Всѣ формы жизни,—говоритъ она,—прошли передо мною; всѣ направленія дѣятельности сталкивались вокругъ меня, ломая и уничтожая другъ друга; я увлекалась то тѣмъ, то другимъ, но приступить не могла ни къ одному. Какъ только я осматривалась въ новомъ положеніи настолько, что затаенная ложь, не чуждая ни одной партіи, начинала мнѣ сквозить черезъ декоративную вѣщность, я чувствовала себя разбитою, уничтоженною, замирала на время для жизни, замыкалась въ самой себѣ. Я не проклинала прежнихъ товарищей, я молча удалялась отъ нихъ; они честили меня измѣнницей святому дѣлу и прочими кличками, къ которымъ только теперь я совершенно равнодушна,—только теперь, когда всѣ стремленія мои разбиты дѣйствительностью, когда я разочаровалась въ себѣ и во всемъ, за что жертвовала собою. Годъ тому назадъ я сошлась съ людьми, которые казались мнѣ поборниками правды, добра, свободы, всего, не потерявшаго для меня и до сихъ поръ своего истиннаго смысла. Теперь я вижу насквозь эту горсть честолюбцевъ, жадно рвущихъ другъ у друга власть, какъ стая коршуновъ тащить другъ у друга изъ клюва требуху дохлой скотины. Я видѣла эту знаменитую борьбу, въ которой свобода народовъ—звучный предлогъ для возвышенія однихъ тирановъ на счетъ другихъ, я знаю всѣ ихъ средства къ достиженію пѣли самой низкой, прикрытой маской національности. Я стояла лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ народомъ, съ которымъ они заигрывали до поры до времени. Это было послѣднею гирею на колеблющіяся вѣсы... Нѣтъ словъ выразить презрѣнія, нѣтъ мѣрки для ненависти, которая почувствовала я къ нимъ. Я съ ужасомъ отвернулась назадъ... Тамъ, за мною осталась Вѣрочка, сперва творившая себѣ потѣху изъ науки, а потомъ заигравшая въ революцію; тамъ былъ Ваня, сразу принявшійся за разрушеніе троновъ; тамъ, наконецъ, накопилась мелюзга, уже въ сравненіи съ которой дѣти казались гигантами... Я осталась одна на своей призванной высотѣ, изломанная, искалѣченная, безъ всякой охоты къ жизни, безъ всякой вѣры въ будущность“...

Отвергнувши такимъ образомъ все современное движеніе вслѣдствіе нравственной несостоятельности приверженцевъ его, Ключниковъ, подобно Писемскому, почилъ на исконныхъ народныхъ началахъ въ духѣ квасного патріотизма и домостроя, олицетвореніемъ вѣрности которыхъ и является герой романа Русановъ, скроенный по шаблону всѣхъ консервативныхъ романовъ.

III.

Рядомъ съ Ключниковымъ такимъ же обличителемъ новыхъ людей во имя ихъ же идей является *Николай Семеновичъ Лѣсковъ*, долгое время бывший извѣстнымъ публикѣ подъ псевдонимомъ *М. Стебницкаго*. Онъ происходилъ изъ дворянской семьи; родился 4-го февраля 1837 г. въ селѣ Гороховѣ, Орловской губерніи и уѣзда; дѣтскіе годы провелъ въ селѣ Панинѣ той же губерніи, Пронскаго уѣзда, въ богатомъ домѣ одного изъ своихъ дядей. Воспитаніе получилъ онъ въ Орловской гимназіи. Осиротѣвъ шестнадцатилѣтнимъ юношей, рано принужденъ былъ содержать себя тяжкимъ трудомъ, терпя нужду и невгоды, такъ какъ все имущество, оставшееся послѣ отца, сгорѣло въ эпоху большихъ орловскихъ пожаровъ сороковыхъ годовъ. Сперва онъ служилъ на государственной службѣ, потомъ на частной, требовавшей частыхъ разъѣздовъ.

Эти разъѣзды дали ему возможность близко познакомиться съ бытомъ всѣхъ сословій и вынести массу разнообразныхъ впечатлѣній. Обогащенный такимъ образомъ знаніемъ жизни и владѣвшій отъ природы недюжиннымъ талантомъ, Лѣсковъ, выступивъ на литературное поприще въ 1860 году, быстро пріобрѣлъ литературную извѣстность. Исполняя разнообразныя литературныя работы, онъ вращался въ передовыхъ и либеральныхъ кружкахъ, и никто не подозрѣвалъ въ немъ будущаго гонителя движенія, приверженцемъ котораго онъ въ то время являлся. Но нѣсколько неосторожныхъ и нетактичныхъ словъ по случаю петербургскихъ пожаровъ 1862 года, оброненныхъ въ фельетонѣ въ *Сѣверной Пчелѣ*, подняли страшную бурю въ то горячее и тревожное время. Вся пресса накинулась на Лѣскова, какъ на подстрекателя полиціи и толпы противъ учащейся молодежи, какъ на отступника, перекинувагося въ противный лагерь. Имя Стебницкаго сдѣлалось чуть не браннымъ словомъ. Этотъ неожиданный инцидентъ такъ потрясъ Лѣскова и въ концѣ концовъ ожесточилъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлался перебѣжчикомъ, и первымъ результатомъ озлобленія былъ романъ *Некуда*, появившійся въ 1865 году.

Самое заглавіе романа показываетъ, что онъ носитъ тотъ же общій характеръ разочарованія движеніемъ, какъ *Взбаломученное море* Писемскаго, *Марево* Клюшникова, *Дымъ* Тургенева. Если движеніе это не что иное, какъ мыльные пузыри, марево, дымъ, то, конечно, лучшимъ людямъ дѣться *некуда*,—россійская земля сошла для нихъ клиномъ: все старое *некуда* не годится, новое несостоятельно,—остается ложиться въ хладныя могилы. Лѣсковъ употребилъ буквально тѣ же пріемы, что и Клюшниковъ: на первый планъ выдвинуты имъ два положительные типа: идеальный социалистъ Райнеръ и столь же идеальная социалистка Лиза Бахарева. Подобно Иннѣ, Райнеръ воодушевленъ смертью своего отца, разстрѣяннаго швейцарскаго революціонера. Разочаровавшись въ европейской жизни, Райнеръ ѣдетъ въ Россію, предполагая найти въ ней самородный социализмъ, коренящійся на народной почвѣ, но находитъ толпу растлѣнныхъ нигилистовъ. Въ отчаяніи кидается онъ въ польское возстаніе, предполагая тамъ обрѣсти искомый социализмъ; но и тамъ не находитъ и кончаетъ жизнь плѣномъ и разстрѣліемъ. Съ своей стороны, Лиза Бахарева, непонятая и угнетенная въ семейной жизни, ждетъ выхода изъ нея въ современномъ движеніи, бросается въ толпу тѣхъ же коварныхъ нигилистовъ; но, разочаровавшись въ нихъ, не знаетъ, куда преклонить голову, находитъ, что дѣться *некуда*, томится жаждою труда, не зная, за что приняться, пока зрѣлище смерти Райнера не потрясаетъ всей ея природы, и тогда, поверженная на смертный одръ, она умираетъ въ кругу благонамѣренныхъ друзей, оплакавшихъ въ ней несчастную жертву современнаго движенія.

Подобно герою романа Клюшникова Русанову, благонамѣренные друзья Лизы совмѣщаютъ въ себѣ съ здравымъ смысломъ всевозможныя доблести, патриотическія и семейныя. Такъ, напримѣръ, описывая свадьбу Жени Главацкой, Лѣсковъ не преминулъ упомянуть, какъ, сообразно съ прѣстеческими обычаями, къ дѣвственной кровати Жени была смѣло и твердо поставлена другая кровать; какъ монахиня Теокиста, похаживая по спальнѣ, то оправляла оборки подушекъ, то осматривала кофту, то передвигала

мужскія и женскія туфли новобрачныхъ; какъ затѣмъ молодая жарко молилась съ монахиней о ниспосланіи брака честна и соблюденіи ложа нескверна, и затѣмъ авторъ объявляетъ, что мы не имѣемъ права далѣе оставаться въ этой комнатѣ, и тѣмъ заканчиваетъ картину благонамѣреннаго и благочестиваго брака. Но этимъ только и ограничивается сходство романовъ Стебницкаго и Ключникова.

Н. С. ЛѢсковъ.

Далѣе мы видимъ радикальное ихъ различіе въ томъ отношеніи, что Ключниковъ въ своемъ романѣ остается въ предѣлахъ художественнаго творчества: онъ изобразилъ одни общіе типы. Лѣсковъ же вывелъ въ своемъ романѣ рядъ портретовъ живыхъ людей, по большей части общеизвѣстныхъ, участвовавшихъ въ движеніи того времени и лично ему знакомыхъ. Такъ, многіе узнали въ романѣ возбуждавшую въ то время сенсацию *знаменскую коммуну*, Слѣпцова и др. Сами герои *Некуда*, Лиза Бахарева и Райнеръ (извѣстный въ то время вращавшійся среди круж-

ковъ Артуръ Бени),—въ свою очередь портреты живыхъ людей. Но избранные лица увидѣли себя въ крайне карикатурномъ видѣ. Масса дикихъ слуховъ и безобразныхъ сплетенъ, ходившихъ въ то время въ взволнованномъ обществѣ, воспроизведены Лѣсковымъ въ его романѣ какъ несомнѣнная истина. Все это низводитъ романъ на степень желчнаго и злобнаго политическаго памфлета, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ встрѣтилъ въ литературѣ и въ мало-мальски мыслящихъ кругахъ общества дружное негодованіе. Послѣ выхода въ свѣтъ романа Лѣсковъ подвергся новымъ порицаніямъ и нападеніямъ со стороны всей либеральной прессы. Это еще болѣе озлобило его. Онъ разразился массою беллетристическихъ и публицистическихъ статей, очерковъ, повѣстей, воспоминаній, характеристикъ памфлетически-желчнаго, необузданно-злобнаго характера. Наконецъ, дописался до романа *На ножжахъ*, появившагося въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Въ романѣ этомъ озлобленіе автора доходитъ положительно до бѣшенства, до галлюцинацій. Нигилисты рисуются здѣсь экстрактами всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ. Это—чудовища, помышляющія лишь о наживѣ, и ради нея готовы на ужасныя злодѣянія. Самыя заглавія частей показываютъ, какіе неистовые ужасы изображаются въ романѣ: 1) *Боль врача ищетъ*, 2) *Бездна призываетъ бездну*, 3) *Кровь*, 4) *Мертвый узелокъ*, 5) *Темныя силы*, 6) *Черезъ край*.

По счастью, одними политическими памфлетами не ограничивается литературная дѣятельность Лѣскова. Онъ написалъ массу повѣстей и рассказовъ, чуждыхъ политическихъ тенденцій, и въ этихъ рассказахъ обнаружилъ недюжинный талантъ и разностороннее знаніе русской жизни. Большую сенсацию возбудили вышедшіе въ свѣтъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ *Архіерейскія мелочи*, рядъ бытовыхъ картинъ, обличающихъ нѣкоторыя темныя стороны быта нашей высшей духовной іерархіи.

Очерки эти возбудили такую же бурю въ консервативномъ лагерѣ, какую романъ *Некуда* произвелъ въ либеральномъ. Авторъ и въ правительственныхъ сферахъ впалъ въ немилость. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ писалъ произведенія, чуждыя опредѣленныхъ политическихъ тенденцій, и оставался на нейтральной почвѣ то исторической, то бытовой беллетристики. Между прочимъ, онъ пристрастился къ Прологамъ и почерпалъ въ нихъ сюжеты, которые обрабатывалъ въ археологическомъ стилѣ, стараясь подражать языку и манерѣ этой повѣствовательной литературы первыхъ вѣковъ христіанства. Умеръ онъ 21 февраля 1895 года.

IV.

Далѣе слѣдуютъ писатели, отличающіеся полнымъ отрицаніемъ движенія шестидесятыхъ годовъ, при чемъ одни изъ нихъ отрицаніе свое основываютъ на идеяхъ officialнаго патріотизма, другіе же проповѣдуютъ аристократическія тенденціи въ московскомъ духѣ.

Изъ числа первыхъ самымъ выдающимся является Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій. Онъ родился 11-го февраля 1840 г. въ Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда, въ имѣніи своей бабушки, селѣ Малая Березайка. Здѣсь же протекло его дѣтство и онъ получилъ первоначальное образованіе. Въ 1850 году онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и опре-

дѣленъ въ 1-ю гимназію, по окончаніи курса которой въ 1856 году поступилъ въ Петербургскій университетъ на филологическій факультетъ, но пробылъ въ университетѣ не болѣе двухъ лѣтъ и вышелъ изъ второго курса, увлеченный первыми литературными успѣхами.

До 1868 года В. Крестовскій занимался и существовалъ исключительно литературными трудами; въ началѣ же этого года поступилъ юнкеромъ въ 14 уланскій полкъ, черезъ два года былъ произведенъ въ корнеты, а въ 1871 году командированъ въ Петербургъ для составленія *Исторіи Ямбургскаго полка* и вскорѣ произведенъ въ поручики. Затѣмъ въ началѣ 1874 г., когда *Исторія Ямбургскаго уланскаго полка* была написана и отпечатана, составивши большой томъ въ 54 листа, въ награду за этотъ трудъ онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, а въ 1877 году, состоя при штабѣ главнокомандующаго въ качествѣ исторіографа войны, сдѣлалъ весь послѣдній турецкій походъ, при чемъ переходилъ Балканы и былъ въ Адрианополѣ. Въ послѣдніе годы жизни Крестовскій состоялъ редакторомъ *Варшавскаго Дневника*. Онъ умеръ въ 1895 году.

Писать Крестовскій началъ съ четвертаго класса гимназіи, при чемъ небольшое сочиненіе его на заданную тему—*Вечеръ послѣ грозы*—обратило на себя вниманіе гимназическаго начальства, въ томъ числѣ учителя словесности В. И. Водозова, который не замедлилъ приблизить къ себѣ талантливаго мальчика, и благотворному вліянію этого опытнаго педагога былъ обязанъ Крестовскій первыми шагами развитія своего таланта. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ пребыванія въ гимназіи Крестовскій перевелъ почти половину *Оды* и всю книгу *Эподъ* Горация, четыре первыя пѣсни *Энеиды* и рядъ стихотвореній Гейне, изъ которыхъ многія впослѣдствіи явились на страницахъ разныхъ журналовъ,—и это были годы наиболѣе почтенной и плодотворной литературной дѣятельности В. Крестовскаго, въ неизмѣримой степени полезнѣйшей, чѣмъ вся остальная его дѣятельность.

Первыми печатными произведеніями Крестовскаго были переводъ оды Горация *Къ Хлоръ*, помѣщенный въ *Общезанимательномъ Вѣстникѣ* 1857 года, и напечатанный тамъ же стихотворный рассказъ *Безъ дочери*. Первый прозаическій рассказъ Крестовскаго былъ помѣщенъ въ *Иллюстраціи* въ 1858 году. Затѣмъ въ *Русскомъ Мирѣ* и *Библіотекѣ для Чтенія* въ 1859 году были напечатаны двѣ повѣсти его: *Любовь дворовыхъ* и *Не первый и не послѣдній*, въ *Свѣточѣ* 1860 г.—повѣсть *Бѣсенокъ*, во *Времени* 1861 г.—рассказъ *Погибшее, но милое созданіе*, въ 1860 г.—повѣсти *Пчельникъ* и *Сфинксъ*—въ *Русскомъ Словѣ* и пр. Одновременно во всѣхъ почти періодическихъ изданіяхъ выходила масса его стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ.

Всѣ эти произведенія доставили автору извѣстность, какъ писателю талантливому, хотя они отличаются поверхностностью и легкомысліемъ. Очевидно было, что, плывя по теченію, В. Крестовскій не врѣзывался въ него глубоко, а скользилъ по поверхности. О волновавшихъ въ то время общество вопросахъ онъ судилъ скандачка, придавая имъ видъ беззавѣтной пошлости; такъ, на примѣръ, въ женскомъ вопросѣ ничего не видѣлъ, кромѣ одной эмансипаціи чувственности, и вслѣдствіе этого въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прославился воспѣваніемъ и въ стихахъ, и въ

прозѣ разнаго рода погибшихъ, но милыхъ созданий, начиная съ древнегреческихъ гетеръ и кончая современными гризетками. Такую же легковѣдность обнаружилъ В. Крестовскій и въ *Петербуржскихъ труппахъ*, — романъ, печатавшемся въ *Отечественныхъ Запискахъ* съ 1864 по 1867 г. и изданномъ потомъ отдѣльно въ 1867 году, подъ заглавіемъ *Петербуржскія труппы, книга о сытыхъ и голодныхъ, романъ въ шести частяхъ, четыре тома*. Тема романа, которую намѣчалъ уже Помяловскій, оказалась совершенно и не по таланту, и не по средствамъ автора. В. Крестовскій и не думалъ предпосылать ему то основательное и глубокое изученіе петербургской жизни во всѣхъ ея слояхъ, какого требовала подобная тема; собравши налету кое-какіе свѣдѣнія и факты, онъ написалъ романъ совершенно въ духѣ французскихъ бульварныхъ романовъ съ запутанною интригою и мелодраматическими ужасами.

То насмѣшливое и нѣсколько презрительное отношеніе, какое встрѣтили произведенія В. Крестовскаго въ либеральныхъ кружкахъ, раздражило его самолюбіе, озлобило его. Онъ отшатнулся отъ этихъ кружковъ, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сближался съ людьми реакціоннаго образа мыслей. Съ поступленіемъ же въ военную службу В. Крестовскій окончательно вступилъ въ ряды реакціонеровъ, и вотъ въ 1869 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* появился романъ его въ трехъ частяхъ *Панургово стадо*, а въ 1874 году тамъ же былъ напечатанъ романъ *Двѣ силы*, составляющій продолженіе *Панургова стада*. Оба романа вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1875 г., подъ заглавіемъ *Кровавый пуфъ*.

Романы эти отличаются той же поверхностностью и легковѣдностью, какъ и прочія произведенія В. Крестовскаго. Самое заглавіе перваго романа показываетъ, какъ смотрѣлъ В. Крестовскій на движеніе шестидесятыхъ годовъ: онъ отрицалъ въ немъ всякую самостоятельность и самобытность, органическую связь съ процессомъ развитія русской мысли и считалъ искусственнымъ вліяніемъ польской интриги. Подобно *Петербуржскимъ труппамъ*, вы ничего не найдете и въ политическихъ романахъ Крестовскаго, кромѣ нагроможденія мелодраматическихъ ужасовъ.

V.

Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ родился въ С.-Петербургѣ въ 1822 г. Образование получилъ въ Одессѣ въ Ришельевскомъ лицѣѣ; въ 1842 году поступилъ на службу въ С.-Петербургскую палату государственныхъ имуществъ. Мы не будемъ перечислять всѣхъ его служебныхъ постовъ, какіе онъ занималъ въ своей многолѣтней службѣ до 1874 года, когда въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ званіи камергера, онъ былъ въ 24 часа уволенъ со службы при министерствѣ народнаго просвѣщенія, заподозрѣнный въ любостыжаніи, обнаруженномъ въ содѣйствіи Ѳ. П. Баймакову при покупкѣ *С.-Петербуржскихъ Вѣдомостей*. Умеръ онъ 18-го ноября 1884 года отъ аневризма. Въ романахъ своихъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны *Четверть вѣка назадъ*, *Переломъ* и *Бездна* (послѣдній романъ остался неоконченнымъ за смертью автора), Б. Маркевичъ въ большей степени, чѣмъ всѣ прочіе беллетристы этой школы, обнаруживалъ холопскія благоговѣніе и млѣніе передъ всѣмъ великосвѣтскимъ. На первомъ планѣ во всѣхъ этихъ романахъ парадн-

руютъ князья и графы, рисуясь доблестными хранителями культурныхъ традицій.

Впрочемъ, это охраненіе не мѣшаетъ сіятельнымъ героямъ Б. Маркевича усердно заниматься клубничкою, и авторъ съ немалымъ вождельніемъ изображаетъ амурныя и адюльтерныя шалости ихъ, что придаетъ романамъ Б. Маркевича характеръ слюняваго селадонства. Къ этому слѣдуетъ присоединить бюрократически-казенную точку зрѣнія на всѣ явленія русской жизни, оцѣнивающую людей по табели о рангахъ, а дѣла ихъ по уголовному кодексу,—и вы составите полное понятіе объ этой беллетристикѣ, всецѣло вышедшей изъ сферы канцелярій и бюрократическихъ салоновъ.

Василій Григорьевичъ Авсе́нко родился 5-го января 1842 г. въ Московской губ. въ дворянской семьѣ. Въ 1852 г. поступилъ въ 1-ю Петербургскую гимназію, гдѣ, подѣ влияніемъ В. И. Водовозова и соревнующихъ товарищамъ, В. Крестовскому и Ап. Кускову, рано началъ пописывать стихи, изъ которыхъ одни впослѣдствіи появились безъ его вѣдома въ *Модномъ Магази́нѣ* Софіи Мей, подѣ псевдонимомъ В. Порошилова. Кончивъ гимназическій курсъ пришлось ему въ 1-й Киевской гимназіи, такъ какъ отецъ его переселился вѣлѣдствіе болѣзни въ Киевъ. Въ 1859 году Авсе́нко поступилъ на филологическій факультетъ Киевскаго университета и въ 1862 году, кончивъ курсъ со степенью кандидата, имѣлъ намѣреніе посвятить себя профессорской дѣятельности по кафедрѣ всеобщей исторіи. Защитивъ pro venia legendi разсужденіе *Итальянскій походъ Карла VIII и его послѣдствія для Франціи*, съ осени 1863 г. онъ началъ читать лекціи новой исторіи въ качествѣ приватъ-доцента. Но, какъ объясняетъ Авсе́нко въ своихъ воспоминаніяхъ, непріязненные отношенія факультета и обусловленное этимъ незначительное количество слушателей уже черезъ полгода заставили его отказаться отъ профессорской дороги, и онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности, которую началъ, будучи еще студентомъ, съ 1860 года, и въ 1863 году былъ уже помѣщенъ рядъ большихъ историческихъ статей его въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Съ 1864 по 1866 годъ Авсе́нко былъ ближайшимъ помощникомъ В. Я. Шульгина по веденію только-что основаннаго тогда *Кіевлянина*, а временами и главнымъ руководителемъ этой газеты, производившей въ то время почти такую же сенсацію, какъ и *Московскія Вѣдомости*, при чемъ авторъ многихъ передовыхъ статей, громившихъ разные *измы*, былъ именно Авсе́нко.

Въ 1865 году Авсе́нко подѣ псевдонимомъ В. Порошилова напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* свою первую повѣсть *Буря*, за которою слѣдовалъ небольшой разсказъ *Тронутые* въ фельетонахъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* 1866 года.

Въ 1869 г. Авсе́нко сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ возникшей тогда *Зари* Кашпирева, гдѣ помѣстилъ рядъ повѣстей, романовъ и критическихъ статей. Съ прекращеніемъ *Зари* онъ перешелъ съ 1871 г. въ *Русскій Миръ*, гдѣ вѣлъ критическій фельетонъ подѣ инициалами А. О. и напечаталъ нѣкоторые разсказы.

Въ то же время въ теченіе семидесятыхъ годовъ появился рядъ критическихъ статей его въ *Русскомъ Вѣстникѣ* подѣ инициаломъ А. Кромѣ того, Авсе́нко принималъ участіе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, *Граж-*

данить, *Кругозоръ* и *Всемірной Иллюстраціи*, а въ 1883 г. взялъ на аренду *С.-Петербургскія Вѣдомости*, во главѣ которыхъ стоялъ до конца 1895 года.

Въ критическихъ статьяхъ своихъ Авсе́нко прославился рьянымъ мракобѣсіемъ. Онъ доходилъ до полного отрицанія всей современной русской литературы, кромѣ небольшой горсти беллетристовъ *Русскаго Вѣстника*, не останавливаясь при этомъ даже и на такихъ именахъ, какъ Некрасовъ и Салтыковъ. Съ особеннымъ ожесточеніемъ нападалъ онъ на беллетристовъ-народниковъ, Рѣшетникова, Левитова и Гл. Успенскаго, за то, что черезъ нихъ вся русская литература провоняла мужикомъ и отрѣшилась отъ пушкинскихъ традицій художественныхъ изображеній утонченныхъ нравовъ культурныхъ классовъ.

Въ качествѣ же беллетриста Авсе́нко стоитъ въ полномъ противорѣчій со своими критическими воззрѣніями. Правда, въ романахъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны *Млечный путь* (*Русскій Вѣстникъ* 1875—1876 г.) и *Скрежетъ зубовный* (*Русскій Вѣстникъ* 1878 годъ), онъ изображалъ исключительно одни культурные классы, но вовсе не въ томъ поэтическомъ ореолѣ, какъ этого требовалъ отъ беллетристовъ въ качествѣ критика, и даже безъ того молитвеннаго млѣнія передъ велико-свѣтскостью, какое обнаруживалъ Б. Маркевичъ. Напротивъ того, и великосвѣтскіе, и бюрократическіе нравы рисуются въ его романахъ въ мрачныхъ краскахъ полнаго разложенія.

Въ этомъ отношеніи Авсе́нко представляетъ замѣчательный примѣръ разлада, который часто обнаруживаютъ писатели, обладающіе несомнѣнными талантами, когда они отдаются своимъ художественнымъ инстинктамъ, и творчество неудержимо ведетъ ихъ къ созданію образовъ, зависящихъ отъ впечатлѣній жизни, а не отъ тѣхъ или другихъ исповѣдуемыхъ доктринъ.

Такой же разладъ обнаруживаетъ и Константинъ Ѳедоровичъ Головинъ, пишущій подъ псевдонимомъ Орловскаго. Онъ выступилъ на литературное поприще повѣстью *Серьезные люди*, напечатанною въ № 2 *Русскаго Вѣстника* за 1878 годъ, и затѣмъ, въ теченіе десяти послѣднихъ лѣтъ, кромѣ всего прочаго, ознаменовалъ литературную дѣятельность двумя большими романами: *Внѣ колеи* и *Молодежь*. Въ обоихъ этихъ романахъ вы видите ту же двойственность, какъ и въ произведеніяхъ Авсе́нко; теоретически авторъ, повидимому, вѣрнѣе реакціоннымъ стремленіямъ своего лагеря, между тѣмъ какъ изображаемые факты сами по себѣ говорятъ вамъ нѣчто совершенно противоположное и приводятъ къ выводамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ воззрѣніями автора.

Какъ на менѣе замѣчательныя по талантливости автора, но тѣмъ не менѣе произведшія въ свое время нѣкоторую сенсацію, укажемъ на повѣсти Васи́лія Петровича Авенари́уса, появившіяся въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ: *Современная Идиллія* и *Повѣтріе*, изданныя подъ общимъ заглавіемъ *Бродячія силы* (родился Авенари́усъ въ 1839 г. въ Царскомъ Селѣ, воспитывался въ 5-й Петербургской гимназіи, кончивши курсъ которой въ 1857 г., въ 1861 г. получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ степень кандидата естественныхъ наукъ. Нынѣ состоитъ на службѣ въ Собств. Его Императорскаго Величества Канц. по учрежденіямъ Императр. Маріи). Повѣсти эти замѣчательны тѣмъ, что авторъ

все движеніе шестидесятихъ годовъ свелъ исключительно на сенсуальную почву, предположивъ, что оно исчерпывается одною разнузданною эмансипаціею чувственности, и вслѣдствіе этого повѣсти Авенаріуса, и особенно *Повѣтріе*, исполнены такой грубой скабрзности, какая не бывала еще въ нашей литературѣ со временъ Баркова. Довольно сказать, что авторъ самъ устыдился грязныхъ порывовъ своего очевидно разстроеннаго воображенія и въ отдѣльномъ изданіи своихъ произведеній сократилъ нѣкоторыя слишкомъ ужъ откровенныя подробности.

Вслѣдствіи Авенаріусъ обратился на путь дѣтской беллетристики, и на этомъ поприщѣ дѣятельность его имѣла болѣе солидный и почтенный характеръ. Такъ, онъ составилъ сводныя былины и издалъ ихъ подъ заглавіемъ *Книга о кievскихъ богатыряхъ*; издавалъ дѣтскія сказки свои и чужія, написалъ повѣсть, напечатанную въ *Родникѣ* 1885 г., *Дѣтство, отрочество и юность Пушкина*, затѣмъ то же самое *Гоголя* и пр.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

I. Два періода историческаго романа въ Россіи. Характеристика перваго періода. Движеніе историографіи въ шестидесятыя годы. — II. Историческіе повѣсти и романы Николая Ивановича Костомарова. — III. *Князь Серебряный* Алексѣя Константиновича Толстого. *Война и миръ* Л. Н. Толстого. *Два портрета* И. С. Тургенева. *Старые годы* П. И. Мельникова. Историческіе романы Г. П. Данилевскаго и Давида Лукича Мордовцева. — IV. Романы Евгенія Андреевича Саліаса-де-Турнемиръ. Характеристика дубочнаго историческаго романа и представитель его Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ.

I.

Возникшая въ тридцатыхъ годахъ, подъ вліяніемъ романческаго движенія на Западѣ и особенно подъ сильнымъ впечатлѣніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта, историческая беллетристика такъ привилась въ нашей литературѣ, что въ продолженіе пятидесяти лѣтъ успѣла пережить два періода своего процвѣтанія, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого.

Первый періодъ—эпоха романовъ Загоскина, Лажечникова, Н. Кукольника, Р. Зотова и пр.—вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру и духу времени, въ которое жили эти романисты.

Русская историографія въ то время только-что возникла, и писатели, не исключая Пушкина, находясь еще подъ сильнымъ вліяніемъ Карамзина, глядѣли на историческія событія нашего отечества исключительно съ государственной точки зрѣнія. Правда, и въ то время были попытки выйти изъ рабскаго подчиненія взглядамъ Карамзина и приступить къ историческимъ изслѣдованіямъ съ болѣе широкимъ и смѣлымъ кругозоромъ. Но однѣ изъ этихъ попытокъ, каковы, напримѣръ, историческіе труды профессоровъ Каченовскаго и Погодина, ограничиваясь кропотливою критикою специально-научныхъ вопросовъ, не шли далѣе аудиторіи и не имѣли большого вліянія на публику и на ея литературныхъ представителей. Не могъ освободить ихъ отъ рабскаго подчиненія взглядамъ Карамзина и Н. А. Полевой своей *Исторіей русскаго народа*, такъ какъ

онъ слишкомъ подчинялся идеямъ и доктринамъ западныхъ историковъ и не представилъ какихъ-либо новыхъ взглядовъ, которые свидѣтельствовали бы о самостоятельныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ съ его стороны. Славянофильская школа находилась еще въ зародышѣ и не успѣла ни развить, ни тѣмъ болѣе высказать свои оригинальныя идеи. Ко всему этому надо взять во вниманіе суровость цензурныхъ условий тридцатыхъ годовъ. Кругъ историческихъ изслѣдованій въ то время былъ еще крайне ограниченъ, доступъ въ государственные архивы затрудненъ. О многихъ историческихъ фактахъ можно было имѣть свѣдѣнія лишь изъ однихъ сомнительныхъ иностранныхъ источниковъ, но и подобныя свѣдѣнія приходилось держать про себя, потому что о всѣхъ мало-мальски щекотливыхъ историческихъ фактахъ безусловно запрещалось упоминать. Русская исторія кончалась въ то время царствованіемъ Петра I. Дозволялось кое-что сообщать о владѣствѣ князя Меншикова и его внезапномъ низверженіи, о царствованіи Анны Иоанновны и о регентствѣ Бирона, но съ большою осторожностью. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что романъ Лажечникова *Ледяной домъ* хотя и былъ пропущенъ первымъ изданіемъ, но дальнѣйшія изданія были уже невозможны, и онъ долгое время считался книгой запрещенной. Наконецъ, даже и тѣ событія, рѣчь о которыхъ допускалась въ печати, нельзя было обсуждать съ точки зрѣнія, которая хоть сколько-нибудь расходилась бы съ казеннымъ патріотизмомъ, вмѣнявшимся въ священную обязанность каждому русскому писателю.

При такихъ условіяхъ возникшіи въ тридцатые годы русской исторической романъ не могъ представить почти ничего классически замѣчательнаго. Только такимъ гениальнымъ талантамъ, какъ Пушкинъ и Гоголь, удалось подарить русскую литературу двумя-тремя образцами исторической беллетристики высокаго достоинства, стоящими совершенно особнякомъ. Въ общемъ же историческій романъ тридцатыхъ годовъ, со всѣхъ сторонъ стѣсненный и подведенный подъ ранжиръ трехъ пресловутыхъ девизовъ того времени, представляетъ изъ себя нѣчто весьма жалкое. Романисты изображали лишь нѣкоторыя дозволенныя эпохи болѣе или менѣе отдаленнаго времени, на примѣръ, эпоху крещенія Руси (*Аскольдова могила* Загоскина), Иоанна III (*Басурманъ* Лажечникова), самозванцевъ (*Юрій Милославскій* Загоскина), войну Петра I со шведами (*Послѣдній новикъ* Лажечникова) и пр. Объ историческихъ событіяхъ упоминалось вскользь, или же они рассказывались по Карамзину, высокимъ слогомъ, съ дѣланымъ патріотическимъ одушевленіемъ. Нравы и всѣ аксессуары прошлой жизни, при недостаткѣ у авторовъ археологическихъ свѣдѣній, изображались въ самыхъ общихъ чертахъ и часто совершенно невѣрно.

Большая же часть страницъ квази-историческихъ романовъ наполнялась обыкновенно изображеніемъ сантиментальной любви двухъ-трехъ стереотипно-добродѣтельныхъ героевъ, которые подвергались ужаснымъ приключеніямъ, нѣсколько разъ умирали и вновь воскресали, чтобы къ концу романа сочетаться законнымъ бракомъ! При такомъ развитіи сюжетовъ историческіе романы тридцатыхъ годовъ имѣли романически-сказочный характеръ. Публика зачитывалась ими, но истинные знатоки литературы и критики ставили ихъ невысоко, и понятно, что съ раз-

вигіемъ и утвержденіемъ въ нашей литературѣ реализма и подѣ влияніемъ критики Бѣлинскаго подобный историческій романъ долженъ былъ пасть. Въ теченіе пятидесятихъ годовъ онъ совсѣмъ исчезъ съ литературной арены, тѣмъ болѣе, что при острой реакціи первой половины пятидесятихъ годовъ онъ немислимъ былъ даже и въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ представлялся въ тридцатые и сороковые годы.

Въ теченіе пятидесятихъ годовъ взоры всей интеллигенціи были слишкомъ прикованы къ настоящему, чтобы интересоваться прошлымъ: въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ общее вниманіе было поглощено крымской войной, а затѣмъ наступила эпоха возрожденія вопросовъ и реформъ,—казалось бы, совсѣмъ въ это время было не до исторіи. Тѣмъ не менѣе пятидесятие годы вмѣстѣ со всѣми возрожденіями представляютъ собою и возрожденіе русской исторіографіи. Одни труды С. М. Соловьева и затѣмъ Н. И. Костомарова ознаменовали переворотъ въ этой области. Не говоря уже о томъ, что центр тяжести историческихъ изслѣдованій совершенно измѣняется, и главнымъ предметомъ изученія дѣлается не одно государство, а народъ со всѣми его вѣрованіями, понятіями, нравами, стремленіями, симпатіями и антипатіями; вмѣстѣ съ тѣмъ не замедлили значительно раздвинуться самыя рамки исторіи: получилась возможность говорить о такихъ событіяхъ и фактахъ, о которыхъ прежде нельзя было и заикнуться. Особенно сильно подвинулось изученіе близкаго къ намъ XVIII вѣка. Кромѣ того, что государственные архивы сдѣлались доступнѣе, и самое изданіе историческихъ памятниковъ начало встрѣчать менѣе затрудненій и препятствій. Съ шестидесятихъ годовъ начали издаваться періодическія изданія, спеціально посвященныя печатанію историческихъ матеріаловъ, каковы: *Русскій Архивъ* съ 1863 г., *Русская Старина* съ 1870 г., *Историческій Вѣстникъ* съ 1880 г., *Кіевская Старина* съ 1882 г., и пр. Въ изданіяхъ этихъ появились массы записокъ, воспоминаній, автобіографій, писемъ историческихъ лицъ и т. п. До какой степени въ самомъ обществѣ былъ возбужденъ живой интересъ къ историческому прошлому Россіи, можно судить по тому, какъ весь интеллигентный Петербургъ сошелся на диспутъ Костомарова съ Погодинымъ въ мартѣ 1860 г. по столь спеціальному вопросу, какъ происхожденіе Руси. Въ то же время несмѣтная толпа лицъ всѣхъ званій, половъ и возрастовъ стекалась на лекціи Костомарова въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Наконецъ, несмотря на конкуренцію разомъ четырехъ историческихъ журналовъ, всѣ они пріобрѣли тысячи подписчиковъ и приносятъ издателямъ немалый доходъ.

Понятно, что, вслѣдствіе такого сильнаго движенія исторіографіи и общаго интереса къ русской старинѣ, историческій романъ возродился къ новой жизни и въ продолженіе семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ составлялъ обширную отрасль беллетристики, въ количественномъ отношеніи значительно превышающую всѣ прочія.

II.

Но если въ количественномъ отношеніи современный историческій романъ представляетъ собою нѣчто монструозное, нельзя сказать, чтобы онъ въ такой же степени процвѣталъ и въ качественномъ отношеніи.

Если онъ превышаетъ въ чемъ-либо старый (тридцатыхъ годовъ), то развѣ лишь въ болѣе разнообразіи темъ, въ болѣе свободѣ въ изображеніи историческихъ картинъ и въ проведеніи тѣхъ или другихъ взглядовъ, наконецъ, въ лучшемъ знаніи археологіи. Въ то же время новый романъ недалеко ушелъ отъ стараго по легкомысленному его отношенію къ историческимъ фактамъ, отсутствію строгаго разграниченія исторической достовѣрности отъ поэтического вымысла, наклонности къ поверхностности, скороспѣлости и спекулятивной лубочности.

Всего же грустнѣе, что Николай Ивановичъ Костомаровъ, стоящій во главѣ новаго періода исторіографіи и главный виновникъ переворота въ ея развитіи, первый подалъ примѣръ легкомысленнаго отношенія къ исторіи въ области беллетристики. Обладая отъ природы нервнымъ темпераментомъ и богатой фантазіею, доходившею до галлюцинацій, страстный любитель музыки и всѣхъ искусствъ, Н. И. Костомаровъ постоянно обнаруживалъ наклонность къ художественному творчеству. Каждое изученіе приводило его къ попыткамъ воспроизвести изучаемое въ художественныхъ формахъ. Такъ, еще на университетской скамьѣ, прочтя повѣсти Квитки, *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и *Тараса Бульбу* Гоголя, думы и пѣсни, изданныя Максимовичемъ, онъ увлекся малороссійскою стариною и въ 1838 году издалъ драматическое произведеніе въ 5-ти дѣйствіяхъ *Савва Шалый*. Печальный эпизодъ своей жизни въ видѣ внезапнаго ареста передъ самой свадьбой, заключенія и ссылки въ Саратовъ, Костомаровъ ознаменовалъ драмою изъ древней римской жизни *Кремуцій Кордъ* (напечатанною въ 1862 г.). Не отличаясь художественными достоинствами, драма эта любопытна по автобиографическимъ намекамъ, какіе въ ней встрѣчаются. Прежде всего мы находимъ здѣсь посвященіе «незабвенной А. Л. К. на память 14-го мая 1847 года». Это очевидно намекъ на свиданіе Костомарова съ невѣстой во время пребыванія въ крѣпости. Главнымъ героемъ является римскій историкъ Кремуцій Кордъ, котораго обвиняютъ въ восхваленіи въ своей исторіи Брута и Кассія. Любимецъ Тиверія, Сеянъ, въ лицѣ котораго авторъ подразумѣваетъ Дуббельта, заставляетъ историка признаться, что онъ имѣлъ въ виду взволновать умы своимъ сочиненіемъ, и обращается къ нему съ такою рѣчью: «Послушай, мой добрый другъ, прими мой искренній совѣтъ. Увертки твои ни къ чему не послужатъ, увѣряю тебя. Лучше всего смиренно признайся своему государю, что ты виноватъ и жалѣешь о томъ, что написалъ. Можешь сказать, что это случилось неволью, отъ увлеченія, а вовсе не отъ злонамѣренности. Увѣряю тебя, что все это тебѣ простится: цезарь милосердъ съ тѣми, кто искренно повергаетъ къ стопамъ его свои заблужденія». Въ одномъ монологѣ Кремуцій Кордъ говоритъ: «Погибнуть въ цвѣтѣ лѣтъ, не успѣвъ даже и отвѣдать наслажденій жизни, погибнуть тогда, когда впереди улыбалась мнѣ слава, ожидала любовь!» Тутъ очевидно опять намекъ на личную жизнь автора. Въ засѣданіи сената по дѣлу Кремуція Корда одинъ изъ сенаторовъ говоритъ: «Сенатъ въ правѣ осудить сочиненіе Кремуція Корда на *публичное сожженіе*, какъ въ высшей степени безнравственное и возбуждающее къ безначалію и недовольству, вмѣнить эдиламъ въ непремѣнную обязанность *отобрать экземпляры этой книги у частныхъ лицъ и въ лавкахъ* и предупредить всѣхъ гражданъ, что скрывшіе у себя это сочи-

неніе подвергнутся наказанію; самого же автора представить волѣ императора, прося однако его величество, чтобы Кремуцій Кордъ *былъ лишенъ средствъ вредить общественному спокойствію зловредными сочиненіями на будущее время*. Тиверій одобряетъ это мнѣніе. Сенатъ признаетъ оправдательную рѣчь Кремуція Корда недостаточною; осуждаетъ сочиненіе на сожженіе, а автора предаетъ волѣ императора, прося его принять мѣры къ тому, чтобы у него была отнята возможность вредить обществу распространеніемъ подобныхъ мыслей какъ письменно, такъ и *словесно*. Очевидно, тутъ цѣлый рядъ намековъ на исторію съ диссертацией Костомарова и на кару, постигшую его за основаніе Кирилло-меоодіевского братства.

Изученіе бунта Стеньки Разина привело Костомарова къ созданію повѣсти *Сынъ*, рисующей нравы и бытъ русскаго общества въ XVII вѣкѣ,

Н. И. Костомаровъ.

а изученіе эпохи и личности Иоанна Грознаго ознаменовалось романомъ *Кудеяръ*, напечатаннымъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1875 года. Въ повѣсти *Сынъ* Костомаровъ строго держится въ предѣлахъ исторической достовѣрности: ученый элементъ преобладаетъ въ ней надъ художественнымъ, вслѣдствіе чего повѣсть нѣсколько суховата. Нужно замѣтить, что хотя Костомаровъ и не былъ лишенъ художественности, но былъ художникомъ лишь настолько, насколько это нужно историку, чтобы характеристики были картинны и воспроизводили историческія личности и событія въ истинномъ свѣтѣ и колоритѣ. Къ тому же художественный талантъ Костомарова проявлялся гораздо полнѣе и живѣе въ устномъ изложеніи, чѣмъ въ письменномъ. Кто слышалъ лекціи Костомарова, которыя

онъ читалъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1859—1861 г., согласится съ этимъ. Художественности этихъ лекцій много помогала дикція, неподражаемое умѣнье читать историческіе памятники, выражая самымъ тономъ голоса духъ ихъ. Въ устахъ Костомарова архаическій, мертвый языкъ памятниковъ словно какъ бы воскресалъ и дѣлался живой, выразительной художественно-живописной разговорной рѣчью. Когда эти лекціи приходилось потомъ читать въ письменномъ изложеніи, онѣ теряли по-

ловину своего обаянія. Эта живописность чтеній Костомарова и привлекала на лекціи его несмѣтную толпу слушателей, заставляя современниковъ ставить имя его на ряду съ именами Прескотта, Маколея и Тьерри.

Этою способностью обнаруживать историческую художественность болѣе въ устномъ изложеніи, чѣмъ въ письменности, и обуславливается сухость и тяжеловѣсность повѣстей Костомарова. Но въ то время, какъ повѣсть *Сынъ* представляет во всякомъ случаѣ интересъ исторической иллюстраціи, нельзя того же самаго сказать о *Кудеярѣ*. Лишь преклоннымъ возрастомъ автора (ему было 58 лѣтъ) можно объяснить тотъ грѣхъ, что онъ слишкомъ дозволилъ разгуляться богатой фантазіи и выступилъ за предѣлы вѣрности историческимъ фактамъ. Правда, въ романѣ живо и картинно рисуется эпоха Іоанна Грознаго въ моментъ перелома въ его царствованіи, передъ смертью царицы Анастасіи. Наболѣе ярко очерчены Іоаннъ Грозный, Анастасія, Курбскій и князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій. Адашевъ и Сильвестръ довольно блѣдны и туманны. Но главнымъ пятномъ романа является герой Кудеяръ, въ изображеніи котораго Костомаровъ совершилъ буквально такое же преступленіе передъ исторіею, какимъ отличился Рафаилъ Зотовъ въ романѣ *Таинственный монахъ*. Совершенно подобно тому, какъ въ романѣ Зотова всѣ историческія событія первой половины царствованія Петра, начиная со стрѣleckихъ бунтовъ и кончая измѣною Мазепы, совершаются по инициативѣ героя романа Іоны, оказавшагося потомъ гетманомъ Дорошенкою,—такую же роль присваиваетъ Костомаровъ своему герою Кудеяру. Это—загадочная личность, не помнящая ни рода, ни племени: онъ былъ найденъ казаками ребенкомъ въ татарскомъ аулѣ съ крестомъ на шеѣ, свидѣтельствовавшимъ, что ребенокъ—христіанинъ. Татаринъ, у котораго нашли ребенка, объявилъ, что его взяли татары изъ московской земли. Онъ выросъ среди казаковъ, женился на дочери казака Тишенко, Настѣ, и прибылъ въ Москву въ войскѣ Вишневецкаго.

Когда вы читаете первыя главы романа, передъ вами въ лицѣ Кудеяра рисуется безобразная груда мяса, обладающая непомерной силой при полномъ отсутствіи чего-либо человѣческаго: это грубый атлетъ, одаренный лишь способностью ломать подковы и вывертывать столбы и въ то же время исполненный непомерной тупости, которою отличаются всѣ подобнаго рода атлеты. Таковъ Кудеяръ не только въ сценѣ убійства сына, прижитаго Настею во время плѣна, и въ Александровской слободѣ онъ является столь же слѣпымъ и бессмысленнымъ орудіемъ казней Іоанна, который въ концѣ концовъ кругомъ одурачилъ его и насмѣялся надъ нимъ со всей своей сатанинской ироніей. И вдругъ этотъ неотесанный чурбанъ, болѣе похожій на стѣнбитное орудіе, чѣмъ на живого человѣка, является передъ вами геніемъ удалой, всепокоряющей хитрости, двигаетъ царствами и войсками, возбуждаетъ такое удивленіе въ разбойникахъ, что тѣ считаютъ его колдуномъ и безусловно покоряются его волѣ. Мало этого: оказывается, что всѣ событія Грознаго исходятъ отъ Кудеяра. Царь пошелъ въ походъ на Девлетъ-Гирея, потому что Кудеяръ нашелъ свою Настю, и въ этомъ событіи Іоаннъ предвидѣлъ повелѣніе свыше. Девлетъ-Гирей пошелъ на Москву и сжегъ ее,—опять-таки потому, что этого хотѣлъ Кудеяръ въ отмщеніе Іоанну за

смерть своей жены. Въ заключеніе романа Костомаровъ прямо говоритъ: «Москва, отстроившись послѣ сожженія, *причиненнаго ей злобой Кудеяра*, не разъ послѣ того испытывала пожары и нашествія иноземцевъ». Иоаннъ казнилъ князя Владиміра Андреевича со всею семьей опять-таки не почему иному, какъ потому, что Кудеяръ мучилъ народъ именемъ князя. Даже новгородцевъ топить въ Волховѣ Иоаннъ пошелъ не почему иному, какъ для того, чтобы на нихъ выместить свой гнѣвъ на Кудеяра. Но и этого всего мало: въ концѣ концовъ всесильный Кудеяръ является не кѣмъ инымъ, какъ сыномъ Василя III, рожденнымъ отъ Соломоніи вскорѣ по заключеніи ея въ монастырь!..

Такимъ образомъ въ *Кудеярѣ* Костомаровъ воскресилъ безцеремонное искаженіе исторіи и произвольную игру съ историческими фактами, которыя были простительны въ эпоху Рафаила Зотова, но представляются положительно необъяснимыми при громадномъ шагѣ, какой сдѣлала историческая наука въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. А между тѣмъ авторитетъ Костомарова освятилъ подобный способъ отношенія къ исторіи, и историческіе беллетристы, въ особенности же третьестепенные мастера лубочныхъ издѣлій, взапуски пустились сочинять свою собственную исторію, заставляя вымышленныхъ героевъ потрясать царствами и судьбами Европы и Россіи.

III.

Въ 1861 году былъ напечатанъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* романъ Алексѣя Константиновича Толстого (біографическія свѣдѣнія о немъ смотри ниже—въ отдѣлѣ поэтовъ)—*Князь Серебряный*, изъ эпохи Иоанна Грознаго. Романъ этотъ имѣлъ большой успѣхъ и разошелся въ нѣсколькихъ изданіяхъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе шестидесятыхъ годовъ былъ почти единственнымъ представителемъ исторической беллетристики. Романъ этотъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ произведеній этого рода, отличающихся художественностью и добросовѣстностью изученія исторической эпохи. Авторъ отъ первой страницы до послѣдней остается вѣренъ историческимъ фактамъ, не проводитъ никакихъ предвзятыхъ тенденцій, не дѣлаетъ ложныхъ освѣщеній. Однимъ словомъ, это одинъ изъ немногихъ историческихъ романовъ, который можетъ быть прочтенъ съ интересомъ безъ вреда.

Въ 1867 году появился въ томъ же *Русскомъ Вѣстникѣ* романъ *Война и миръ*, представляющій шедевръ Л. Н. Толстого. Мы подробно говорили объ этомъ романѣ при обзорѣ дѣятельности его автора, и теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о его значеніи спеціально какъ историческаго романа.

Представляя рядъ геніальныхъ картинъ нравовъ и быта русскихъ дворянъ великосвѣтскаго общества начала XIX вѣка, а также отдѣльных историческихъ эпизодовъ войны двѣнадцатаго вѣка, въ цѣломъ романѣ въ историческомъ отношеніи имѣетъ много слабыхъ сторонъ. Во-первыхъ, вредитъ ему мистико-фаталистическая теорія, съ точки зрѣнія которой авторъ смотритъ на историческіе факты. Въмѣстѣ съ тѣмъ портреты нѣкоторыхъ историческихъ личностей, на примѣръ, Наполеона, Кутузова, Сперанскаго, написаны съ предвзятою тенденціозностью, и потому

односторонне и невѣрно. Тѣмъ не менѣе романъ Л. Толстого произвелъ такое всевластное вліяніе на разсматриваемую нами отрасль беллетристики, что ни одинъ изъ историческихъ беллетристовъ не былъ въ силахъ избавиться отъ этого вліянія въ бытовыхъ и батальныхъ картинахъ, въ изображеніяхъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ былого времени и даже въ развитіи сюжетовъ.

Не преминулъ заплатить свою лепту исторической беллетристикѣ И. С. Тургеневъ повѣстью *Два портрета*, въ которой, не вдаваясь въ изображеніе какихъ-либо историческихъ фактовъ, очень живо и рельефно представилъ эпизодъ изъ усадебныхъ нравовъ XVIII вѣка.

Рядомъ съ этою повѣстью Тургенева мы можемъ поставить рассказъ П. И. Мельникова *Старые годы*, вопіющую картину дикаго варварства, господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ среди помѣщичьихъ нравовъ подъ вѣшнимъ покровомъ европейской цивилизаціи.

Г. П. Данилевскій, какъ мы говорили выше (см. стр. 229), въ свою очередь заплатилъ дань историческому роману. Изъ этого рода произведеній его наиболѣе выдаются: романъ *Мировичъ* (1879 г.), *Сожженная Москва* (1885—1886 гг.) и *Черный годъ* (1888 г.). Въ романѣ *Мировичъ* изображается извѣстный эпизодъ изъ царствованія Екатерины, — попытка Мировича совершить *coup d'état*, возведя на престолъ злосчастнаго шليسбургскаго узника, Иоанна VI. Романъ этотъ имѣлъ большой успѣхъ; но авторъ не избѣгъ свойственнаго многимъ русскимъ историческимъ романамъ безцеремоннаго отношенія къ историческимъ фактамъ, допустивши такія сближенія между собою современныхъ историческихъ личностей, которыя очень сомнительны и очевидно представляютъ плодъ поэтическаго вымысла. Мировичъ, наиримѣръ, оказывается мало того что знакомымъ съ Ломоносовымъ, но послѣдній является главнымъ подстрекателемъ Мировича къ его роковой попыткѣ. Такою же подстрекательницею выступаетъ отставная придворная дѣвица Поликсена Пчелкина, въ которую былъ влюбленъ Мировичъ. Она разыгрываетъ роль злого духа честолюбія, въ родѣ Марины Мнишекъ. Оказывается, что по ея же анонимному писью Петръ III задумалъ свое посѣщеніе заключеннаго принца. Мировичу самому и въ голову не пришло бы покушеніе, если бы не Ломоносовъ и не Поликсена. Онъ былъ, правда, очень честолюбивый юноша, но шелъ своимъ рутиннымъ путемъ и былъ лишь гулякою и такимъ счастливымъ игрокомъ, что, съ кѣмъ бы ни садился играть, обыгрывалъ въ пухъ и прахъ, до ниточки; золото такъ и лилось въ его карманы. Будучи еще кадетомъ, онъ обыгралъ корпуснаго начальника князя Езупова, за что былъ исключенъ изъ корпуса, отданъ въ солдаты въ заграничную армію и выслужился тамъ во время семилѣтней войны. Потомъ въ австеріи у Дрезденши, притонѣ кутящей золотой молодежи, онъ обыгралъ братьевъ Орловыхъ. Словомъ, Данилевскому ничего не стоило сближать между собою историческія личности и ставить ихъ въ какія угодно отношенія. А подъ конецъ романа творческая фантазія его разгуливается до того, что онъ рассказываетъ, какія впечатлѣнія воспринимала голова Мировича послѣ того, какъ была отдѣлена отъ туловища.

Романъ *Сожженная Москва* былъ написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ *Войны и мира* Л. Толстого, что наиболѣе сказалось въ главныхъ момен-

тахъ романа (пожаръ Москвы, плѣнъ героя, приговоръ къ разстрѣлянiю, Путешествiе русскихъ плѣнныхъ съ отступавшими французскими войсками и опасность быть подстрѣленному въ дорогѣ и пр.). Но при всемъ этомъ неотразимомъ влiянiи романа Л. Толстого, въ *Сожженной Москвѣ* вы найдете нѣчто такое, чего въ *Войнѣ и Мирѣ* нѣтъ и что составляетъ какъ бы добавленiе къ великой эпопее графа Толстого.

Дѣло въ томъ, что гр. Л. Толстой въ своихъ романахъ изображалъ русскихъ женщинъ исключительно въ предѣлахъ ихъ женской специальности. Русская женщина является подъ перомъ гр. Л. Толстого лишь какъ самоотверженная жена, хлопотливо оберегающая домашнiй очагъ и готовая ради этого великодушно простить и прикрыть все грѣхи невѣрнаго мужа, или какъ любящая мать, проливающая слезы надъ колыбелью младенца, или какъ сестра милосердiя, дни и ночи до послѣдняго истощенiя силъ проводящая у постели тяжело раненаго и умирающаго. Словомъ, гр. Л. Толстой показалъ намъ русскую женщину во всехъ ея національныхъ преимуществахъ, безгранично любящую, самоотверженною, мечтательно-стремящеюся къ высокимъ и широкимъ идеаламъ, цѣломудренно-стыдливою даже въ моменты грѣшныхъ паденiй и самую чувственность постоянно стремящеюся освятить нравственнымъ долгомъ. Но онъ просмотрѣлъ одну замѣчательную сторону русской женщины: способность въ рѣдкiя минуты сильныхъ нравственныхъ подъемовъ духа смѣло выходить изъ узкаго круга женской доли, проникаться воинственнымъ духомъ и посрамлять мужчинъ отважнымъ героизмомъ. Въ народныхъ былинахъ, сказкахъ, въ исторiи проходитъ передъ нами вереница воинственныхъ женщинъ, начиная съ удалыхъ наѣздницъ, которыя дрались въ чистомъ полѣ съ могучими богатырями, св. Ольги, съ ея безпощадною мстью за смерть своего мужа, и кончая тѣми героинями 1812 года, въ родѣ дѣвицы Александры Дуровой, которыя принимали храброе участiе въ отечественной войнѣ въ рядахъ войскъ.

Героиня романа Данилевскаго, Аврора Крамалина, является передъ нами именно одной изъ подобныхъ героинь войны 1812 года, безъ изображенiя которыхъ эта эпоха является неполной, какъ бы она ни была хорошо обрисована.

Романъ *Черный годъ* принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ произведенiй Данилевскаго. Изображая пугачевскiй бунтъ, романъ этотъ ничего не прибавляетъ къ прочимъ изображенiямъ этого событiя, въ неизмѣримой степени талантливѣйшимъ. Личность Пугачева представлена крайне невѣрно, съ чисто административно-казенной точки зрѣнiя, въ видѣ мелкаго и ничтожнаго бродяги-душегуба, который возвысился благодаря лишь народному движенiю и немедленно палъ съ высоты, какъ только это движенiе утомилось. Дѣйствующiя лица очень часто говорятъ изысканно книжнымъ языкомъ нашего времени, употребляя выраженiя въ XVIII вѣкѣ немислимыя; въ общемъ романъ растянута и скученъ.

Изъ писателей старшаго поколѣнiя однимъ изъ самыхъ плодovitыхъ поставщиковъ историческихъ романовъ является Даниль Лукичъ Мордовцевъ. Онъ родился въ слободѣ Даниловкѣ, въ землѣ войска Донскаго 7-го декабря 1830 года, кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1854 г. Умеръ въ 1905 г. Прежде, чѣмъ вступить на поприще историческаго романа, Д. Л. Мордовцевъ приобрѣлъ почетную извѣстность въ шестидеся-

тыхъ годахъ своими изслѣдованіями по исторіи Малороссіи, Польши и пугачевщины. Изъ числа сочиненій этого періода дѣятельности особенно выдаются *Самозванецъ Іоаннъ* (Р. В., 1860), *Выдержки изъ исторіи Польши 1770—1772 гг.* (Р. В., 1863), *Паденіе Польши* (Р. В., 1862), *Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности* (1769—1775), *О русскихъ школьныхъ книгахъ XVI в.*, *Самозванцы*, *Малороссійскій литературный сборникъ*, *Гайдамачина* и др. Историческіе романы и повѣсти началъ онъ писать во второй половинѣ своей литературной дѣятельности, на склонѣ уже лѣтъ. Наиболѣе выдается изъ нихъ романъ *Идеалисты и реалисты*, изображающій эпоху Петра и проливающей на нее свѣтлый взглядъ. Нельзя отказать Мордовцеву въ талантѣ, въ основательномъ знаніи исторіи и добросовѣстномъ отношеніи къ историческимъ фактамъ; къ сожалѣнію, плодовитость сильно вредитъ качеству его произведеній. Они пекутся какъ блины и при скороспѣлости производятъ впечатлѣніе крайней небрежности. Къ тому же большой недостатокъ автора составляютъ манерность, отсутствіе простоты и естественности, страсть оригинальничать, балагурить и, какъ результаты этого,—неудержимая болтливость, выходящая порою изъ всѣхъ предѣловъ.

IV.

Изъ историческихъ беллетристовъ, принадлежавшихъ къ болѣе молодому поколѣнію, наибольшимъ талантомъ отличается графъ Евгений Андреевичъ Саліасъ-де-Турнемиръ. Онъ былъ сынъ Е. В. Саліасъ (Евгенія Туръ). Родился въ 1841 г. и получилъ блестящее образованіе; чуть не съ пеленокъ пришлось ему вращаться въ литературномъ и артистическомъ кругу, такъ какъ въ домѣ матери его сходились всѣ корифеи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, какъ литературные, такъ и по всѣмъ прочимъ искусствамъ. Кромѣ тщательнаго домашняго образованія подъ руководствомъ и надзоромъ матери, онъ уже въ дѣтствѣ совершалъ продолжительныя путешествія за границей. Въ январской книжкѣ *Библиотеки для Чтенія* 1863 г., слѣдовательно, когда ему было 22 года, появилась первая его повѣсть *Ксаня чудная*, посвященная матери и подписанная Вадимъ. Вслѣдъ затѣмъ въ различныхъ журналахъ появились повѣсти: *Тьма Манжажа* и *Еврейка*. Всѣ эти повѣсти были написаны подъ сильнымъ влияніемъ Тургенева, которому авторъ старался подражать въ описаніяхъ природы и женскихъ типахъ. Талантъ его былъ замѣченъ, особенно понравившись *Путевые очерки Испаніи*. Смолкнувши затѣмъ на долгое время, Саліасъ появился вновь въ литературѣ уже въ началѣ семидесятихъ годовъ съ романомъ *Пугачевцы*, отрывки котораго, подъ заглавіемъ *Бугуны* и *Земцы и нѣмцы*, были напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, а затѣмъ въ 1874 г. романъ появился въ полномъ видѣ въ отдѣльномъ изданіи, подписанный именемъ автора. Автору пришлось не мало поработать надъ романомъ, порыться по архивамъ, поѣздить по мѣстамъ, гдѣ происходилъ пугачевскій бунтъ. Романъ произвелъ сенсацію, понравился публикѣ и доставилъ автору общую извѣстность. И дѣйствительно, нельзя отказать гр. Саліасу въ талантливости. Вы найдете въ романѣ отдѣльныя мѣста, написанныя съ большимъ мастерствомъ; такова, напр., кар-

тина казанскаго общества предъ возстаніемъ, броженіе въ народъ и начало смуты, взятіе Казани, портреты Бибикова, Рейнсдорпа, Суворова, Фреймана. Но въ цѣломъ романъ представляетъ существенные недостатки. Гр. Салиасъ не могъ избѣгнуть подчиненія вліянію гр. Л. Толстого, и оно сказывается во многихъ типахъ и сценахъ романа. Напримеръ, въ pendant пари Долохова съ англичаниномъ, у Салиаса Ахлатскій бьется объ закладъ съ Туровскимъ, что взвѣдетъ на конѣ по лѣсамъ строящейся колокольни до самаго креста. Въ pendant описанію Л. Тол-

Е. А. Салиасъ.

стымъ болѣзни князя Андрея съ горячнымъ бредомъ и мистическими размышленіями, у Салиаса въ такомъ же родѣ бредитъ и размышляетъ Иванъ Хвалынскій, раненый подъ Оренбургомъ. Подобно Пьеру, Иванъ Хвалынскій по выздоровленіи почувствовалъ въ себѣ возрожденіе, новые мысли и взгляды на все окружающее. Въ романѣ Толстого Пьеръ замышляетъ убить Наполеона, у Салиаса—Параня мечтаетъ убить Пугачева. У Толстого разстрѣливаютъ поджигателей, у Салиаса разстрѣливаютъ захваченныхъ пугачевцевъ и, подобно Пьеру гр. Толстого, съ ужа-

сомъ смотритъ на это Иванъ Хвалынский, ожидая, что и его разстрѣляютъ, и т. п. Главный же существенный недостатокъ романа гр. Салиаса заключается въ томъ, что авторъ подчинился московской беллетристической школѣ, и произведеніе его написано по шаблону большинства романовъ этой школы.

Такъ, на первомъ планѣ рисуется все тотъ же герой *Русскаго Вѣстника*, гордый, непреклонно-твердый, храбро-отважный охранитель, князь Данило Радивонычъ Хвалынский, генеалогическому древу котораго гр. Салиасъ посвящаетъ три страницы, при чемъ мы подробно узнаемъ весь родъ Хвалынскихъ.

Роль же нигилиста XVIII вѣка играетъ богатый помѣщикъ, опальный московскій бояринъ Артемій Никитичъ Соколь-Уздальскій, участвуя въ тайныхъ обществахъ, распространяя прокламаціи, сѣя смуту и подготавливая пугачевскій бунтъ. Князь Данило, какъ только пріѣзжаетъ къ нему, сейчасъ же и начинаетъ свое донъ-кихотское поприще въ духѣ московскихъ тенденцій, сдѣляясь съ коварнымъ крамольникомъ прошлаго вѣка. Затѣмъ на пути въ Азгаръ случайно сталкивается съ клеветникомъ Уздальскаго, мѣщаниномъ Долгополовымъ, везшимъ на Волгу пачки прокламацій, и арестуетъ его съ поличнымъ. Далѣе, проѣздомъ черезъ Казань, попадаетъ на губернаторскій балъ и въ ужасѣ видитъ, что зала наполнена плѣнными конфедератами и танцуютъ, о ужасъ, мажорку! Встрѣчаетъ поляка Яна Бжезинскаго, который при штурмѣ краковской цитадели едва не убилъ его, ранивъ ударомъ сабли въ плечо, вступаетъ съ нимъ тутъ же на балу въ самую вздорную ссору и, когда ихъ разнимаютъ, грозитъ:—«Добро, завтра я соберу моихъ лихачей и его, какъ жидъ, выпорю нагайками на дому!»

Не обходится романъ и безъ коварной польской интриги. Оказывается, что пугачевскій бунтъ всецѣло былъ созданъ ею. Самозванцемъ явился не прямо Пугачевъ, а нѣкій Вячеславъ, внукъ мятежнаго Соколь-Уздальскаго, рожденный отъ племянника его Алексѣя и польки Людвиги, крестница польской интриги. Пугачевъ же сдѣлался самозванцемъ лишь въ послѣдствіи, когда казаки, будучи недовольны гуманностью Вячеслава и его отвращеніемъ отъ кровожадности, рѣшились отдѣлаться отъ него; этимъ и воспользовался Пугачевъ: при помощи казака Чики, ночью въ стени убилъ Вячеслава, бросилъ трупъ его въ рѣку и объявилъ себя Петромъ III.

Положивши начало пугачевского бунта, коварная польская интрига не дремала и во все его продолженіе: такъ, Янъ Бжезинскій отправился въ войско Пугачева, сдѣлался главнымъ подручникомъ, устроилъ ему артиллерию на санкахъ, а братъ его Казиміръ, хитрый іезуитъ, держалъ въ рукахъ нити польской интриги, велъ огромную переписку съ разными европейскими дворами, съ Турціей и польскими іезуитами и въ концѣ концовъ собственноручно отравилъ Вибикова, когда тотъ началъ одолевать мятежниковъ.

Такое же тенденціонное измышленіе фактовъ обнаружилъ гр. Салиасъ и во всѣхъ прочихъ своихъ историческихъ романахъ, каковы: *Петербургское дѣйство*, *Поэтъ Державинъ*, *Братья Орловы*, *Моръ*, *Принцесса Володимірская*, *Бригадирская внучка*, *Аракчеевскій сынокъ* и проч. Разница лишь та, что романъ *Пугачевцы* былъ во всякомъ случаѣ пло-

домъ многолѣтняго труда, и въ немъ авторъ явился во всей силѣ своего таланта. Прочіе же романы представляютъ легкомысленную и поверхностную скороспѣлую стряпню, въ которой вы найдете все, что угодно, кромѣ исторической правды.

Съ легкой руки Салиаса историческій романъ подѣ конецъ семидесятихъ годовъ вступилъ въ новую фазу существованія, въ которой пребываетъ и до сего дня. Принявъ характеръ реакціонной тенденціозности и узко-національнаго самохвальства, онъ сдѣлался продуктомъ шарлатанской спекуляціи скороспѣлаго борзописанья, совсѣмъ вышелъ изъ области изящной словесности, потерялъ всякое литературное значеніе и обратился въ стереотипно-лубочныя издѣлія, украшающія иллюстрированныя изданія на ряду съ полтипажами, шарадами и шахматными партіями. Мало-по-малу выработался даже для него свой шаблонъ, по которому ничего не стоитъ стряпать историческіе романы сотнями: во главѣ романа непременно благонамѣренный герой, преисполненный патриотизма и посярамлиющей русскою доблестью всѣ языки, а также и отечественныхъ крамольниковъ, затѣмъ нѣсколько боевыхъ сценъ, въ жанрѣ гр. Л. Толстого, рутинная любовь, проходящая черезъ всѣ части, а если у автора хватитъ фантазіи, то читатель съ удивленіемъ узнаетъ изъ романа, что главными виновниками крупнѣйшихъ событій всемірной исторіи являются вовсе не тѣ историческія личности, о которыхъ повѣствуютъ Гервинусъ или Шлоссеръ, а Сергѣй Горбатовъ.

Представителемъ этого лубочнаго историческаго романа является старшій сынъ знаменитаго историка С. М. Соловьева, Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ. Онъ родился въ Москвѣ 1-го января 1849 г.; высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, кончивъ курсъ юридическаго факультета въ 1870 году со степенью кандидата правъ. Затѣмъ переселился въ Петербургъ и поступилъ на службу во II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ начали появляться въ повременныхъ изданіяхъ—*Русскомъ Вѣстникѣ*, *Зарѣ*, *Вѣстникѣ Европы* и пр. его стихи и повѣсти. Между прочимъ въ *С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Мирѣ* онъ помѣстилъ рядъ критическихъ статей въ духѣ искусства для искусства. Первая историческая повѣсть его появилась въ *Нивѣ* 1876 г.—*Княжна Острожская*. Затѣмъ послѣдовали романы: *Юный Императоръ* (*Нива*, 1877), *Капитанъ гренадерской роты* (*Истор. Библ.*, 1878), *Царь двѣица* (*Нива*, 1878), *Каеимовская невѣста* (*Нива*, 1879), *Навозженіе* (*Русскій Вѣстникъ*, 1880), *Сергѣй Горбатовъ* (*Нива*, 1881), *Вольтеріанецъ* (*Нива*, 1882) и пр. Умеръ 20 октября 1903 г.

Значеніе и достоинство всѣхъ этихъ произведеній считаемъ вполне опредѣленными тою характеристикою шаблоннаго историческаго романа, какая была нами только-что представлена. Находимъ въ то же время совершенно излишнимъ перечислять всѣхъ безчисленныхъ сподвижниковъ Соловьева, такихъ же, какъ и онъ, лубочныхъ исторіографовъ мелкой прессы, ежедневно вновь появляющихся и безслѣдно исчезающихъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

I. Новая беллетристическая школа, вызванная реакціею семидесятихъ годовъ, и ея особенности.—
 II. Андрей Осиповичъ Новодворскій.—III. Біографическія свѣдѣнія о жизни Всеволода Михайловича Гаршина.—IV. Характеристика его произведеній.—V. Антонъ Павловичъ Чеховъ.—VI. Михаилъ Николаевичъ Альбовъ.—VII. Казимиръ Станиславовичъ Баранцевичъ.

I.

Движеніе шестидесятихъ годовъ кончилось реакціею, обнаружившеюся во всемъ обществѣ въ началѣ восьмидесятихъ годовъ. вмѣсто прежнихъ ликованій и порываній впередъ явилась апатія, уныніе, разочарованіе. Глухое недовольство и раздраженіе воцарились во всѣхъ классахъ общества и партіяхъ. Одни были недовольны совершившимися реформами, находя ихъ преждевременными и даже гибельными; другіе, напротивъ того, находили ихъ недостаточными, урѣзанными, лишь вполнину удовлетворившими потребностямъ края и только раздражившими общественные аппетиты. И между тѣмъ какъ первые, не въ силахъ будучи отмѣнить реформы, болѣе или менѣе успѣшно предпринимали мѣры къ суженію и парализованію ихъ, другіе не въ силахъ были ничѣмъ противодѣйствовать этому, кромѣ неудачныхъ попытокъ, приводившихъ къ новымъ репрессаліямъ, которыя порождали еще большее уныніе и отчаяніе.

Уменьшеніе пульса общественной жизни сказывалось во всемъ: и во всеобщемъ равнодушіи, съ какимъ принимались самыя возмутительныя и постыдныя новости дня, которыя въ прежнее время, навѣрное, встрѣтили бы общій взрывъ негодованія и протеста, и въ отсутствіи высокихъ порывовъ и подъемовъ духа, а если случались единичныя проявленія подобнаго рода, то подымались на смѣхъ, или же отъ нихъ отстранялись, какъ отъ чего-то нарушавшаго общій покой, а потому и несноснаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ явился и новый герой времени, непохожій на прежнихъ. Изъ полуразрушенныхъ усадебъ, изъ голодныхъ дворянскихъ семей, проѣвшихъ всѣ выкупныя свидѣтельства, вышло новое поколѣніе, художное, тщедушное, словно несущее на своихъ плечахъ грѣхи отцовъ и дѣдовъ и обреченное расплачиваться за нихъ. Трагичность лучшихъ представителей этого поколѣнія заключалась не въ однихъ неодолимыхъ внѣшнихъ препятствіяхъ къ осуществленію поставленныхъ вѣкомъ идеаловъ, но и въ видѣ унаслѣдованныхъ пороковъ и слабостей. Въ то время какъ общественныя стремленія призывали этихъ людей къ упорной борьбѣ и совершенію высокихъ подвиговъ, имъ приходилось сознавать, что они неспособны и къ маленькому труду ради прокормленія себя и своихъ голодающихъ семей. И вотъ мы видимъ, что они ударились въ мрачный пессимизмъ чисто гамлетическаго характера, доведившія ихъ до безнадежнаго отчаянія и самоубійствъ. Послѣднія особенно сдѣлались часты въ этотъ періодъ, когда сплошь и рядомъ лишали себя жизни не только взрослые юноши, но и дѣти, мотивируя роковой шагъ то отвращеніемъ отъ жизни, то сознаниемъ безсилія бороться съ

обстоятельствами. Другіе же махали рукой на всѣ идеалы и высокія стремленія, предавались теченію и старались забыться и утопить свою совѣсть въ угарѣ чувственныхъ наслажденій, что было имъ тѣмъ легче, что они отъ отцовъ и дѣдовъ наслѣдовали наклонность ко всяческимъ чревоугодіямъ. Однимъ словомъ, гамлетическій пессимизмъ и сансуализмъ, являющіеся неизмѣнными спутниками всѣхъ реакціонныхъ, сумеречныхъ эпохъ, не замедлили проявиться во всей своей силѣ въ концѣ семидесятихъ годовъ.

Условія эти создали особеннаго рода беллетристическую школу, возникшую во второй половинѣ семидесятихъ годовъ и вполне развившуюся въ теченіе восьмидесятихъ годовъ.

Суть этой беллетристической школы заключается въ томъ, что выводимые ею герои постоянно выражаютъ собою одинъ изъ двухъ вышеозначенныхъ элементовъ: они—гамлеты-пессимисты съ развинченными нервами или же сансуалисты. Духъ этихъ двухъ элементовъ проникаетъ и самыя произведенія ихъ авторовъ.

II.

Первый, обратившій на себя вниманіе и выдвинувшійся изъ этой группы молодыхъ беллетристовъ, былъ Андрей Осиповичъ Новодворскій, произведенія котораго печатались подъ псевдонимомъ А. Осиповичъ. Онъ родился въ 1853 году, въ Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда. Отецъ его былъ мелкій дворянинъ, захудалый шляхтичъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, кромѣ службы, дававшей ему 200 р. въ годъ на мѣстѣ смотрителя провіантскаго магазина. У него было много дѣтей, такъ что жалованья на содержаніе семьи не хватало, и Новодворскій въ раннемъ дѣтствѣ позналъ, что такое нужда.

Гимназическій курсъ Новодворскій окончилъ въ 1870 году въ Немировской гимназіи семнадцати лѣтъ. Отецъ его умеръ, когда мальчикъ былъ еще въ низшихъ классахъ, и дѣла родныхъ пришли въ такое разстройство, что мать и сестры нерѣдко голодали. Съ 13 лѣтъ пришлось мальчугану заботиться о поддержаніи семьи учительствомъ. Въ Немировѣ онъ считался первымъ репетиторомъ и зарабатывалъ иногда до 50 руб. въ мѣсяць,—но это рѣдко. По большей же части юношѣ приходилось выносить массу каторжнаго труда для пріобрѣтенія самаго мизернаго гонорара.

Сокрушающая нужда не помѣшала однако же ему слушать лекціи на математическомъ факультетѣ въ Кіевѣ, а въ 1876 г. онъ пробрался въ Петербургъ и въ 1877 году дебютировалъ своею первою повѣстью *Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни воронь*, напечатанною въ іюньской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Повѣсть эта обратила на себя общее вниманіе, провинція зачитывалась ею.

1878—1880 гг. были особенно губительны для здоровья Новодворскаго. Онъ перенесъ два тифа и сталъ кашлять. Зловѣщіе признаки чахотки, которую онъ считалъ «легонькимъ бронхитомъ», появились въ серединѣ лѣта 1881 г., когда онъ пожилъ на дачѣ въ крошечной комнаткѣ съ сквознымъ вѣтромъ и течью. Онъ поѣхалъ на югъ, въ Винницу, но тамъ еще болѣе простудился отъ дождя (фигурирующаго въ предсмерт-

номъ разсказѣ его *Исторія*) и, снова появившись въ августѣ въ Петербургѣ, испугалъ друзей своимъ чахоточнымъ видомъ. Въ ноябрѣ онъ уѣхалъ за границу съ тѣмъ, чтобы не возвращаться на родину: 2-го апрѣля 1882 года онъ умеръ въ Ниццѣ на двадцать девятомъ году, въ крайней нищетѣ, въ казенной больницѣ и въ полномъ одиночествѣ.

Мы говорили выше, что первый же разсказъ Новодворскаго—*Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны* обратилъ на себя общее вниманіе и заставилъ видѣть въ авторѣ блестящую надежду. И дѣйствительно, отъ него сразу повѣяло на всѣхъ чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ и совершенно новымъ. Самая форма произведенія поражала оригинальностью и совершенно отступала отъ прилизанной, прикрашенной и припомаженной беллетристической формы, созданной сороковыми годами. Южно-русскій юморъ, смѣлое введеніе въ разсказъ не только классическихъ литературныхъ типовъ (Печорина, Рудина, Базарова и пр.), но и самого Тургенева, котораго авторъ заставилъ разговаривать съ героемъ его *Нови*, Соломинымъ, безпрестанныя то лирическія, то юмористическія отступления и прихотливое изложеніе, слѣдующее болѣе полету фантазіи и игрѣ сѣбялюбивыхъ мыслей, чѣмъ внѣшнему развитію сюжета,—все это напоминаетъ гейневскую прозу, и читатель отдыхалъ отъ монотонной рутинны прѣвшагося ему стараго беллетристическаго изложенія, расположеннаго по разъ установленному рутинному порядку.

Но главное значеніе разсказовъ Новодворскаго заключается въ томъ, что здѣсь юное поколѣніе устами лучшаго своего представителя открыло намъ всѣ муки и сомнѣнія, чѣмъ оно живетъ и къ чему оно стремится. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны два первые разсказа: *Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны* и *Карьера*. Въ обоихъ разсказахъ рисуется передъ вами одинъ и тотъ же герой, отъ лица котораго ведется рѣчь; но во второмъ разсказѣ герой этотъ изображенъ рельефнѣе и освѣщенъ правильнѣе и сознательнѣе. Когда Новодворскій писаль *Эпизодъ*, онъ хотя и вѣрно представлялъ себѣ типъ своего героя, какъ художникъ, но, какъ мыслитель, очевидно, не успѣлъ вполне осмыслить его и сознать его мѣсто въ жизни. Вслѣдствіе этой смутности сознанія онъ создалъ цѣлую теорію «ни павства, ни воронства», подъ которую подвелъ всѣхъ и вся: и своего героя, и самого себя, и другого героя изъ народа, Печерицу, и даже самого Бѣлинскаго.

«Ни павство, ни воронство» всѣхъ этихъ личностей, по мнѣнію Новодворскаго, заключалось въ томъ, что они отъ одного берега отстали, а къ другому не пристали. Но если это и можетъ быть примѣнимо къ героямъ Новодворскаго, то совсѣмъ въ обратномъ смыслѣ, чѣмъ къ Бѣлинскому,—именно въ томъ, что въ то время, какъ жизнь внушила имъ новые идеалы и поставила ихъ въ новыя экономическія условія, натура ихъ оставалась старая, ни мало не соответствующая новымъ идеаламъ и условіямъ. По завѣту отцовъ и дѣдовъ они были воспитаны для дворянскаго благодушія, а между тѣмъ условія, необходимыя для этого благодушія, были отъ нихъ отняты. Крестьянъ отобрали; послѣднія выкушныя свидѣтельства были прожиты; поля начали зарастать бѣлоусомъ, усадьбы ветшать, службы разваливаться; сады превратились въ непро-

лазные чащи; наконецъ, всѣмъ этимъ завладѣлъ Деруновъ,—и семьи героевъ нашихъ быстро дошли до послѣдней степени нищеты.

„Мы,—повѣствуетъ герой *Карьеры*,—прожили послѣднія крохи, оставшіяся послѣ отца, и быстро скатились по наклонной плоскости разоренія. Новая квартира обходилась намъ по рублю въ мѣсяцъ. Это была половина вѣбъ какого-то отставного унтера, представлявшая двѣ крошечныя горницы, соединенныя не дверью, а промежуткомъ между кухонною печью и выступомъ противоположной стѣны. Первая отъ входа поступила въ мое владѣніе, вторую заняли мать съ сестрами. У меня было оконце и у нихъ оконце“...

Эта нищета была ужаснѣе той, какую терпятъ люди низшихъ слоевъ общества. Тѣ что-нибудь умѣютъ дѣлать и для нихъ представляется возможность найти хотя бы самый скудный кусокъ хлѣба. Здѣсь же вы видите полную разсѣянность, неумѣнье ни за что взяться, ни въ чемъ найтись, и въ концѣ концовъ безвыходное отчаянье. Люди простого класса способны сами о себѣ позаботиться, обшить себя, обмыть и т. п., а здѣсь привыкли, чтобы за нихъ все дѣлали другіе, и потому теперь по шею тонутъ въ грязи. Но зато попадетъ имъ случайно въ руки лишній грошъ, въ видѣ подачки или заложенной у еврея фамильной брошки, сейчасъ же онъ ставится ребромъ, и въ то время, какъ забываютъ о необходимости заштопать безобразную и бросающуюся въ глаза прорѣху, на столѣ являются конфекты и всякія финтифлюшки.

А что же дѣлаютъ въ это время молодые представители рода, наши герои? Они занимаются благороднымъ дѣломъ: лежатъ на диванѣ и мечтаютъ о широкой дѣятельности. При этомъ, несмотря на то, что кончили ученье, они не чувствуютъ ни малѣйшаго призванія къ какому-нибудь дѣлу; для нихъ рѣшительно все равно, за что бы ни принятыся, и ихъ занимаетъ не самое дѣло, а ихъ собственная фигура, блистающая на героическомъ пьедесталѣ. Это одинъ изъ существенныхъ міазмовъ, какіе бродятъ въ крови героевъ по завѣщанію отцовъ и дѣдовъ. Они никакъ не могутъ вообразить такого порядка вещей, чтобы собрались люди изъ любви къ самому дѣлу, а не къ пьедесталу, уважали и любили другъ въ другѣ товарищей, братьевъ, а не пресмыкающихся рабовъ, чтобы дѣйствовали любовно, сообща, по взаимному совѣту, настолько же подчиняли товарища-брата, насколько сами подчинялись ему. Для нихъ необходимо, чтобы они гордо возвышались надъ толпою и тысячи народа повиновались ихъ голосу, а на нихъ съ восторгомъ любовались бы женскія очи.

Но одною этою гангреною не ограничивается дѣло. Отцы и дѣды завѣщали потомкамъ еще одинъ міазмъ, преобладающій въ ихъ организмѣ и сѣдающій ихъ, именно: необузданное сластолюбіе и чревоугодіе. Есть люди, у которыхъ главнымъ стимуломъ всѣхъ мыслей и дѣлъ является юбка. Куда-бы ни забросила ихъ судьба, они тотчасъ же первымъ дѣломъ оглядываются вокругъ себя, нѣтъ ли гдѣ вблизи подходящаго сюжета для романа, а если возможно, то и для нѣсколькихъ. Что бы они ни предприняли, въ концѣ концовъ оказывается, что это дѣлается специально ради побѣды надъ непреклоннымъ женскимъ сердцемъ, или же роковымъ путемъ сводится къ той же неизмѣнной любовной интрижкѣ. Надо замѣтить при этомъ, что любовь принимаетъ въ глазахъ подобныхъ героевъ характеръ какого-то священнодѣйствія. Благородная героиня никогда не спустится до того, чтобы признаться, что она жаждетъ любви;

нѣтъ, она жаждетъ дѣла, жертвы. А у героя помышленія нѣтъ о томъ, чтобы срывать цвѣты удовольствія: о, нѣтъ, онъ подвиговъ, мученичества жаждетъ! Но подъ всей этой напыщенной риторикой высокихъ стремленій у этихъ господъ скрывается самая низменная чувственность. До какой степени развращено и изгажено бываетъ ихъ воображеніе, объ этомъ мы можемъ судить по герою *Карьеры*. Случайно на улицѣ въ Петербургѣ онъ познакомился съ дѣвушкой, которая подобно ему пріѣхала учиться, голодала и тщетно искала уроковъ. Бѣдвяжка нѣсколькими днями не ѣла и находилась въ такомъ изнеможеніи, что герой съ трудомъ дотащилъ ее до своей каморки и уложилъ на свою постель. Она начала метаться, бредить, у нея, очевидно, развивался голодный тифъ. И вотъ мы читаемъ:

„Она забормотала какую-то безмыслицу, стала метаться на постели и рвать платье. Я растегнулъ ей юбку, снялъ башмаки, чулки, сильно заштопанные на носкахъ и съ влажными желтыми пятнами на подошвахъ, вытеръ досуха худыя, почти дѣтскія ноги и прикрылъ ихъ одеяломъ“.

Словомъ, герой сдѣлалъ то, что былъ обязанъ сдѣлать каждый порядочный и незачерствѣлый человѣкъ. Но и тутъ, у постели умирающей, не забылъ онъ своихъ клубничныхъ грезъ, и къ вышеприведенной тирадѣ прибавилъ слѣдующія слова: «т. е. продѣлалъ все, что при другихъ обстоятельствахъ могло бы составить весьма пикантную страницу романа».

Рядомъ съ такою кощунственною фразою сопоставьте разсужденіе героя *Эпизода* о преимуществѣ бѣлыхъ женскихъ чулокъ передъ цвѣтными для возбужденія въ мужчинѣ страсти,—и вы поймете, чѣмъ наполнены головы героевъ Новодворскаго.

И вотъ эти-то герои, испоконечные физическими и нравственными мiazмами, завѣщанными предками, рѣшаются, повинуваясь духу времени, сжечь за собою корабли, свергнуть съ себя ветхаго человѣка и отъ риторики перейти къ дѣлу, и даже не къ какому-нибудь головоломнохитрому или высокому, а лишь къ азбукѣ дѣла: впрячься въ трудовую лямку рабочаго человѣка. Но тутъ комедія превращается въ трагедію, подводится роковой, окончательный итогъ всей жизни героевъ. Какъ герои, они не могутъ избрать сообразную ихъ истощеннымъ силамъ работу, а дерзаютъ приняться за такой богатырскій трудъ, какъ тасканіе десятипудовыхъ кулей или бревенъ,—ну, и, конечно, терпятъ постыдное насco, какимъ ознаменовалъ свое подвижничество герой *Карьеры*, и затѣмъ начинаются муки отчаянія и помышленія о самоубійствѣ.

Вотъ передъ вами разгадка уединенныхъ выстрѣловъ, раздававшихся такъ часто въ теченіе восьмидесятихъ годовъ. Они являются прямымъ результатомъ отрезвленія героевъ Новодворскаго отъ самообожанія, отчаяннаго сознанія несостоятельности. Герои успѣли постыдно убѣжать отъ всего, что призывало ихъ: отъ родныхъ, вызывавшихъ къ нимъ о помощи, отъ женщинъ, которыя полюбили ихъ, отъ ученья, отъ дѣла, оказавшагося имъ не по силамъ,—и что же оставалось имъ дѣлать, какъ не бѣжать отъ самой жизни?

Но въ послѣдніе годы недолгой литературной дѣятельности были у Новодворскаго попытки изображать типы молодого поколѣнія иного рода, болѣе положительные, цѣльные и отрадныя, вышедшіе изъ иной среды, не столь растлѣнной. Уже въ *Карьерѣ* вывелъ онъ героя совсѣмъ иного

закала въ видѣ Стремиллина, съ характерною кличкою злючки, являющагося мстителемъ за поруганную честь любимой дѣвушки. Въ разсказѣ *Романъ* подобный же типъ въ лицѣ Алешки очерченъ болѣе полно; въ то время, какъ Стремиллинъ представленъ въ одномъ отрицательномъ видѣ мстителя, здѣсь тотъ же герой является и съ положительной стороны, въ качествѣ спасителя молодой и неопытной дѣвушки отъ гибельнаго увлеченія пошлякомъ. Но и здѣсь типъ этотъ лишь отмѣченъ и далеко не является передъ вами во весь ростъ, въ полномъ и всестороннемъ изображеніи.

Въ послѣднихъ же повѣстяхъ Новодворскаго *Мечтатели* и *Исторія* хотя и изображаются, въ свою очередь, положительные герои, но рисуются еще въ большемъ туманѣ, вслѣдствіе того, что, дѣлая неосуществимыя по цензурнымъ условіямъ попытки изображать своихъ героев въ самыхъ дѣйствіяхъ, дѣйствій-то этихъ авторъ и не могъ представить. Герои мало того, что совершаютъ свои главные поступки гдѣ-то за кулисами, авторъ словечка не молвитъ о томъ, что они дѣлаютъ, но иногда они и совсѣмъ не выходятъ на сцену, какъ, напр., въ *Мечтателяхъ* невѣдомый Псевдонимовъ.

III.

Одновременно съ Новодворскимъ выступаетъ на литературное поприще Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ, столь-же преждевременно окончившій свою жизнь, но еще болѣе талантливый и оставившій послѣ себя яркій слѣдъ въ нашей литературѣ.

Гаршинъ родился 2-го февраля 1855 года въ Екатеринославской губерніи, въ Бахмутскомъ уѣздѣ, въ имѣніи бабки А. С. Акимовой. Отецъ его былъ мелкій помѣщикъ на военной службѣ. Вслѣдствіе этого Гаршину съ нѣжнаго дѣтства пришлось много постранствовать, пребывать въ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи. Деревни Екатеринославской губерніи, Харьковъ, Старобѣльскъ, Петербургъ, Петрозаводскъ, — вотъ какія разнообразныя воспоминанія оставило дѣтство Гаршину. Грамотѣ научился онъ на пятомъ году и принялся за чтеніе всѣхъ книгъ, какія попадались ему подъ руки, не исключая нумеровъ *Современника*, гдѣ, будучи восьми лѣтъ, онъ читалъ романъ *Что дѣлать?* Чернышевскаго. Когда ему минуло девять лѣтъ, въ 1864 году, онъ былъ привезенъ матерью въ Петербургъ и опредѣленъ въ первый классъ С.-Петербургской 7-й гимназіи (нынѣ 1-е реальное училище). Учился онъ хорошо и оставилъ пріятныя воспоминанія въ своихъ учителяхъ и воспитателяхъ. Товарищи, въ свою очередь, души въ немъ не чаяли, и онъ приобрѣлъ среди нихъ много друзей, съ которыми до смерти поддерживалъ задушевные отношенія. Въ продолженіе гимназическаго курса Гаршинъ обнаруживалъ страсть къ естествознанію. Особенно лѣтомъ въ деревнѣ онъ весь отдавался своей любви къ природѣ, вѣчно возился съ лягушками, ящерицами и жуками, собиралъ гербаріи и т. п.

Въ старшихъ классахъ гимназіи Гаршинъ все болѣе и болѣе уходилъ въ книги. Онъ учредилъ даже съ нѣсколькими товарищами общество составленія бібліотеки: на членскіе взносы и добровольныя пожертвованія приобрѣтались экономическими способами книги, и друзья сами пе-

реплетали ихъ. Въ то же время Гаршинъ началъ уже пописывать, участвуя въ гимназическихъ рукописныхъ журналахъ, издававшихся товарищами.

Въ концѣ 1872 года, когда Гаршинъ былъ въ седьмомъ классѣ, его впервые посѣтилъ душевный недугъ, сведшій его впоследствіи въ могилу. Родные должны были помѣстить его въ больницу св. Николая. Но мало-по-малу здоровье его оправилось. Помѣщенный въ лечебницу д-ра Фрея лѣтомъ 1873 года, онъ окончательно выздоровѣлъ.

В. М. Гаршинъ.

Окончивши курсъ гимназіи въ 1874 году, Гаршинъ поступилъ въ Горный институтъ. Къ этому времени относится знакомство его съ кружкомъ художниковъ (И. Е. Рѣпинымъ, Н. А. Ярошенко, М. Е. Малышевымъ и проч.), дружбу съ которыми онъ сохранилъ до смерти. Это знакомство много содѣйствовало развитію въ Гаршинѣ художественнаго вкуса и пониманія живописи, которые онъ обнаружилъ въ нѣсколь-

кихъ статьяхъ о художественныхъ выставкахъ. Курсовыми предметами онъ занимался лишь настолько, насколько это требовалось, и всецѣло отдался мысли сдѣлаться писателемъ. Онъ писалъ много, но истреблялъ все написанное, будучи недоволенъ своими работами. Въ 1876 году онъ рѣшился-таки выступить въ печати и напечаталъ маленькій рассказъ, которому впрочемъ не придавалъ значенія, равно и статьямъ о художественныхъ выставкахъ, появившимся вскорѣ затѣмъ въ *Новостяхъ*, и считалъ начало своей литературной дѣятельности съ 1877 года.

Когда началась сербская война, Гаршинъ, отъ природы крайне впечатлительный, постоянно высказывающій кровное убѣжденіе свое объ обязанности каждаго принять на себя долю общаго бѣдствія войны, едва могъ воздержаться отъ участія въ ней, будучи на очереди по всеобщей воинской повинности. За-то, когда появился манифестъ о войнѣ съ Турціей, онъ не могъ долѣе терпѣть: бросилъ переходные экзамены со второго на третій курсъ и отправился въ дѣйствующую армію съ товарищемъ В. Н. Афанасьевымъ. Въ Кишиневѣ онъ поступилъ рядовымъ въ 138-й болховской пѣхотный полкъ и черезъ день выступилъ въ походъ.

Гаршину пришлось принять участіе въ двухъ дѣлахъ съ турками. Первое было небольшою стычкою, послѣ которой были посланы войска для уборки и погребенія труповъ. Здѣсь-то былъ найденъ среди труповъ живымъ сослуживецъ Гаршина, четыре дня остававшійся на полѣ сраженія съ перебитыми ногами, безъ пищи и воды. Этотъ случай и послужилъ темой для перваго разсказа Гаршина *Четыре дня*, который онъ началъ сочинять уже во время похода. Вторымъ дѣломъ, въ которомъ участвовалъ Гаршинъ, было сраженіе при Аясларѣ, описанное имъ въ *Новостяхъ*. Въ реляціи объ этомъ сраженіи сказано, что «рядовой изъ вольноопредѣляющихся, В. Гаршинъ, примѣромъ личной храбрости увлекъ впередъ товарищей въ атаку, во время чего и раненъ въ ногу».

Препровожденный съ другими ранеными въ Бѣлу, Гаршинъ, 4-го сентября, былъ доставленъ въ Харьковъ, гдѣ и провелъ время выздоровленія, до конца декабря, въ домѣ матери. Въ первые же дни по прїѣздѣ въ Харьковъ онъ принялся за обработку разсказа *Четыре дня*, начатаго еще въ Болгаріи. Разсказъ былъ посланъ въ *Отечественныя Записки* и появился въ № 10 этого журнала за 1877 годъ, произведя сенсацию, благодаря своему содержанію изъ военныхъ событій, поглощавшихъ въ то время вниманіе общества, равно и блестящему таланту автора.

Окрыленный этимъ успѣхомъ, прїѣхавши въ Петербургъ, съ жаромъ принялся Гаршинъ за пополненіе своего образованія чтеніемъ и университетскими лекціями, которыя онъ слушалъ въ теченіе полугода, и за новыя литературныя работы. Съ 1878 по 1880 годы были написаны имъ: *Очень маленький романъ*, *Происшествіе*, *Трусъ*, *Встрѣча*, *Художники*, *Attalea princeps*, *Ночь*. Въ продолженіе этого времени здоровье его было относительно цвѣтуще, исключая лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда его посѣщали припадки мучительной меланхоліи. Но посѣтившіе его припадки въ 1879 г. уже не прекращались и зимою, и къ веснѣ 1880 года разразились кризисомъ возврата его душевной болѣзни. Вся его дальнѣйшая жизнь представляетъ собою непрестанную борьбу съ болѣзью, ежегодно являвшеюся весной и проходившею лишь осенью, при чемъ припадки ея дѣлались съ каждымъ разомъ продолжительнѣе и сильнѣе. При та-